

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№18(24)
1991г.1руб.

**советскому союзу
потребуется 250-350 миллиардов
рублей в год, чтобы спастись от полной
экологической деградации.**

Борис КОЗЛОВ «ВОЗДВИЖЕНЬЕ»(1978-1979)

Николай ПЕТРАКОВ:

«...И СЛЫШУ ХРУСТ КОМИССАРСКОЙ КОЖАНКИ»

Народный депутат СССР, академик АН СССР, экономист Николай Яковлевич Петраков в январе 90-го стал помощником Президента СССР. Спустя год подал в отставку. Сейчас возглавляет Институт рынка. В свободное время пишет книгу. Выглядит моложе своих 54-х лет.

— Николай Яковлевич! Резкий взлет вашей карьеры произошел у всех на глазах. Вы были заместителем директора Центрального экономико-математического института, когда появилась новая экономическая публицистика с ошеломляющими, по тем меркам, идеями и суждениями. До сих пор помню вашу яркую статью в «Новом мире», потом беседы с вами в других изданиях. Пришла популярность, и ее апофеоз — интервью на Красной площади во время праздничной демонстрации. И вдруг, попав на службу к первому лицу в государстве, вы словно потерялись. Расскажите, как получили приглашение? Когда

произошла первая встреча с М.Горбачевым?

— Прежде с Михаилом Сергеевичем я встречался довольно мало. Первая встреча очень запомнилась и произвела сильное впечатление. Даже дату не забыл — она состоялась 6 июля 1984 года, во времена Черненко. Горбачеву тогда поручили разобраться в каких-то экономических вопросах. Он созвал небольшое совещание. С самого начала разговора стало ясно — человек владеет темой, подготовлен к обсуждению. Когда началась дискуссия, я был просто поражен, как Горбачев раскрепощает собеседника. Со своим академи-

ческим начальством, которое в административной иерархии голов на десять его ниже, столь «вольного» общения у меня не получалось. Словом, я запомнил Горбачева.

— А он, наверное, вас.

— Возможно. Потом были другие встречи. И вот во время второго Съезда народных депутатов СССР — напомним, он проходил в декабре 89-го — я получаю записку: «Николай Яковлевич! Мне с вами надо поговорить». В перерыве я подошел к нему. Михаил Сергеевич позвал за кулисы и говорит: «Я испытываю большую потребность в человеке, с кото-

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник *Моссовета*

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 411700 MALPEK
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМЕРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40
Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Ecomews, Швейцария
Fax: 41.21-311.45.11
Tel.: 41.21-311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника "Столица" на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)
Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland
Номер подписан в печать 07.05.1991

Тираж 200000. Цена 1 р.
© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Человеческом полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати

142300, г. Чехов Московской области. Зак. 772

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 «... И слышу хруст комиссарской кожанки»
(Н. Петраков)

ПОДОПЛЕКА

- 11 Украинская провинция и национальная идея
(А. Пригодин)

КЛИНИКА

- 18 Импотенты навязывают вкусы...
(Г. Крошин)

ПАРАДОКСЫ ГЛАСНОСТИ

- 20 Вы пишете, а мы... почитаем
(Е. Салина)
21 Самиздат генерала Родионова
(А. Маркуша)

ГОЛОС С МЕСТА

- 23 Ноги официанта
(В. Пчелин)

СРЕДА ОБИТАНИЯ

- 28 Экология встает на партучет
(В. Чельшев)

ПОЗИЦИЯ

- 36 Почему я не боюсь
(М. Розовский)

ВЗГЛЯД

- 39 Утопии всех времен и народов
(И. Гарин)

ЧЕЛОВЕК В ГОСУДАРСТВЕ

- 51 Свободы, права и границы
(В. Власихин)

ДНЕВНИК И.

56

В А. АДАМОВИЧ: «Если в России будет избран президент, исповедующий беспартийную власть... то сразу выяснится, что партии как единой силы в России фактически нет»

46 «Процесс» над международным терроризмом, в том числе палестинским, и о его связях с Советским Союзом.

58 ...Боюсь, что я трудился зря
На поприще литературы:
С ограниченным словарем
Не выразить моей натуры.

Мысль изреченная есть ложь...
Да, Тютчев прав, едрена вошь!

Давид САМОЙЛОВ
Из непечатного

рым мог бы общаться по рыночным проблемам. И хотел, чтобы вы со мной работали». Спрашиваю: «В каком качестве?» Отвечает: «Помощником». И кратко обрисовал, что это означает. Характерная деталь — Михаил Сергеевич сразу же предупредил: я ни в коем случае не должен подлаживаться под его точку зрения и вправе говорить все, что думаю. А я поинтересовался, знает ли он мое кредо? «Разумеется», — последовал ответ.

После небольших раздумий я принял предложение. Хотя понимал, что жертвую многим. Всегда я был академическим человеком, и поменять образ жизни ученого на аппаратную работу все равно, что штатскому человеку после пятидесяти пойти служить в армию. С другой стороны, хотелось конкретных дел. Мне казалось, многие рыночные идеи уже можно реализовать на практике. Конечно, я мог ответить, что буду писать книжки, критиковать некомпетентные шаги правительства. Но все это было не так заманчиво. Хотя, повторяю, понимал — среда, в которую я попаду, была для меня чуждой и таковой останется.

— Опасения оправдались?

— Сполна... Обстановка Старой площади к демократизму не располагает.

— А разве ваш кабинет был там?

— Да. Первый Указ Президента, насколько я знаю, до сих пор не выполнен. Он гласил — определить резиденцию главы Советского государства в Кремле.

— Для большинства граждан работа помощника — тайна за семью печатями. Неизвестно, что делает этот человек, часто ли видится с президентом, дает ли ему советы, а главное — спрашивает ли их сам президент? Наконец, какая разница между помощником и советником? Хотелось бы услышать откровенные впечатления.

— Обещаю отвечать искренне.

Когда Горбачев стал Председателем Верховного Совета СССР, он впервые ввел статус советников. До этого у Михаила Сергеевича, как у генерального секретаря компартии были только помощники. Когда же Горбачева избрали Президентом СССР, он перевел меня из помощников генсека в помощники президента. Иначе

как терминологическим казусом ситуацию не назовешь.

— Итак, из академического кресла вы пересели в аппаратное, а в списке абонентов кремлевской связи появилась фамилия — Петраков. И многие узнали о вашем переходе.

— О, я думал, что телефон с гербом — это высшая связь. А у меня на столе оказалось шесть аппаратов! Стоял еще один, на котором было написано: «Горбачев».

— А как вы звонили Михаилу Сергеевичу?

— Обыкновенно. Никто, кроме него, трубку не снимал. Это была в полном смысле слова прямая связь. Кстати, по этому телефону состоялось очень много интересных разговоров. В большинстве случаев Михаил Сергеевич звонил сам, иногда и мне приходилось. Но я старался этим телефоном не злоупотреблять и обращался только при срочных делах. Такая связь удобна для общения, не надо бегать по этажам...

— Разве кабинет Михаила Сергеевича тоже находится на Старой площади?

— У него несколько кабинетов. Один — на Старой площади. Бывали случаи, когда Горбачев звонил и приглашал зайти. Мне приходилось спрашивать: «Где вы, Михаил Сергеевич? В Кремле или здесь?» Связь дублировалась и автоматически переключалась на нужный кабинет. Если уж заговорили о телефонных звонках, то часто Горбачев звонил прямо в машину. Он — очень динамичный человек. Я, например, мог находиться где хочу, но с непременным условием — чтобы была связь. И домой звонил, и на дачу. Практически каждую неделю я разговаривал с президентом. Либо это были содержательные, длинные беседы по телефону, либо личные встречи. Перерыв в пять — шесть дней считался скорее исключением, чем нормой.

— Кто еще присутствовал на встречах?

— Разные люди. Чаще остальных — Рыжков, Слюнсков, Яковлев...

— Михаил Сергеевич давал вам поручения?

— Да. В начале 1990 года Михаил Сергеевич был обеспокоен созданием рынка жилья. И поручил мне разобраться в этом вопросе. Я пригласил специалистов, они нарисовали полную картину — сколько людей проживает в коммунальных квартирах, сколько в общежитиях, за какие деньги можно купить жилье... Словом, проработали все нюансы и даже сделали огромные, показательные таблицы. Михаил Сергеевич сидел с ними и разбирался.

— Так появился Указ президента о жилье?

— Из него много выхолостилось конкретного, документ получился порученческим. Помимо заданий допускалась и встречная инициатива. Например, за два дня до избрания Михаила Сергеевича президентом мы с коллегами по собственной воле написали экономическую программу главы государства. Я мог также предложить концепцию, скажем, новой банковской системы страны или же изложить взгляды, опять в форме концепции, на ценовую политику. Но, повторяю, самыми важными были личные встречи. Горбачев всегда стремился быть в курсе событий и, что особенно нравилось, воспринимал любые, вплоть до резких, суждения.

— Не обижался потом на человека?

— Нет. А вот кто постоянно обижался, так это Николай Иванович Рыжков. Вы подметили в начале разговора, что я, став помощником, сразу «замолчал». Отчасти это верно, и поводом к молчанию послужил неприятный эпизод. В начале января прошлого года у меня попросила интервью «Файнэншл таймс». В нем я позволил покритиковать Николая Ивановича. Рыжкову перевели текст, он позвонил Горбачеву и сообщил, что обижен.

— Чем же вы так обидели Николая Ивановича?

— Он был уверен, что мои суждения санкционировал Горбачев и теперь весь мир будет говорить, будто вбит клин между президентом и премьером. Естественно, никто мне никаких поручений не давал. Просто Николай Иванович допустить не мог, что помощник высказывает собст-

венное мнение, да еще отличное от мнения президента.

— Кто-то подметил: скорость перестройки измеряется скоростью «отметания» только что принятых решений. Не успели назначить человека на должность, а уже требуем его отставки, издали Указ и сразу же отказались выполнять, разрабатывали программу и бросили ее. Трудно понять, из-за чего эта чехарда происходит — то ли прозреваем слишком быстро, то ли разговоры о возможных переменах превратились в средство существования отдельных политиков. Вы вот тоже один из авторов одной из непринятых программ «500 дней». Не прошло и полугодия, а все активно обсуждают новые антикризисные предложения, теперь премьера В.Павлова. И неизвестно, остановятся ли на них. Может, пора ввести мораторий на создание программных документов?

— Действительно, идет какая-то инфляция программ. Я бы не хотел оценивать каждую из них в отдельности, а выделил, пожалуй, несколько общих пороков. Безудержный популизм — это первый недостаток. Депутаты всех уровней в предвыборных программах наобещали чуть ли не горы свернуть, а когда дошло до конкретных дел, выяснилось — обещания несопоставимы с возможностями. Например, кто спорит, что необходимо помогать пенсионерам? Никто. Но как? Людям нужно молоко, хлеб, масло, чулки, а не прибавленная десятка, на которую купить, в сущности, нечего. Если финансовые проблемы решать с помощью печатного станка, то уровень жизни не только не повысится у пенсионеров, а, наоборот, упадет у всех. Арифметика проста. Производство не выросло, а денег прибавилось. И вот уже покупательская стоимость добавленного червонца равна пяти рублям. Тот, кто еще не бывал за чертой бедности, там оказался. Или вообще неизвестно где, если сравнивать с цивилизованными странами.

Конечно, ни одна из программ не вправе не учитывать так называемые требования трудящихся. Каждый составитель программы (или заказчик) понимает, что должно быть сказано народу: либо мы переходим к рынку без снижения уровня жизни (это, разумеется, утопия), либо мы максимально защищаем социально незащищенных.

— Полагаете, разумнее говорить правду, обойтись без популизма? Но реальные перспективы способны до смерти человека запугать...

— Проблема не в популизме, а в отношениях. Когда непопулярные меры градом сыплются на людей и озлобляют их — это плохо. Но когда гражданам обещают экономические кущи без адовых усилий — опять плохо.

Второй принципиальный момент при экспертной оценке любых программ касается государственных расходов. В частности, бюджетных трат на военно-промышленный комплекс. ВПК своего рода монстр, поглощающий огромное количество ресурсов и средств. Причем «военный» рубль обеспечен и сырьем, и материалами на все сто копеек в отличие от инфляционного рубля покупателя. ВПК — это и главная оппозиционная сила рынка. Если комплекс вывести из состояния секретности, если от военных потребовать реальной конверсии, а не мнимой, они сразу лишатся привилегий, начиная от заплаты и кончая льготным снабжением. Принцип известен — сколько запросят, столько всего и дадут. И поди проверь, много это или... очень много. Любопытное наблюдение: на шахтеров вдруг все набросились, дескать, бездельничают, бастуют, а предприятия, в том числе и жизненно важные, остановились, коксовые батареи разрушаются на глазах... Но никто не бьет тревогу: из-за недостатка металла остановились танковые конвейеры. Хотя известно — 75 процентов металла идет в «оборонку». Да, шахтеры не дают коксующего угля, но это вовсе не означает, что, допустим, оружейных стволов станет меньше. А почему бы и нет? Разве они, особенно теперь, нужны людям? Поэтому-то ВПК против рыночных отношений.

— Не могу с вами согласиться. Если военный завод освоит мирную продукцию, скажем, холодильники, и начнет продавать их, а не гаубицы, то прогорит? Или не сумеет на общих основаниях получить металл, сырье?

— Добровольно с особого режима на общий никто никогда не переходит. Такова психология людей. Консерваторами или демократами ведь не рождаются. Такого гена нет. Однажды попав в привилегированные структуры, человеку проще поменять взгляды, чем место работы. Вот и раз-

даются голоса — рано разоружаться, враги кругом...

— А может, и вправду рано. Лично я, слушая сообщения КГБ об активной деятельности иностранных спецслужб в стране, об опасных экономических проектах, направленных на разбазаривание ресурсов, задумываюсь, а вдруг танки все-таки пригодятся? Превратят нас, не дай Бог, в какой-нибудь империалистический придаток или еще лучше — устроят свалку для захоронения ядерных отходов? Версии-то распространенные.

— О чем мы всегда заботились? Наше государство — оплот рабочих и крестьян, должно экспортировать революцию во все страны мира. Потом идею международного экспорта сменила более скромная — завоевания социализма надо защищать. И защищаем. Да так, что все пропорции нарушены: чем меньше этих завоеваний, тем с большим остервенением мы их отстаиваем. Если говорить о разбазаривании ресурсов, то опять парадокс — мы только и делаем, что ищем — кому бы продать эти самые ресурсы. И продаем. Нефть, уголь, лес, металл... Не всегда выгодно, не всегда с умом. Валюту, как правило, «проедаем» и по-прежнему работаем на старых технологиях. А добыча нефти падает, угля — тоже, нужно современное оборудование, а значит, валюта. Когда валюты нет, останавливаются целые отрасли — без импортного сырья или еще чего-нибудь заграничного.

Мы уже попали в такую экономическую зависимость, что нас не надо завоевывать. А про свалку отходов после Чернобыля, после расклевывания данных о радиоактивной обстановке, по-моему, спорить даже некорректно. Версии эти приходят из военных кабинетов. Ведь ясно — содержать такой мощный ВПК нам не по карману, он-то нас и разорвет.

— Вернемся к программам. Насколько я понимаю, вопросы финансирования военной промышленности в них — ключевые.

— Программа «500 дней» и нынешняя российская покушаются на ВПК в большей степени, чем «основные направления» или антикризисные меры В.Павлова. Точнее — центральное правительство старается обойти этот вопрос стороной. Хотя тоже понимает — здравого смысла для под-

держания военной мощи на прежнем уровне нет. Подумайте — какие у нас могут быть противоречия с западными странами? Классовые? Это, простите, прошлый век. Территориальные претензии? Насколько я осведомлен, никто, кроме Японии, уже ничего не требует. Да и той нужны острова по политическим мотивам.

Наконец, последний момент. Как реализовать ту или иную программу на деле? Мало объявить — завтра переходим к рынку. Важно определить — какими способами мы собираемся это делать? Антикризисная программа В.Павлова предлагает навести порядок административными методами и экономическими санкциями. Главное — сохранить хозяйственные связи под девизом: «Живи сегодня так, как жил в прошлом году». Заметьте — вроде бы никто не отрицает, что нужен рынок, но прежде следует навести порядок.

— **Подход неправильный или невозможный?**

— Думаю, то и другое вместе. Другой вариант, альтернативный — быстро двигаться к рынку через экономические свободы. Это характерно для российской программы.

Среди тех, кто ратует якобы за рыночные идеи, встречаются экономисты, которые под флагом всяческих свобод способны загнать общество в жесточайшие тиски. Недавно я прочитал «рецепт», как быстро создать потребительский рынок. Во-первых, надо конфисковать собственность компартии. (А почему бы не профсоюзную или, на худой конец, пионерскую?) Во-вторых, немедленно отпустить все цены. Недели две будет продолжаться разгул, и в этом адовом пламени сгорят лишние деньги. И тогда вводится третья мера — вся торговля переходит в частные руки. Ну что это, если, простите, не бред? Похоже, идеи Шариковых — поделить и все раздать — не умирают. Я просто слышу хруст комиссарской кожанки. Хотя раздаются эти призывы под рыночными флагами. Короче — механизм перехода к новым экономическим отношениям имеет первостепенное значение. А государство, если желает иметь настоящий, а не дикий рынок, должно всячески поощрять стремление граждан открыть свое дело, заняться предпринимательством.

В Венеции, где мне посчастливилось побывать, я долго беседовал с одним барменом. Он, кстати, работа-

ет в том самом баре, где любил бывать Хемингуэй. Так этот бармен хочет открыть свой собственный ресторанчик. Что ему для этого нужно? Около 10—15 тысяч долларов — банк предоставляет кредит с весьма щадящими процентами. И нужен диплом, подтверждающий, что данный человек — профессионал. И никакой волокиты! Вероятно, поэтому в Италии ежегодно одни предприятия закрываются, другие открываются и равновесие сохранено. Идет отбор прямо по Дарвину, на самого способного.

Человек должен иметь выбор. Одни хотят быть служащими на фирмах, другие предпочитают завести собственное дело. Слабость социалистической идеи в том и состоит, что она пыталась ликвидировать отношения работодателя и наемного рабочего. Теперь у нас общенародная собственность, а все равно кто-то остался работодателем, а кто-то наемным тружеником.

— **Например вы, Николай Яковлевич, как директор института, кого-то можете принять на работу, а кому-то отказать?**

— Совершенно верно. Хотя у наемного человека есть выбор учреждений. Призывать — пусть все поголовно превратятся в собственников, так же нелепо, как утверждать, будто у нас нет работодателей.

— **Не знаю, всегда ли разделяя ваши взгляды президент, но мне кажется, они обгоняют время. Общество, властные структуры, управленческие не готовы к столь глубокой переоценке понятий. Возможно, я ошибаюсь, но разве ваша отставка не подтверждает это?**

— Во время обсуждения программы «500 дней» я вдруг почувствовал, что началось давление на рыночную ориентацию. Пошли разговоры — дескать, пора прекратить все рыночные трепыхания. В итоге утвердили аморфные «основные направления». Мы с коллегами в ноябре выступили в «Комсомольской правде», осудили такой поворот событий. Мне досталось, домой позвонил президент, состоялся резкий разговор. С каждым днем я чувствовал, что мои возможности влиять на ситуацию в экономике таят. О некоторых указах президента по экономическим вопросам я, как и все, узнавал из газет. Честно говоря, сами указы меня не очень вол-

новали, потому что они никем не выполнялись. Но не мог же я каждому объяснять, что не имею к данным документам никакого отношения. Я бы перетерпел этот период изоляции, тем более, что отношения с президентом продолжались. Но на третьем Съезде народных депутатов СССР понял — все, моя миссия выполнена. 30 декабря 1990 года я написал записку Михаилу Сергеевичу и объяснил — почему в данной ситуации не вправе оставаться советником. Он позвонил мне домой 31-го, поздравил с Новым годом. Состоялась откровенная беседа, отставка принята не была. После праздника президент стал активно привлекать меня к работе над структурой Кабинета министров СССР. А после событий в Вильнюсе я подписал заявление членов учредительного совета «Московских новостей», опубликованное 20 января в «МН». И тогда состоялся последний, резкий разговор с Михаилом Сергеевичем. Он сказал: «Я понял, ты уже сделал выбор». Я ответил: «Да, такова жизнь».

— **Перестройка дала вам многое — интересную работу, популярность, возможность свободно выражать свои мысли... Все вместе, наверное, и называется счастливой судьбой?**

— У меня были ангелы-хранители в жизни. Ведь я практически со студенческой скамьи исповедовал рыночные идеи, в 1971 году меня обвинили, что стою на буржуазных позициях. В этот период активно велась борьба с теми, кто поддерживал реформы Отто Шика, заместителя Председателя Совмина Чехословакии. «Пражскую весну» заморозили, я попал в число людей, которые считаются сторонниками рынка. Мои статьи не печатали, либо приходилось использовать эзопов язык. А цензура строго следила за терминами, и сейчас даже смешно вспомнить, как слово «самофинансирование» вымарывалось отовсюду — считалось буржуазным. Меня тогда защитил директор ЦЭМИ академик Николай Прокофьевич Федоренко.

Я также благодарен судьбе, что она свела меня с Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Он — личность незаурядная, нынче все обсуждают — правильно он поступает или нет? А сами-то мы как поступаем? Какова наша роль в истории?

Беседу вела Наталья ПЕТРОВА

Москвичам грех жаловаться на невнимание союзных властей. Правда, внимание это какое-то странное, не от любви к столице и ее жителям идущее: то центр города у них указами пытаются отобрать, то милицию, то высочайше

обязывают прописать в Москве партийных и комсомольских функционеров. А в апреле и проект Закона СССР о статусе столицы подоспел. Что думают об этом документе специалисты?

В МОСКВУ ВНОВЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ 1937 год,

— сказал старший научный сотрудник Института государства и права АН СССР Михаил КРАСНОВ в беседе с корреспондентом «Столицы».

— Сам факт подготовки такого закона отраден, его давно ждали. У нас еще не было актов, регламентирующих взаимоотношения между союзными структурами и самим городом, который их просто приютил. Вы меня извините, но этим, пожалуй, и заканчиваются позитивные моменты публикации законопроекта.

— Неужели все в нем так плохо? Или союзное правительство так сильно себя любит, что опять не учло интересов москвичей?

— Именно так. Незначительные пункты закона выглядят внешне вполне пристойно, а вот ключевые моменты не только напрямую выгодны команде президента, но и направлены против местных властей, а в итоге — против жителей столицы.

— Меня озадачило обозначение: Закон СССР. А как же Россия?

— Вы правы, сначала должен был появиться Закон РСФСР о столичном округе. И вот то, что Россия сочла бы нужным отдать Союзу, плюс некоторые «жертвы» воспринималось бы совсем иначе. Сейчас же получается, что после Союза городу достанутся лишь «обглоданные косточки».

В четвертой статье, посвященной совместной компетенции, — «Полномочия Союза и РСФСР по вопросам управления» — есть слова: «совместному владению». Что это значит? Об этом надо специально договариваться, потому что если этого не сделать, то всегда будет прав верхний эшелон. В проекте же абсолютно не уточнен механизм осуществления совместных полномочий.

— И сразу возникает масса поводов для конфликтов?

— В частности, при решении вопросов о роспуске городского Совета и

смещении Главы Города. Если заартачится Россия, то как выходить из этой ситуации? Но если безапелляционное решение опять будет принадлежать Союзу, получается чистой воды диктат. В законе не заложена правовой механизм разрешения конфликтов, хотя понятно, что у Союза и РСФСР есть в городе свои интересы. Эту линию как бы продолжает раздел второй об устройстве власти. Из него ясно следует, что Москва превращается в вотчину Кремля. И неважно, кто сегодня правит в столице, а кто в Верховном Совете СССР. Дело не в Горбачеве и Полове, в конце концов они уйдут. Просто этот раздел один к одному копирует союзную систему. Получается, что Глава Города — фактически такой маленький президентик, судя по его функциям. Кроме него есть мэр — начальник местной Администрации и есть парламент — городской Совет. Для чего это сделано? Чтобы завуалированно провести идею генерал-губернаторства — идею уполномоченного президента.

— Значит, вполне вероятно, что у нас в Москве скоро появится наместник Горбачева?

— Фактически в проекте закона является, что органом власти и самоуправления столичного округа будет Моссовет. Но какова же будет компетенция городского главы? В 10-й статье написано: «обеспечивает выполнение законов СССР, указов Президента СССР, постановлений Кабинета Министров СССР». Что подразумевается под словом «обеспечивает»? Для правового государства, которое мы вроде бы собрались строить, не совсем понятно. Более того, по отношению к одной из ветвей испол-

нительной власти это просто незаконно. В истинно правовом государстве, если не выполняются законодательные акты, неотвратимо грядет судебное преследование. А у нас «обеспечивает» — значит, надзирает. Я так прямо об этом говорю, потому что юрист вышеупомянутый термин может трактовать только как «надзор». Вот мы и пришли к выводу, что Глава Города находится над Моссоветом и будет на него нещадно давить для проведения указов Президента. Второе доказательство. Пункт «б» 10-й статьи: «принимает необходимые меры для осуществления городским Советом... их полномочий, связанных с осуществлением столичных функций». А раз он принимает меры, он автоматически возвышается над Моссоветом.

— Какие меры подразумеваются в этой статье?

— Самые разнообразные и неожиданные, как, скажем, печально знаменитое постановление по поводу проведения демонстрации 28 марта, когда милиции и войск в городе было больше, чем митингующих. То есть прямой запрет на что-либо может стать нормой нашей жизни. Мало того, в проекте опять проводится разрешительный порядок на проведение массовых мероприятий, который давно пора уничтожить. Опять нам хотя бы милостиво давать разрешение, хотя во всем мире это положение носит регистрационный характер.

Пункт «в» той же статьи подтверждает безграничную власть «маленького президента» над городом. Там говорится, что «наместник» обеспечивает охрану государственного и общественного порядка — все вооруженные формирования находятся

в его руках, а не в ведении Совета. Что это такое, надеюсь, объяснять не надо. Удивителен еще и пункт «д», где однозначно утверждается, что Глава Города «обеспечивает взаимодействие органов исполнительной власти округа с городским Советом народных депутатов». Эта формулировка — точная копия того, что сказано в Конституции СССР по отношению к Горбачеву. Как будто органы власти и Совет до сих пор не могли найти общий язык и им обязательно нужен посредник. На местном уровне эта фигура совершенно лишняя, своего рода надсмотрщик из мрачного средневековья.

Но и это не самое страшное. В законопроекте особой строкой отмечено, что Глава Города созывает сессии Московского Совета. Это нонсенс чистой воды. Для меня как для юриста — квадратура круга. Получается, что Глава Города становится и председателем исполкома, и председателем Совета, и президентом, пусть в меньшем масштабе. Ведь созывать сессии вправе только председатель Совета. Такое смешение статусов придает «генерал-губернатору» чрезвычайно большой вес.

Это сделано для президента стра-

ны, будь то Горбачев или кто-то другой. Вся эту логику венчает концовка 10-й статьи, где говорится, что городской Глава может быть смещен Президентом СССР.

— В законопроекте есть еще одно подтверждение недавнему незаконному Указу Президента: в 12-й статье подчеркивается, что руководители органов ГУВД назначаются и освобождаются от занимаемых должностей соответствующими государственными органами Союза ССР по согласованию с Президентом СССР и высшим государственным лицом РСФСР...

— Да, они выводятся из подчинения Моссовету. Давайте вспомним историю, почему до недавнего времени органы внутренних дел имели двойное подчинение. Дело в том, что в 1956 году это было антисталинское нововведение. Раньше любой председатель рай- или облисполкома дрожал, когда речь заходила об НКВД. Получив же некую, пусть формальную, власть над милицией, они смогли вздохнуть посвободнее — все-таки в их руках очутились рычаги, с помощью которых можно было оказывать влияние на кадровую политику МВД. В Москву, согласно этой ста-

тье, снова возвращается 1937 год.

— Прокомментируйте, пожалуйста, еще и 14-ю статью о собственности в столичном округе.

— Многие объекты, как и участки, на которых они находятся, просто изымаются и передаются в собственность Союза. Это очень солидный строительный и земельный фонд. На нем могут сноситься и возводиться офисы, жилые дома для чиновников союзных министерств, в общем, все что угодно. Потому как там черным по белому записано: «обеспечение функционирования органов власти и управления». Не исключено, что Москва лишится половины всех зданий и земель и, чтобы, скажем, построить кинотеатр, необходимо будет получить разрешение Союза.

— Кто же автор столь «странного» законопроекта, фактически разбивающего город на две части?

— Я знаю, что проект разрабатывался под эгидой Комитета ВС СССР по вопросам работы Советов, развития управления и самоуправления, председателем которого является Пивоваров. Сам Горбачев сформировал эту рабочую группу, и группа очень качественно выполнила его заказ.

Мнения народных депутатов Моссовета

СТАТУС ОККУПИРОВАННОГО ГОРОДА?

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКОЛАЕВ, председатель постоянной комиссии по потребительскому рынку:

— Я мог бы и не критиковать проект союзного закона о статусе Москвы, тем более, что он не затрагивает непосредственно интересы нашей постоянной комиссии. Мы по-прежнему сможем заниматься работой предприятий торговли, общественного питания, бытового обслуживания, которые теперь переходят в муниципальную собственность.

И все-таки в целом проект произвел тягостное впечатление. На деле он закрепляет статус оккупированного города. В обязанности городского Совета вменяется выполнение Указов Президента, распоряжений Кабинета Министров, других союзных органов. Из управления городс-

ких властей изымается большая часть земли и собственности. Строптивость местных будет наказываться — вплоть до отставки Главы Города и роспуска Совета.

Принятие этого проекта означало бы нарушение ныне действующего союзного законодательства.

ВАЛЕНТИН ВИКТОРОВИЧ СКВОРЦОВ, заместитель председателя постоянной комиссии по потребительскому рынку:

— Нам опять предлагают разгадывать ребусы. Была так называемая общенародная собственность. Никто не знал, что это такое, видели только диктат союзных ведомств. Сейчас закрепляется новая собственность — собственность Центра. Причем вводит ее сам Центр, не дожидаясь, пока республики делегируют ему

часть полномочий... Невооруженным глазом можно увидеть, что эта последняя «разновидность» собственности практически мало чем отличается от первой.

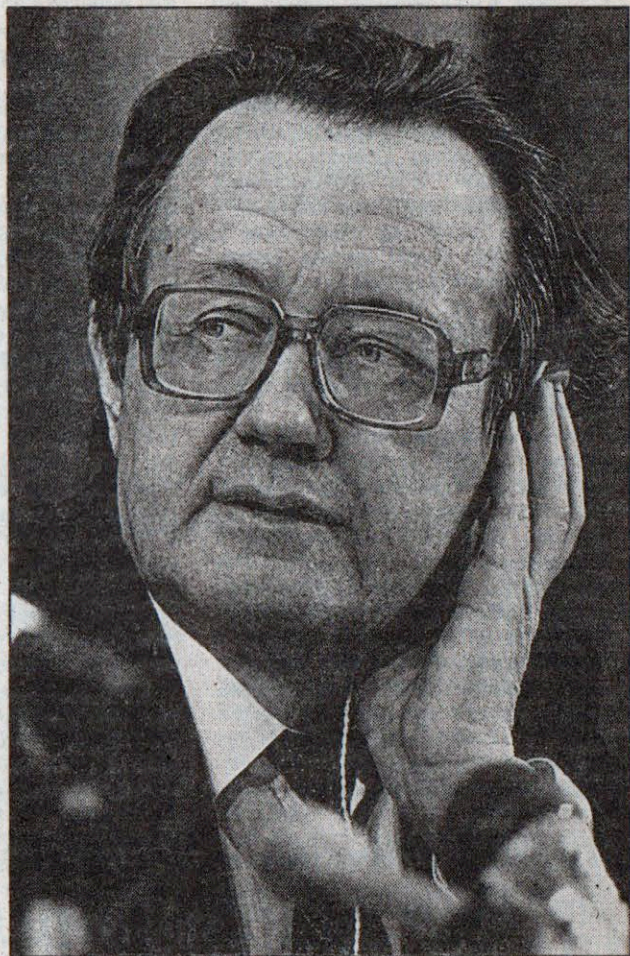
Около 60 процентов собственности, расположенной на территории Москвы, составляют объекты союзного подчинения. Они-то и перейдут в ведение Центра... Городским властям остается разве что подметать дворы, да и то только те из них, которые доверяют нам союзные органы.

Нынешний проект закона не только нарушает права депутатов Моссовета. Он не имеет аналога в мировой практике, ибо не в одной из столиц зарубежных стран муниципальные власти не находятся в таком униженном положении, как это зафиксировано в проекте закона. Если он будет принят, то работа комиссий и подкомиссий Моссовета, которые занимаются вопросами гласности, социальной политики, законности и правопорядка, окажется невозможной. Им просто нечем будет заниматься, ибо их функции фактически присвоит себе Центр.

Записал А. МЕШКОВ

РАЗВЕ НЕ ЗАСЛУЖИЛИ МЫ ДРУГОЙ ЖИЗНИ?

С народным депутатом СССР, писателем Алесем Адамовичем беседует журналист Александр Николаев

— Алесь Михайлович, как вы считаете, выдержали ли демократы испытание доверенной им властью?

— У меня сразу возникает другой вопрос: есть ли вообще власть у демократов? И какое испытание они проходили — властью или ситуацией совершенно противоположной, даже комической? Той ситуацией, когда все рычаги власти, основные и подспудные, остались у прежней системы, а демократам, как тому ребенку у Толстого, дали в руки веревочки. Помните, мальчик, сидящий в карете, дергает за веревочки, впереди кучер правит лошадьми, мальчик же думает, что лошади подчиняются ему.

Я такое соотношение сил почувствовал еще на I Съезде. Мы находились в состоянии эйфории. Еще бы, избранники народа, от нас он ждет поворота своей судьбы, он нас поддерживает (когда выходили после заседаний на улицу, нас толпы людей встречали, чуть ли не подбрасывали). В зале, но в сторонке, сидит испуганное Политбюро — лицо Никонова с раскрытым не то от удивления, не то от ужаса ртом до сих пор не могу забыть. Словом, еще немного... И вот во время одного из перерывов, когда мы вышли на залитый солнцем кремлевский двор, ко мне обратилась с просьбой дать интервью сотрудница американского посольства. Я, разумеется, говорю ей все, что думаю, как и положено представителю высшей власти. К нам придвигается какой-то тип и откровенно, даже угрожающе, слушает. Когда американка отошла, он сразу ко мне, и тоном, не допускающим, что я могу не ответить: «О чем она с вами говорила?» На мой вопрос, кто он такой, он ответил: «Я во-

обще». — «А, вообще, ну, так иди, гуляй!» Но подумал: «Да они нас никакой властью не считают, вот она — реальная власть». В этом еще больше убедился, когда мы с группой депутатов пошли к председателю КГБ В.Крючкову с требованием отдать Лубянку под мемориал жертв репрессий.

Перераспределение власти не произошло, она просто ушла на глубину, из видимых звеньев партийных структур в недра ВПК, КГБ. Единственная польза была в том, что возникла площадка для единоборства на глазах у всего народа, что способствовало прояснению ситуации и, как любил выражаться большевики, просвещению масс.

— Но, как ни печально, общее отношение людей к демократическим силам изменилось. Это заметно, даже несмотря на то, что митинги под их руководством продолжают собирать сотни тысяч.

— Изменилось, но не так, как хотелось партократам, пытавшимся списать все свои 74-летние деяния на счет полугодовой деятельности Ельцина и его команды. Как и демократы, народ вышел из эйфории ожидания быстрого чуда, когда понял, что выбираться из болота, в которое его завели, придется ценой новых страданий, может быть, многолетних. Отсюда — ощущение отчаяния и порой трагедии.

Однако иллюзиями питаются коммунисты, считающие, что народ огорчен утратой социалистического выбора, что он готов вновь к нему повернуть. Тогда, мол, они

простят его, как блудного сына, и поведут дальше в светлое будущее. Все не так. Стремления назад в народе никогда не возникнет, и если он разочарован, раздражен действиями демократов, то только потому, что и они не знают кратчайшего пути к спасению. Впрочем, честные демократы никогда не говорили, что все легко и быстро, а хлестаковские обещания нечестных люди игнорируют.

— Для большинства сам факт начала забастовок в Белоруссии был полной неожиданностью. А для вас?

— Нет. Белоруссия давно дожидалась Горбачева. Белорусы — народ гостеприимный и вообще-то справедливый, они приняли бы Горбачева даже сейчас с сочувствием, возможно, большим, чем раньше. Мы склонны сопереживать терпящим поражение. Сами столько раз за историю это испытали. Все было бы так, если бы люди, ждавшие его для решения проблем Чернобыля, увидели, что человек действительно приехал разделить их беду. А приехал генсек, у которого собственных забот полон рот.

— Со стороны все именно так и выглядело.

— О, устроители поездки очень усердствовали, особенно те деятели, которые всегда заявляли, что Белоруссия — «последний оплот социализма». Изю всех сил убеждали президента, что уж эта-то республика игры не испортит. Однако не все гладко прошло. Во-первых, были возмущены левые депутаты, которые потребовали от президента прямого разговора на Верховном Совете, и он им пообещал, но обещания не выполнил. Во-вторых, не получился задуманный спектакль на заводе, рабочие которого не стали надевать выданные новые спецовки и демонстративно остались в грязных, не пожелав быть статистами в партпоказухе. В-третьих, тягостное впечатление оставили передачи о встречах в районах бедствия, где бабки подходили с жалобами на страдания и болезни свои и своих детей, а в ответ им толковали о союзном договоре и хвалили за терпение белорусское.

В целом народ был оскорблен, и следовало ожидать, что тихо все это не пройдет. Повышение цен стало просто поводом к выступлению.

А ведь еще год тому назад мы с академиком Велиховым написали президенту письмо с предупреждением: имейте в виду, что в Белоруссии зреет социальный взрыв, который неизбежно произойдет, если отношение к Чернобыльской проблеме не изменится.

— Бастующие шахтеры и белорусы заявляют, что в своих требованиях отставки Горбачева они будут стоять до конца. Демократическая интеллигенция вроде бы тоже публично отрекается от бывшей любви к нему, но на деле по-прежнему чуть что — бросается его «спасать».

— Я думаю, что интеллигенция не может не видеть правоты и обоснованности требований бастующих. С другой стороны, она их действий боится, так как считает, что это может позволить правым силам загнать страну назад. В самом народе такого страха нет. Видимо, он уже переступил ту грань бедствий, за которой люди теряют чувство самосохранения. Я в войну видел людей, которым уже ничего не страшно. Но для этого надо сильно что-то возненавидеть. Мы так ненавидели фашистов. Сегодня народ к этой черте привела степень его ненависти к тем структурам, которые столько лет над ним измывались. Когда, скажем, интеллигенция призывает к суду над КПСС, это

выглядит незлобиво, скорее как предостережение, речь идет о суде нравственном. В народе же эта идея зреет всерьез, и партийным функционерам пора опомниться и не испытывать больше людское терпение. Поначалу многие рассчитывали, что партия, поняв ситуацию, осознав свой исторический грех, незаметно отойдет в тень, превратится в обычную парламентскую партию. Случилось обратное, и есть опасность грядущей расправы ее «вооруженных отрядов» с народом, но не исключена и вероятность народной расправы с партией, а значит, возможно кровопролитие. Коммунистов у нас миллионы, и не дай Бог допустить такое. Нельзя, чтобы народ в злобе пролил кровь, мстя за прошлые преступления и за тупое упрямство партаппарата.

И, знаете, спасение — конечно, не самой партии как структуры, а массы рядовых ее членов — я вижу в российском президентстве, в Ельцине. Если в России будет избран президент, исповедующий беспартийную власть, который разделит партийные и государственные посты, избавит людей, работающих на высоких должностях, от необходимости состоять в партии, то сразу выяснится, что партии как единой силы в России фактически нет. Если удастся отнять власть у номенклатуры, рядовые члены просто «испарятся», растворятся в народной массе. Останутся, конечно, полозковы, антоновичи, нины андреевы, но за ними уже не будет миллионов. Да и эти, скорее всего, шмыгнут в какой-нибудь кооператив. Но главное — проблема кровопролития будет снята.

Вот каким видится мне на данном этапе механизм поражения компартии — не в итоге победы над ней других партий, допустим, демократической, или либеральной, или социал-демократической, а в результате прямых выборов на всех уровнях российской власти.

— По окончании внеочередного российского съезда воинственно настроенный Невзоров, ссылаясь на мнение политологов, заявил, что дополнительные полномочия, данные Ельцину, есть начало его конца.

— Нечто подобное, правда, с оттенком тревоги и сожаления, мне приходилось слышать и от демократов. Многие сторонники Ельцина не советовали ему брать эти полномочия, считая, что он повесит себе камень на шею, не сумеет за месяц с небольшим ничего сделать и переключится тогда гнев народа, шахтеров с центра на него. Думаю, что Ельцин поступил мудрее, чем те советники, которые подталкивали его подать в отставку, убеждали, что это послужит на благо демократизации, политизирует общество. Разумеется, проще и вроде вернее было выйти к народу и сказать: поскольку мне мешают, действуйте теперь вы. Страна забурлила бы, но к каким непредсказуемым последствиям все это могло привести? Погасив накал страстей, Ельцин поступил верно, его поступок доказывает, что ему действительно можно доверять в большой политике.

Я абсолютно убежден, что демократам, чтобы укрепить свое положение, прежде всего надо проводить земельную реформу, причем, поступая так, как когда-то царь-освободитель, то есть посылать на места своих представителей, которые имели бы в решении земельных вопросов полномочия большие, чем российские партийные губернаторы, чем исполкомы и т.д.

— В последнее время влияние на политическую ситуацию все чаще пытается оказать армия. Готовится военный путч?

— С армией повторяется та же история, что когда-то произошла с органами госбезопасности. Поначалу, чтобы подавить сопротивление крестьянства, система создала тайную полицию, мощный репрессивный аппарат. Он со своей задачей справился, сожрал целый класс крестьянский, но от пролитой крови разбук, ему надо было и дальше что-то жрать. И вот в тридцатые годы он начал пожирать свою родную партию. Вооруженный отряд партии стал уничтожать ее небооруженную часть, а заодно и интеллигенцию, ну и, конечно, новые миллионы рабочих, тех же крестьян, армейское командование. Наступил 37-й год.

Нечто подобное происходит сегодня с нашей армией. Идея насаждения социалистической системы в мире, продвижения коммунизма в Европу, Азию и Африку, ради которой эта армия создавалась, себя изжила. Но челюсти, предназначенные когда-то для угрожающего воздействия на остальной мир, для лопанья одной страны за другой, остались. Для чего, спрашивается, нам сейчас нужна эта машина, крупнейший ВПК, который разорил страну? Для чего колоссальный руководящий партийно-военный механизм, где все настолько перетекает одно в другое, что неизвестно, где кончается партия и начинается армия?

Но как только начались разговоры об изменении ее статуса и функций, армия (не солдаты, конечно, а «папахи»), которая доселе всегда молчала, издала страшный рык: «Как не нужна?!» Как это кто-то рискнул заявить о сокращении, о том, что, мол, и раскармливать на вырост тебя больше не будем, и лишние танки отнимем, и, главное, новых генеральских шапок не дадим?

Армия стала политической силой, и мы получили активных полковников, генералов, которые якобы для спасения страны ратуют за чрезвычайные меры, а на самом деле это им нужно, чтобы спасти папахи. Не исключено, когда им покажется, что политики заигрались, они попробуют выступить на арену.

— *Говоря «они», вы подразумеваете верхушку, но вряд ли за нынешнее состояние армии будут цепляться массы офицеров и солдат?*

— На IV Съезде народных депутатов СССР, отвечая Алкониусу и Петрушенку, я стал говорить, что у нас плохо всем, и армия не исключение. Плохо по разным причинам и солдатам, и офицерам, и даже генералам. Генералы обиделись и ушли из зала, а Лукьянов отключил мне микрофон.

Положение солдат унижительное, рабское, это тяжелый неоплачиваемый труд. Когда-то в таком бесправном состоянии у нас были колхозники, теперь — армия. А как живут офицеры, их семьи! Мне довелось слышать рассказ о судьбах семей подводников. Представляете, мыкаются женщины с детьми по разным портам нашей морской державы, следя, куда пристанет лодка, где служит ее Ваня или Петя. Живут по несколько месяцев в бараках, появляется лодка — так им даже видется с мужьями не разрешено. Вот и встречаются эти женщины со своими «блестящими» офицерами в общественных туалетах.

Генералам тоже по-своему неуютно. Живут за высокими заборами, а люди на них пальцами показывают, в обиходе, в грабеже державы обвиняют. Как тут не позавидовать энергичным, поджарым американским генералам, которых народ уважает. Так что, повторяю, счастья в такой армии никто не имеет. Естественно, что честные офицеры оскорблены ее нынешним состоянием, тем, что она

повернулась против народа. Они известны по выступлениям на съездах, в прессе.

— *С политической, экономической, идеологической точек зрения системе было выгодно иметь и держать в подчинении непрофессиональную армию. Какие вы видите пути к ее профессионализации?*

— Прежде всего надо решить главный вопрос — для чего нам нужна армия, а потом уже приводить ее в соответствие с поставленными задачами и радикально реорганизовывать. Непрофессиональны прежде всего верхние структуры — это не военные, а в основном партийные болтуны. Их-то и надо сокращать в первую очередь. Далее, наша нынешняя общественно-экономическая система не может обеспечить создание вооружения, необходимого для профессиональной армии, не может дать соответствующий технический и научный уровень, нужную производительность. И если бы полковники, которых мы упоминали, действительно пеклись об интересах страны и армии, они бы требовали именно кардинальных реформ — разгосударствления, отказа от коммунистической идеологии, создания рыночной экономики. Только при этих условиях они смогли бы получить нормальную армию и качественное оружие.

— *Алесь Михайлович, что в нашей страшной жизни тяготит вас больше всего?*

— Самое тягостное состояние у меня бывает, когда выхожу на улицу и вижу грязь, пустые магазины, измученных людей. Сколько люди наши пережили и что их дальше ждет? За что все эти мучения нам несчастным, разве не заслужили мы другой жизни? Особенно остро переживаю это, бывая за границей, и часто ловлю себя на мысли: «Какие же сволочи мы все, что это терпели, терпим и готовы терпеть!» Вот лежит у меня на столе корректура — «Я из огненной деревни» и «Блокадная книга» в одном томе. Читаю ее, и становится страшно. Делались эти книги группой авторов довольно давно и о времени, еще более давнем, о геноциде времен второй мировой войны, а оказалось, что они и о сегодняшнем дне. Блокада, голод, причем массовый, фашистское озверение — все это заново выплывает на поверхность нашей жизни. Не до партийных и политических интересов, не до корыстолюбия, честолюбия должно быть нам всем сегодня, главное — отвести угрозу самому существованию народа, страшную, зловещую, проникающую всюду, как радиация.

— *Ваш прогноз на ближайшее будущее?*

— Уже многие готовы согласиться, что наша страна обречена долго киснуть и жить в таком состоянии, но я думаю, что мы довольно скоро придем к разрешению этой ситуации по одному из восточноевропейских вариантов. Без быстрого политического решения избежать полного экономического краха невозможно. Сбережений у людей хватит месяца на два—три, и, когда запасы продуктов и народного терпения окончательно иссякнут, может создаться положение, при котором уже ни коммунисты, ни военные не будут стремиться к власти, наоборот, обрадуются, если кто-то возьмет на себя ответственность столь тяжелую. Тогда возможен приход к власти коалиционного правительства, приемлемого для народа. И на это сегодня хоть какая-то надежда.

Александр ПРИХОДИН

УКРАИНСКАЯ ПРОВИНЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

МОЯ БЕДА, МОЯ ЗЕМЛЯ...

Поезд приближался к Черкассам. Мой сосед по купе с грустью глядел на окрестные места... «Как все-таки быстро кладбище заполнилось, — наконец произнес он, указывая рукой на бесчисленные кресты. — Кажется, совсем недавно открыли...» Помолчали. Я поинтересовался, как в их городе будут голосовать на референдуме. (Разговор происходил за два дня до голосования.) «Против Союза, — уверенно ответил он. — Что он нам дал? Вот эти могилы людей, умерших, может быть, от радиации? Загрязненный Днепр — до такой степени, что питьевую воду время от времени завозят уже из других мест? Воздух, отравленный еще одним нашим гигантом — «Химволокно»? Нищету в нашей плодородной области, с ее черноземом?»

Мне нечего было ему возразить.

И все-таки жители Черкащины в большинстве своем высказались за Союз. За формулировку, предложенную Центром, голосовало 62 процента населения области. Против — 36,3 процента. Иного результата было трудно ожидать. Организации Компартии Украины (КПУ), ее парткомы задолго до референдума развернули кампанию по психологической обработке населения. В день приезда мне попала в руки областная партийная газета «Черкаська правда». На первой полосе она поместила образец союзного бюллетеня — с перечеркнутым «нет». Представители национально-демократического движения, выступающие, как правило, против «обновленной федерации», практически не имели возможности высказать свою точку зрения.

Результаты такой идеологической блокады не замедлили сказаться.

В санатории «Радон» Черкасской

области, где я отдыхал (примерно два с половиной часа езды на автобусе от областного центра), довелось наблюдать такие картины. Интеллигентная женщина средних лет была настроена решительно: «Мы будем голосовать за Союз. Что хорошего можно ждать от бандеров? (Так некоторые люди по аналогии с антисталинскими вооруженными формированиями, возглавляемыми С.Бандерой, называют жителей Западной Украины.) Они себя уже однажды показали...» За несколько дней до моего приезда, по рассказам, произошел такой случай. В санаторий приехали народный депутат Украины, один из лидеров Народной Рады (оппозиции) в республиканском парламенте, Лариса Скорик, и несколько человек из районной организации Руха. Привезли с собой видеofilm, заснятый украинскими демократическими депутатами о событиях в Литве. Но его демонстрацию сорвали несколько ветеранов, узревших хулу на Советскую Армию. Местная билетерша, имеющая сына-полковника, несколько раз врывалась в зал и требовала прекратить «бандеровскую пропаганду». Большинство собравшихся были не на их стороне, но и руковцев защищать люди тоже не стали...

РАЗБУДИТЬ БЫ СПЯЩУЮ ИЗБУШКУ...

Положение нынешних украинских национал-демократов можно сравнить с евшушковским лирическим героем. «Мощный раскат» его голоса «тряс площади». «А дотянуться до этой избушки, а разбудить ее — был слабоват». Украинская провинция живет своей размеренной жизнью. Порой кажется, что столичные политические баталии лишь изредка здесь отзвучиваются отдаленным

эхом... В провинциальной жизни есть свои прелести и свое уныние. Москвич, разучившийся удивляться чему-либо, непременно заметит, что здесь побаиваются участкового, ОБХСС, с которыми в столице уже давно перестали считаться. Словом, власть почитают. К рассказам о московских ценах относятся с недоверием, они здесь воспринимаются как нечто фантастическое, выходящее за рамки обыденного опыта. Кажутся такими же непонятными, как и торговцы эротическими изданиями в Москве, на которых иные местные жители с удивлением смотрят, бывая в столице. А еще в районных центрах в отличие от нашей столицы подметают улицы и убирают мусор. Чего в Москве не делают. И все-таки провинция даже сейчас не хочет расставаться с верой в столицу. Психологически это объяснимо. Ведь должна же где-то быть «высшая справедливость». Без веры в это трудно жить.

В провинциальной городке не встретишь на каждом углу кооператоров и «итэдэшников», предлагающих пирожки стоимостью один рубль штука. Но все это вовсе не потому, что местные жители уступают нам в своей предприимчивости. Просто деньги здесь предпочитают делать другими, «более надежными», по здешним меркам, способами. В провинциальных городках откармливают нутрий, кроликов, разводят пчел... Да мало ли еще какой можно найти приработок! Селяне после работы вкалывают на домашнем подворье. Но откармливать живность для продажи становится с каждым годом накладнее. Мало что изменилось даже после повышения закупочных цен. Поэтому с сельскими жителями лучше не заводить разговор об аренде, фермерском хозяйстве... Не понимают. Не воспринимают всерьез.

«Цэ який пацаны можуть такэ

Фото П. Горшкова

предлагать, — говорил один мой собеседник. — Ну судите сами, — продолжал он, переходя уже на русский язык. — Допустим, возьму я землю, и что я с ней буду делать? Сесть и плакать? Ведь мне же надо купить трактор, комбайн. А к ним еще соларку, масло, запчасти... Где же я возьму на все это деньги, если на книжке у меня всего десять тысяч? Мне еще машину надо купить. Я ведь тоже человек».

Послушаешь эти речи, и такая тоска накатит... Нет-нет да и подумаешь, а может, зря мы пытаемся подтянуть народ до своего разумения жизни, до желаний ее переделать? Ведь укоряли же когда-то за это русскую интеллигенцию авторы «Вех». Укоряют и сейчас их неискренние последователи-«почвенники». Мол, не знают эти инородные демократы истинной народной жизни, хотят порушить ее «естественный ход»...

Какой же «ход» мы хотим изменить? Тот, при котором крестьянин, чтобы свести концы с концами, вынужден приворовывать? (Вспоминая добрым словом Андропова и наивно полагая, что останься он при власти, то позволил бы им это делать?) Или

тот, при котором, как любят вспоминать иные колхозники, «нечего было есть, но зато был порядок» — это когда в послевоенные годы в деревнях люди качались от голода, работая за палочки-трудодни, а груженные зерном эшелоны шли в «братские страны народной демократии»? Или, может, тот, при котором еще совсем недавно откормленные господа народа перетряхивали содержимое колхозных изб, выискивая самогонные аппараты, устраивая инспекции в хлевах, выясняя, уж не скармливает ли бабулька хлеб животным? Хотя прекрасно знали, что в деревне пенсионеру без самогонки ни огород вспахать, ни дрова привезти, ни сено скосить, что скармливают живности хлеб оттого, что больше скармливать нечего... И стоит ли держаться за «устои», при которых крестьянин, впрочем, как и житель райцентра, задолго до повышения цен покупал в магазинах потребкооперации колбасу по ценам, в четыре-пять раз превышающим государственные?

На референдуме 17 марта украинская провинция опять продлила существование системы, которая де-

сятки лет выкачивала из нее все живые соки. Проголосовала за формулировку партии, которая уничтожила крестьян как класс, превратив их в поденщиков, батраков феодального государства.

Я не берусь осуждать этих людей. Ведь для того, чтобы задуматься над вопросами бытия, обратить взор к небу, надо сначала оторвать его от земли. Надо разогнуть спину. Но крестьянину, жителю провинции это не под силу. Низкие заработки, повседневные заботы о хлебе насущном, о том, как «устроить детей», чтобы они в отличие от родителей жили лучше, — этим наполнен смысл его существования. Да, система изрядно потрудилась, чтобы загнать людей в круг безысходности, когда кажется, что шахтеры «бастуют зря», что им надо брать пример с селян, которые «свету белого не видят, но терпят».

Издательства над своим достоинством, все унижения и беды провинция воспринимает как некое природное явление, как данность. Как писал Наум Коржавин, «мужик не так богат... мемуаров не пишет, выжил, ну и рад».

Вот и в райцентре Звенигородка Черкасской области кто-то когда-то слышал, что живут они в зоне повышенной радиации, да и какой-то народный депутат заявил об этом на Верховном Совете Украины. Ну и что с того? Посудачат между собой о том, что где-то родился ребенок-урод, кто-то заболел лейкемией... А жить ведь все равно надо. Надо где-то доставать продукты, если председатель-самодур соседнего колхоза приказал перепахать осенью на полях необранные овощи — только бы не достались горожанам. Повозмущаются «захребетниками» из райкома партии, у здания которого из года в год пенсионеры из дома престарелых стригут газоны. С ужасом передадут друг другу известие о наглом убийстве в соседнем районе людьми в масках и с автоматами одного из не прошедших в депутаты областного Совета кандидатов-демократов. Повозмущаются, что убийцы до сих пор не найдены. И опять за работу. Времени на разговоры нет...

А на ударный труд есть кому вдохновлять. В киосках райцентра лежат кипы «Советской России», «Гласно-

сти», «Домостроя», «Правительственного вестника». И, разумеется, «Правды». А еще горы украинских газет — республиканских, областных, районных — партийных и околопартийных. Живописующих «малевичи краевиды» (живописные пейзажи), «грайльви свитанки» (игристые расцветы) с фотомоделями «глядящих в завтра» передовиков, с «гланами массово-политической работы на период посевной», статьями агрономов, ветеринаров и ветеранов, с юморесками, обличающими «самогонщиков». Посреди этого глумления над подлинной жизнью народа одинокими островками разбросаны считанные экземпляры «Московских новостей» и «Мегаполис-экспресса». А эталоном смелости люди считают «Комсомольскую правду» и республиканское «Комсомольское знамя».

В последнее время жители Украины из передач республиканского радио и телевидения многое узнали о Запорожской Сечи и Гетманщине, Прикарпатской Руси и забытых именах украинской истории и культуры. Но почему-то ни в одной передаче я не услышал рассказа очевидцев го-

лода 1932—33 или 1947 годов. А ведь такие люди еще живы. Но кому-то, наверное, надо, чтобы страшную правду они унесли с собой. Чтобы граждане республики, слушая радио, убивались над участью «невинно репрессированных» Сталиным Павла Постишева и Юрия Коцюбинского, один из которых был первым секретарем ЦК КП(б)У в тот самый голодомор 1932—33 годов, а второй в это время возглавлял Госплан республики. Кому-то выгодно, чтобы дети этих согбенных жизнью тружеников, с пиететом произносили имя «всеукраинского головы» Г.Петровского. И ничего не знали о том, как, пожаловав в «год великого перелома» в село Кирилівка на Черкащине, где прошли детские годы Тараса Шевченко, он приказал построить техникум на костях захороненных здесь односельчан Кобзаря и его родственников. Не посмели, правда, тронуть могилу отца поэта. Одиноко, без ограды, она ютится сейчас рядом с этим учебным заведением...

Если все это долготерпение народа и есть его «устой», «обыденная жизнь», то разрушение их есть обретение человеческого достоинства. Только как вот докричаться до спящей избушки, разбудить ее?

ПАРАДОКСЫ «НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ»

Раньше партократия с успехом пользовалась различиями в исторических традициях, обычаях жителей разных регионов республики. Ведь одно дело, скажем, Галичина, то есть три западноукраинские области — Львовская, Тернопольская и Ивано-Франковская, где к власти пришли силы, поддерживаемые Рухом. Их жители дали резко отрицательный ответ на вопрос союзного референдума. И в то же время единодушно высказались за «незалежну Україну» (по инициативе трех областных Советов бюллетень с этим вопросом тоже предлагался на избирательных участках). Украинцы, проживающие на этих землях, веками находились под чужеземным господством — Австро-Венгрии, Польши. Воссоединение с Украиной всегда было их заветной мечтой, за которую отдали жизнь сотни и тысячи людей... Здесь еще помнят, как местных жителей, встретивших хлебом-солью Красную Армию, выселяли целыми семьями в Сибирь и на Дальний Восток, как ист-

ребляли местную интеллигенцию. В восточных же регионах республики о событиях в Западной Украине знают в основном со слов партийной пропаганды, которая живописала жестокости бандеровцев и умалчивала о зверствах НКВД. Для здешних жителей «вековая мечта» галичан, их обостренное чувство национального достоинства так же непонятно, как, скажем, в XIX веке российским рабочим — социал-демократам непонятно было желание революционеров-разночинцев и дворян «искупить свой грех перед народом». Это вовсе не значит, что рабочий или колхозник, скажем, из Черниговской области без ума от «своей» партократии. Нет, он ее поносит на чем свет стоит, за глаза и в глаза обзывает «захребетниками», которых давно пора «скынуды». Но и к национал-демократам с западных земель, которые задают тон и в Рухе, и в парламентской оппозиции, он относится с подозрением. Он не придавал раньше никакого значения тому факту, что количество украинских школ уменьшается, словно шагреновая кожа, и всякие разговоры о «русификации», «имперской политике» Москвы еще недавно казались ему праздным времяпрепровождением...

Плохо понимает он многие идеи руховских деятелей, особенно выходцев с Западной Украины, и сейчас. Намного ближе, чем мечта о «национальном ренессансе», кажется ему их требование государственного — экономического и политического — суверенитета. Требование это объединило как национал-демократов, так и прагматически мыслящих рядовых членов КПУ (их здесь называют «сувереннокоммунистами» в отличие от «имперкоммунистов») и, самое важное, массы беспартийных, рядовых тружеников, раздосадованных тем, что такая богатая республика вынуждена влачить жалкое существование. Благодаря усилиям оппозиции и прагматизму нынешнего Председателя Верховного Совета УССР Л.М.Кравчука, которого тоже причисляют к «сувереннокоммунистам», парламент Украины провел одновременно с союзным референдумом республиканский опрос.

Жителям республики предлагалось дать ответ на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза Советских суверенных государств на началах Декларации о государственном суверенитете Украины?» Около 80 процентов граждан нынешней УССР ответили «да», в то время как на вопрос союзного

биллетена утвердительный ответ дали 70 процентов.

Итоги референдума придали дополнительную уверенность приверженцам суверенитета. Я разговаривал с людьми, всерьез уверенными в том, что установление республикой таможенных границ (вопрос этот уже обсуждался в республиканском парламенте) сделает Украину, как здесь говорят, «заможной». Аргументы эти находят отклик, ибо пустые полки здешних магазинов говорят сами за себя... Полки эти уже пробовали однажды наполнить при помощи купонной системы, введенной нынешним премьером республики Витольдом Фокиным. Но из этого ничего не вышло, зато покупательский спрос и материальная заинтересованность людей в результатах своего труда резко упали. Все дело в том, что без купонов в республике ничего нельзя купить, но «окупониваются» далеко не всякие заработанные деньги... После неудачи с купонами пытаются испробовать иные способы обеспечения суверенитета. Республика учредила свой Национальный банк, парламент принял собственный закон о внешнеэкономической деятельности. Поговаривают о собственной национальной валюте. На шахтерских митингах в Донбассе звучали требования закрепить эти акты, разработать новую конституцию Украины на основе Декларации о государственном суверенитете. Но самые дальновидные из приверженцев суверенитета считают, что без структурных изменений в экономике Украины невозможно добиться сколько-нибудь заметного улучшения жизни народа.

Ну а потребности в топливно-энергетических ресурсах предлагают удовлетворять путем прямых договоров с Россией. А для этого вовсе не обязательно быть в федерации, достаточно и конфедерации. О последней время от времени говорит и Л.М.Кравчук. Крайние же радикалы — например, Председатель Украинской республиканской партии (УРП) Л.Лукияненко — требуют немедленного провозглашения независимости Украины, хотя и не исключают «союз с российской демократией» во главе с Б.Н.Ельциным в борьбе с имперским Центром.

...Я родился и вырос на Украине и не могу не желать лучшей жизни украинскому народу. И все же с трудом представляю тамошни на границе двух наших славянских республик и свои будущие поездки к матери — за рубеж.

«Но ведь ездят же по всей Европе

свободно, и ничего», — убеждали меня сторонники Руха. Они критиковали Солженицына за то, что тот «приписал» украинцев к великорусской нации. А я им говорил, что разница между двумя нациями не больше, чем в Германии между пруссаком и саксонцем, но ведь живут же они вместе, может, и нам попробовать? А тем более российское руководство тоже стоит на демократических позициях...

«Украинский народ много раз обманывали, — говорили в ответ мои собеседники. — Где гарантия, что этого не произойдет в очередной раз? Вот сначала обретем независимость, а там видно будет...»

Да, история вещь упрямая. Из нее не вычеркнуть того, что произошло с Украиной после воссоединения с Россией в 1654 году. Тарас Шевченко спустя почти двести лет после Переяславской Рады увидел совсем иную Украину, чем та, которая была тогда. В ней не было даже намека на былые казацкие вольности, на местное самоуправление, потомки казаков по шесть дней в неделю гнули спину на барщине. Запрещалось говорить на родном языке, издавать книги, преподавать в школах. Классик горько укорял Богдана Хмельницкого: «...Встав бы, поддываясь на свою Украину».

История — упрямая вещь, и украинский народ ныне требует того, что принадлежит ему по праву. Нынешняя ситуация на Украине отличается от той, которая сложилась здесь в середине 1917 года, когда российские, а не украинские демократические партии завоевали большинство в местных органах власти. Сейчас здесь нет иной силы, кроме национально-демократического движения, выступающего за реальные преобразования общества. И человека в Рух часто приводит не требование национальной независимости (он может даже не задумываться об этом или не придавать данному вопросу большого значения), а оппозиция к существующей системе. Просто людям надоело дышать отравленным воздухом, спокойно лицемерить, как начальство разбирает без очереди квартиры, разъезжает за счет предприятий по заграницам.

...Я уезжал с Украины, с черкасской земли, обильно политой кровью русских дружинников, украинских казаков, советских солдат. Казалось, что земля эта просто не может не воздать народу сторицей за его вековые труды и страдания. Если только люди станут, наконец, ее хозяевами.

ПИСЬМА

ДЕСЯТЬЮ СТРОЧКАМИ

«Возмущен ханжеским поведением коммунистов. Когда раздаются голоса с требованием провести общественный суд над КПСС, они вспоминают о правах человека, о которых узнали-то сами только позавчера. При том, что сторонники суда имеют в виду осуждение теоретического и исторического багажа партии, а не рядовых ее членов. Если эти люди хотят иметь свою партию, то хотя бы нашли для нее новую вывеску.

Москва

Г. ВЕМПЕ

***

В статье М. Маслова «С дружеским приветом!» (статье хорошей, правильной) наткнулся на одну фразу: «Это напоминает изощренную пытку, которой позавидовал бы непревзойденный инквизитор Лойола, прославившийся особой жестокостью».

Известно, что Галилей никогда не говорил: «А все-таки она вертится!», а Вильгельм Телль не стрелял в яблоко, находящееся на голове сына. Все это им приписали потомки. Но мифы очень опасны. Невольно в сознании человека они складываются в антинаучные и антиисторические стереотипы. Думаю, вам будет интересно узнать, что Игнатий Лойола до сих пор причислен к лику святых, а это как-то не вяжется с жестокостью и пытками. Короче говоря, основатель Ордена иезуитов был так же неповинен в сжигании еретиков во имя Господне, как и сам Христос. И никакого отношения к инквизиции не имел.

Если кто-то заинтересуется этим вопросом, могу посоветовать схо-

дить в единственный пока в Москве костел на улице М. Лубянка. Возможно, вам дадут более подробную информацию.

Москва К. ЧЕЛЯПОВ, журналист

***

Прочел в «Столице» фразу-анонс о желании знакомить читателей с новой продукцией партиздателств — от эротики до обоев. Хочу сообщить о том, как используются не только издательские мощности, но и страницы чисто партийных изданий.

Журнал цеховской идеологической обоймы «Диалог». В номере первом за сей год напечатан опус лево-радикального экстремиста (по определению Советского энциклопедического словаря) Жаң-Поля Сартра «Герострат» с ну очень интересными сценами. Вот одна из них: «На них (женщин) приходится ложиться сверху... и то, что находится у вас внизу живота, попадает в их мохнатую пасть и пожирается ею», и так далее. Весь опус — смесь эротики, мистики и всего прочего, неудобоваримого с коммунистической точки зрения.

Отличился и художник...

На первой странице можно прочитать, что журнал «Диалог» — самый опасный для противников КПСС. Вот тебе и логика! Или партийный журнал заигрывает с идеологическими противниками?

Саратов

В. ЛАНЦМАН

***

Прочитал статью «Самый советский из поэтов». Года три назад впервые услышал, что истинный автор песни «Священная война» вовсе не тот человек, которого мы знаем... Но куда ни писал, куда ни звонил, ответ был один — песня написана Лебедевым-Кумачом. Или вообще никакого ответа. Очень ценно, что слова, звавшие на борьбу с «проклятою ордой», написал русский патриот-интеллигент, учитель из глубинки России еще в 1916 году.

И последнее. На днях получил только шестой номер «Столицы». До этого писал кляузы в Министерство связи. Те отфутболивали в Минсвязи республики, в отделение «Союзпечати» на месте и т.д. Какой-то замкнутый круг!

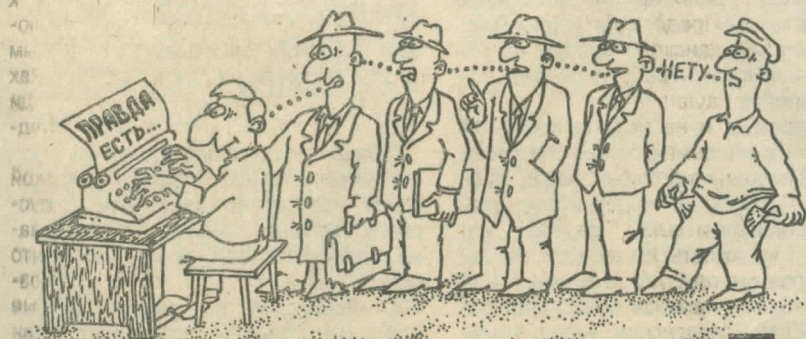
Минск

А. ПИТКЕВИЧ

НЕОБХОДИМОЕ ПОЯСНЕНИЕ

Читатели «Столицы» в Москве и Ленинграде, Минске и Саратове, Одессе и Архангельске — всюду регулярно... не получают журнал, на который подписывались. Минчанину А. Питкевичу еще повезло: в марте он получил уже 6-й номер! А вот Ю. Иванову из Ленинграда к середине марта пришел лишь третий. М. Чумаков из Комсомольска Полтавской области в том же месяце получил всего два номера. И так далее.

Редакция не оставляет ни одного письма без внимания и каждое, сопроводив собственным письмом, направляет начальнику Московского почтамта М. А. Федоровичу, который лучше всех знает, почему «Столица» не уезжает из столицы вовремя для доставки подписчикам в других городах.

Омск
КОМСОМОЛ РЫНКА НЕ
БОИТСЯ!

То, что безработица у нас вскорости будет нешуточная, понимают все, в том числе и комсомольские аппаратчики, которые, похоже, всерьез задумались о своем будущем. Три секретаря Омского обкома ВЛКСМ положили на стол заявления об уходе «по собственному желанию». В конце мая вопрос об отставке должен быть решен окончательно. Но уже теперь известно, что, например, первый секретарь обкома В.Н.Бойко нашел себе довольно «теплое» местечко — должность директора нового Дворца культуры «Молодежный».

Эльза КЕПОЛАС

Нижний Новгород
ЭТО ЕЩЕ НЕ ПОГРОМЫ?

Первой жертвой чуть было не стал сорокалетний артист разговорного жанра, пародист, начальник концертного отдела Нижегородского музыкального общества, а по совместительству — координатор Всесоюзной еврейской культурной ассоциации Юрий Свойский вместе со своей семьей...

В тот вечер родные артиста собрались за праздничным столом, чтобы встретить еврейскую пасху, ежегодно справляемую в память о ветхозаветном исходе из Египта. В самый разгар торжества в квартиру попытались вломиться неизвестные, изрядно «подогретые» спиртным.

— Они кричали: «Жида, открывай»

те, мы пришли вас убивать», — вспоминает Юрий Григорьевич. — От удара в дверь сыпалась штукатурка, дети забились в угол, мама просто потеряла дар речи. Я вызвал милицию — а что было делать — мужчина в доме один, и оружия — никакого... Если бы наряд не подоспел вовремя, они бы ворвались внутрь...

Вряд ли, конечно, у этой попытки погрома были идейные вдохновители. Сами пострадавшие оценивают случившееся как проявление элементарного бытового антисемитизма. И все же... Заявление с просьбой привлечь хулиганов к ответственности Свойский писать не стал. «Мне же еще жить здесь, у меня сын растет», — сказал артист.

Севастополь — Воронеж
ЗАКРЫВАЮТСЯ
МУЗЕИ...

Под угрозой закрытия — музей комсомольской организации города (говорят, другого такого музея в стране нет): подскочила плата за аренду, нечем платить зарплату сотрудникам музея.

ЦК ВЛКСМ на просьбу горкома комсомола выделить дополнительные средства ответил отказом. Позиция горисполкома неясна. Судя по всему, комсомолу придется искать спонсоров.

Сергей СВЕТЛИЦКИЙ

... И ГАЗЕТЫ

В Воронеже перестала существовать недавно родившаяся газета областного отделения Союза журналистов СССР «Пресс-факт». Возможно, многое многих в ней и не устраивало: журналисты ждали, что вот-вот их соберут, чтобы обсудить, какой быть газете завтра.

Но этого не произошло, а произошло совсем иное. Некоторые товарищи из правления отделения союза подбивали отдельных журналистов дать «квалифицированный» разнос изданию, становящемуся на ноги. Но таких разгонщиков не нашлось... Тогда за это дело взялся инструктор обкома КПСС, написавший обзор номеров газеты. После этого в узком кругу принято решение учредителей — закрыть.

Объяснения? «Однобоко». «Тенденциозно». «Огульно критикуется большевистская национальная политика». «По поводу личности тов. Лигачева и прочих товарищей газета просто ерничает».

Редактор «Пресс-факта» Анатолий Костин считает: против выступлений его газеты трудно что-либо сказать. Действительно, не было критики нового издания ни в одной местной газете — ни в «левой», ни в «правой». И все же «Пресс-факт» почил...

Григорий ЛАНИН

Калужская область
«БУДЕТ ЛИ НУЛЕВОЙ
ВАРИАНТ?»

Г.Б.

Обнинский горком КПСС официально сообщил об упразднении номенклатурных должностей в своем аппарате. Местные демократы восприняли эту весть без особого энтузиазма, считая, что показная ликвидация номенклатуры — отвлекающий маневр.

Обнинская организация «Демократической России» по-прежнему держит курс на создание своих партийчек на предприятиях, и лишь в случае, если КПСС упразднит свои «производственные» парткомы, «демоссы» согласны отказаться от этой идеи. Впрочем, нет никакой гарантии, что коммунисты им поверят.

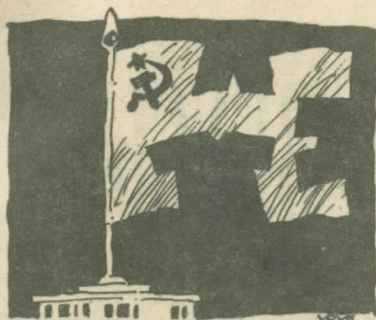
Ситуация — прямо как на советско-американских переговорах о разоружении десятилетней давности...

Александр ШЕБАНОВ

Ярославль — Архангельская
область
ПАРТОКРАТИЯ
ОБЗАВОДИТСЯ
КВАРТИРАМИ...

Самые высокопоставленные руководители КПСС уверяют нас сегодня, что партия отказалась от всех своих прежних привилегий. Примеры из реальной жизни говорят об обратном.

В Ярославле на улице Пушкина ударными темпами сооружают приличный двухэтажный четырехдцатиквартирный домик сверхкомфортной планировки.

В новые хоромы въедут недавние партийные руководители из глубинки, осенью прошлого года сменившие «старых», окончательно скомпрометировавших себя обкомовских работников.

Между тем очередь на жилье в области лишь за прошлый год выросла со 109 до 114 тысяч человек. Рабочим, инженерам, медикам придется ждать квартир еще лет пятнадцать—двадцать...

Сергей КИСЕЛЕВ

...И ОБСТАВЛЯЕТСЯ МЕБЕЛЬЮ

Первый секретарь Онежского горкома КПСС Ю.П.Никулин сознался в содеянном. Да, дескать, попросил генерального директора местного леспромхоза В.Т.Руцкого продать в обход очереди дефицитную мебельную стенку (леспромхоз получает мебель по бартеру). Не устоял, мол, каюсь...

Об этой некрасивой истории заговорила вся Онега. Заметно увеличилось число выходящих из КПСС. Партком морского порта (там Никулин состоит на учете) объявил первому секретарю горкома выговор. Рабочие завода ЖБИ поставили вопрос о недоверии Никулину и всему бюро горкома (те, говорят, тоже не без греха).

Полгода потребовалось на то, чтоб поднять вопрос о доверии на пленуме горкома партии. Пленум рекомендовал коммунистам «быть скромнее» и выразил Ю.П.Никулину... **ПОЛНОЕ ДОВЕРИЕ...**

Не иначе чистосердечное признание смягчило участь...

Александр МАКЕДОНСКИЙ

Выкса НИЧЕГО СВЯТОГО НЕ ОСТАЛОСЬ!

В этом райцентре Нижегородской области резко подскочил спрос на пионерские галстуки и на комплекты красных знамен союзных республик, которые раньше годами пылились на прилавках «Детского мира». Говорят, пионерские галстуки очень хороши на покрывала, а из флагов выходят замечательные трусы и куртки...

А.С.

Караганда КАРЛАГ ПРОТИВ «СТРАХА»

В 1988 году бывший работник спецотдела управления Карлага В.Широков неосторожно дал интервью журналистке Е.Кузнецовой. В областной газете появилась статья под названием «Страх», где рассказ Широкова об условиях содержания «врагов народа», о лагерном быте, о расстрелах заключенных занимал далеко не последнее место.

Словно спохватившись, герой интервью, работавший в то время председателем поселкового совета и лектором Шахтинского горкома КПСС, подал на журналистку в суд. «Я работал в спецотделе управления Карлага с ноября 1948 по июль 1949 года. В этот период я по роду своей деятельности не встречался ни с одним из заключенных, о расстрелах и о содержании репрессированных граждан (...) никаких сведений не имел», — писал истец в своем заявлении. Но из других источников известно, что в спецотделах формировались этапы, хранились личные дела «зеков», списки «стукачей», «работавших» среди заключенных.

Тем не менее суд, состоявшийся лишь в этом году, удовлетворил первую часть требований, касающуюся чести и достоинства В.Широкова, отклонив вторую часть — «запрет на профессию» для журналистки.

«Родная» газета Кузнецовой, где корреспондент проработала двад-

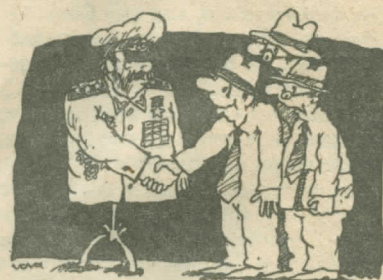
цать четыре года, сочла за благо промолчать. Но в поддержку опального корреспондента выступило республиканское историко-культурное общество «Адилет». Е.Кузнецова подала апелляцию в высшую судебную инстанцию, так что «процесс Карлага», похоже, не закончен.

Валерий РУДАКОВ

Степанакерт К КОМУ ПРИЕЗЖАЛ «ВЫСОКИЙ ГОСТЬ»

На имя главного редактора «Столицы» пришла телеграмма за подписью: «Коллектив переговорного пункта г.Степанакерта». Приводим ее текст полностью:

«В город Степанакерт прибыл первый заместитель министра внутренних дел СССР генерал-полковник Бо-

Рисовал В.Иванов

рис Всеволодович Громов. За два с половиной часа, проведенных на этой земле, он встретился только с представителями военной комендатуры и с искусственно созданным Азербайджанским комитетом. Просьбы народного депутата СССР Б.В.Дадамяна и первого секретаря Степанакертского горкома партии о встрече с Б.В.Громовым не дали никаких результатов. Высокопоставленное лицо сочло, что встреча с «афганским» другом В.Поляничко полезнее. Разве подобное отношение к народу автономного образования может нормализовать обстановку в регионе? Борис Всеволодович лишь еще больше разжигает страсти и ведет наступление против народа».

Осколки собирал Кирилл РЫБАК
Наш телефон: 921-52-78

ИМПОТЕНТЫ НАВЯЗЫВАЮТ ВКУСЫ...

Все смешалось в доме. Прямо с ног сбились, тычемся, как слепые котят, не знаем где что. Где, например, эта... как ее... эротика, а где, совсем наоборот... тьфу ты!.. порнография? Где все это? Кто знает, люди добрые, подскажите, не мучайте! Или, допустим, где здоро-о-овый секс, а где, опять же наоборот, — совершенно больная проституция? Куда направиться, что выбрать, пока что полный туман и путаница в умах у населения городов и сел. Что в этой ситуации нашему затурканному человеку делать — неизвестно.

Ну, в самом деле, как ему быть: заниматься ли длиннющей змееподобную очередь за билетами на киношедевр («у них» там все — шедевры!..) под названием «Ночной портъ», где, по слухам, раза три, а то и все четыре, главные герои занимают — прямо, не стесняясь, на глазах у советского человека! — «этим самым», прости господи, причем используя разные замысловатые «позиции»?.. Ловить ли пропущенную в свое время «Маленькую Веру», где, тоже по слухам, занимают, хотя и уже по-советски, но тем же «этим самым», правда, в одной лишь «позиции»? И как вообще в связи с поднятой проблемой поступать со всякими там Феллини да Антониони, которых уже видел в кино ранее? Что делать-то, братцы?! Нет ответа. Вернее, до недавнего прошлого не было. Теперь есть.

Кажется, вот-вот придет долгожданная ясность. Проблемс наметился. В первой декаде апреля, на сессии Верховного Совета СССР. Чуть-чуть отлегло от сердца: раз уж уважаемые парламентарии, избранники наши с вами, за «это самое» всерьез взялись, дело пойдет. Постановление свое специальное от 12 апреля сего года, как мы все читали, Верховным Советом принято, значит, похоже, совсем уже скоро с «этим самым» будет наконец покончено...

У меня, как у очевидца происходившего на заседании захватывающего действия, такая уверенность в исходе дела имеется. Даже несмотря на, ка-

залось бы, не слишком серьезное, иногда просто юмористическое отношение к жгучей проблеме ответственного перед Президентом за нашу нравственность министра культуры Николая Губенко (спешно вызванного, кстати, с отдыха из Ялты), дело-то, видать, затеяно весьма серьезное. А почему, можете спросить, юмористическое? Очень просто. Как же еще, как не в жанре юмора, можно с высокой трибуны такое изречь:

— Я с удовлетворением узнал, что Комитет по культуре пригласил сегодня на заседание Верховного Совета восемь сексологов. Не знал, что у нас в стране есть восемь сексологов! Думал, есть только один на всю страну — товарищ Кон. Значит, специалисты есть, надо только им помочь — послать в какие-то командировки за опытом, на стажировки... Чтобы они привозили депутатам сувениры в качестве вещественного доказательства: вот это — порнография, а это — эротика...

Нервный смех в зале. Депутатам, свидетельствую, было в те дни совершенно не до юмора. Они подошли к рассматриваемому предмету крайне серьезно. О чем говорит участие в дискуссии таких крупных знатоков темы, как писатель Валентин Распутин, как профессор-физик Анатолий Денисов. Правда, профессор все-таки поначалу тоже отнесся к скользкой тематике несколько игриво, предупредив, что хотя и представляет Комиссию по депутатской этике, но говорить собирается все же «не о депутатской эротике и сексе, а несколько о другом»...

О чем же? А о том, что, оказывается, дилемма — где порнография, а где высокое искусство — проще просто решить нравственными критериями добра и зла. Если «это» порождает добро — значит, «оно» — искусство, если зло — значит, недопустимо. «Хотя, — подумав, уточнил профессор, — и в зле в небольших дозах есть социально обусловленная потребность...» То есть, иными словами, в нашем сегодняшнем с вами обществе

если чего не хватает, то это... немножко-о-ожечко зла... Не удовлетворена потребность, оказывается, и в нем. Дефицит зла.

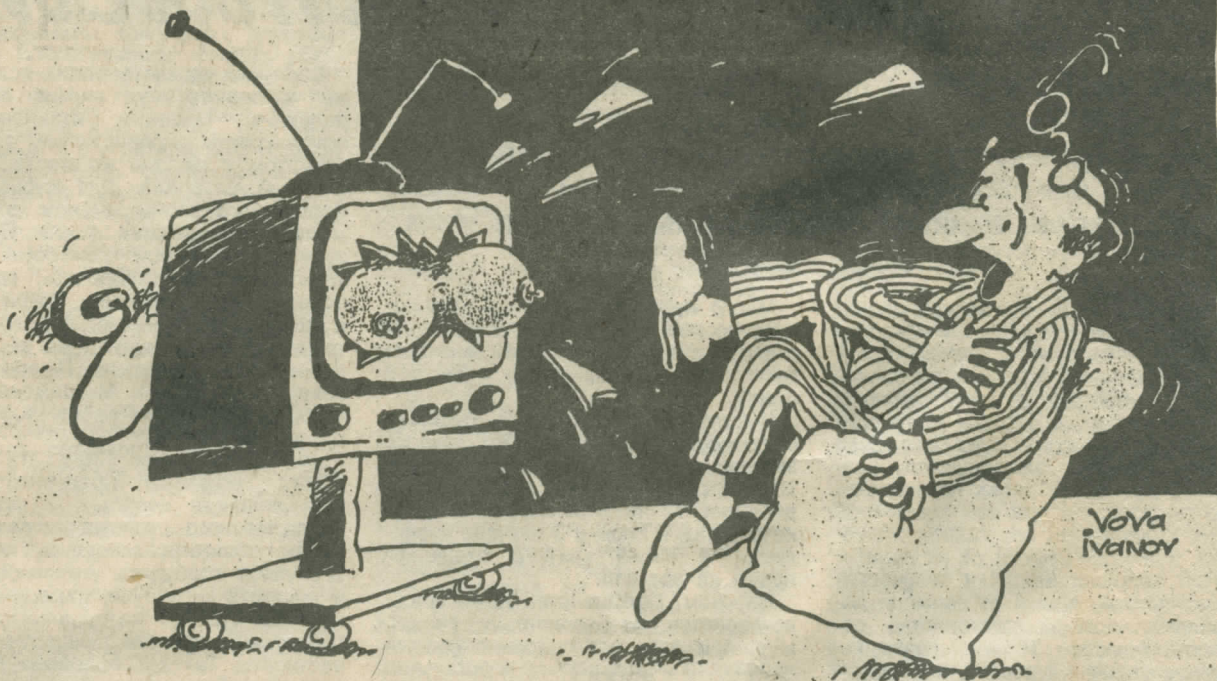
Ну, Бог с ним, с этим злом. Главный все же тезис депутата Денисова совсем в ином. Значит, рассуждает он дальше, «всякого рода порнография выполняет определенную социальную роль»... Какую же, спросит читатель? А вот такую: «...служит для возбуждения чувственности импотентов. И ничего тут плохого в принципе нет, но надо отвести ей определенное место. Но мы не можем мириться с тем, что вкусы и потребности импотентов навязываются всему обществу, всем нормальным здоровым людям. Вот с этим надо бороться».

И в самом деле, почему это мы, нормальные здоровые мужики, должны идти у н и х на поводу, а? Вот сейчас примем Постановление, и все станет на свои места, ясно будет кто есть кто: голосующие «за» — наши люди, здоровые и нормальные, а голосующие «против» — сами понимаете, прости господи... А уж не говоря о тех, кто «воздерживается»... Вот с ними-то и будем изо всех сил бороться.

А еще, конечно, с разными там так называемыми работниками искусства — музыкантами, киношниками и прочими. Писателя Распутина, к примеру, как-то занесло на концерт рок-группы «Коррозия металла». Вернее, он был приглашен. И что он оттуда вынес? Вот такое яркое впечатление: «Эта группа взялась помочь Министерству просвещения «изменить методу советского образования». Новая метода... заключается в призыве «Трахайтесь!», который выкрикивается со сцены, а для наглядности выводится на всех мыслимых и немыслимых местах кириллицей и латынью, демонстрируется в такт музыке полуголыми девицами и, конечно, очень легко усваивается многотысячным залом»...

А на один фильм в Дом кино писатель был также на днях приглашен — так там вообще жуть! Название филь-

Рис. В.Иванова

ма писатель даже произнести вслух так и не смог, как ни силился. Не вышло. Вот, говорит, если б в тайге где-нибудь, то сказал бы, а так — не могу. Так и не узнали народные избранники, какой кинофильм клеймил писатель гневно.

Вот такое кино. Ну, правда, в конце-то своей речи Распутин, конечно, с присущей ему смелостью назвал-таки конкретных виновников киноразгула, всех поименно: руководителя кинопроката Таги-заде, а также трех «бывших» — руководителя Госкино Ермаша, руководителя киностудии «Мосфильм» Сизова и — страшно сказать! — генпрокурора Союза Сухарева! Вот от кого, оказывается, вся эта порнуха-то идет. Вот кто, оперируя категориями профессора Денисова, навязывает нам, здоровым и нормальным, эти свои порочные вкусы! Поди ж ты... Кто бы мог подумать.

Так что теперь, слава Богу, раз носители зла названы, есть надежда, что все будет в ажуре с этой... как ее... порнографией и с этой же... тьфу ты!.. эротикой. Постановление принято, через пару месяцев создадут еще од-

ну, теперь уже, видимо, окончательно самую государственную комиссию, в которую войдут самые-самые главные знатоки «этого самого» — врачи-сексологи, психологи, артисты, политики, священники, экономисты, журналисты, художники, инженеры человеческих душ, просто инженеры, техники, геологи, металлурги, милиционеры, доярки, следователи, чабаны, строители... Все, кто может внести в это благородное дело свою скромную лепту. И, ясное дело, никак не забыть бы в этой суматохе представителей Минобороны, КГБ, пограничной службы. Потому что, как предупредил под «шум в зале» депутатов их коллега А.Хусанов, зам.редактора газеты из Ферганы, «пропаганда порнографии, всяких видеофильмов, календарей, брошюр с обнаженными проститутками является диверсией»... А с диверсией кто ж сможет справиться? Ну, естественно, не восемь сексологов с геологами и прочими четырьмя сотнями парламентариев, верно? Тут специалист нужен. Это вам не эротику от порнографии отличать.

Но это все, читатель, когда еще бу-

дет: пока Госкомиссию новую создадут, пока она материал соберет в зарубежных командировках по обмену опытом, пока обобщит, пока... А пока суд да дело, мы все продолжаем пребывать в полном тумане и абсолютном неведении: где — что? Где эротика, где высокое искусство, где порнография духа, а где — тела? И вот еще возникла такая новая проблема — а где ж, позвольте узнать, те самые... ну... как их... ну те, которые нам, здоровым и нормальным мужикам, свои вкусы знай себе навязывают и навязывают? Ну, эти... с которыми мы будем изо всех имеющихся сил бороться, а? Есть теперь над чем поломать голову...

Григорий КРОШИН

Вы пишете, а мы... почитаем

Можно констатировать: самые начитанные в стране судьи работают в нарсуде Свердловского района Москвы. Потому что подавляющее большинство редакций всесоюзных и местных столичных периодических изданий квартируется именно в этом районе.

До 1989 года количество редакций еще поддавалось исчислению — их было 42. Затем, с развитием гласности, процесс воспроизводства собратьев по перу сделался неуправляемым, и сегодня председатель Свердловского районного суда Лидия Глебова затрудняется назвать точное число своих потенциальных клиентов. Но при чем здесь суд?

Как выяснилось, все газеты и журналы, вне зависимости от их политической направленности и творческих возможностей, время от времени оскорбляют честь и достоинство советских граждан. И они, граждане, вдохновленные курсом на строительство правового государства, все увереннее чувствуют себя в роли истцов, требуя отмщения по статье 7 ГК РСФСР. То есть сразу же по выходе газеты или журнала приносят в суд исковые заявления со словами: «считаю, что моя честь и достоинство оскорблены...»

Что остается делать судьям? Читать прессу.

Если раньше судом рассматривалось в среднем 5 подобных дел в год, то примерно с 1987 года эта линия в статотчетах резко взмыла вверх и остановилась, приблизившись к сотне. Три последних года сохранили этот уровень. Так, в прошлом году в суде находилось 87 исков к прессе о защите чести и достоинства. Стоит, однако, отметить, что дела эти, как правило, слушаются долго, так что часть обид, рассмотренных в 1990 году, еще одно-двухлетней давности.

По числу обид на душу издания трудно назвать лидера. Остры и задиристы как правые, так и левые вкупе с молодежными, пенсионерскими, предпринимательскими, гегемонистскими и даже трезвенническими. В первой десятке оказываются из года в год «Комсомолка», «Правда», «Советская Россия», «Лесная промышленность», «Трезвость и культура», «Огонек», «Крокодил» (хотя чего-чего, а чувства юмора нашим соотечественникам не занимать).

Много проблем с бывшей «Социалистической индустрией». Газеты не стало, а обиженные ею граждане требуют оплатить «векселя». За чей счет?

Некоторые считают, что судиться с прессой бесполезно. Они глубоко заблуждаются. Так, из прошлогодних 75 дел, рассмотренных с вынесением решения, 72 читательских иска удовлетворены, и лишь в 3 случаях журналисты в своей критике оказались правы на все сто.

Впрочем, большинство исков удовлетворяется не полностью. Например: признать, что собрание состоялось не 13 марта, а 14-го, в остальном отказать. Или: утверждение, что истец был в нетрезвом виде доставлен в милицию, не соответствует истине... истец в нетрезвом виде явился в отделение сам... в остальной части иска отказать.

9 дел прекращены в 1990 году по причине добровольного примирения истцов и ответчиков. 3 дела оставлены без рассмотрения — либо одна, либо другая сторона систематически игнорировали отчаянные призывы явиться в зал суда. Санкции за неуважение к суду практически не применяются. Писать лишние бумаги ради 10-рублевого штрафа — себе дороже, считают судьи.

— Журналисты — народ очень дисциплинированный, — продолжает Лидия Глебова. — С трудом добиваемся от них письменного объяснения. Документы, которые они обязаны представить, чтобы подтвердить свою правоту, приходится собирать судье.

Бывают иски почти анекдотические. Когда человек, недовольный тем, что его письмо не опубликовано, требует от газеты сделать это немедленно. Его претензии тоже будут рассмотрены, но шансов на успех крайне мало — сегодня пресса свободна в выборе тем и авторов, многие печатные органы специально оговаривают: редакция в переписку с читателями не вступает.

В случае удовлетворения иска, даже частичного, суд вправе обязать редакцию принести извинения и опубликовать опровержение, тем же шрифтом и на том же месте, что и спорный материал. Для журналиста, дорожающего своим именем, это может стать серьезным уроком. Правда, суду из-за вечной занятости редко удается проконтролировать, как выполнено его решение. Встречаются и такие опровержения: дескать, суд-то решил, и мы вынуждены это опубликовать, но гражданин Н. все равно нехороший человек. И гражданин Н., естественно, тут же несет второе исковое заявление.

Более серьезная 130-я статья УК РСФСР, «клевета», предусматривающая лишение свободы, в практике Свердловского суда не встречалась. Чтобы обвинить автора в клевете, требуется возбудить уголовное дело и доказать корыстные намерения пишущего, будь то материальная заинтересованность или скандальная известность. Так как подобных примеров не наблюдалось, будем считать, что, ошибаясь, журналисты искренне заблуждаются или ленятся перепроверить какие-то факты.

Как влияют на судей так называемые досудебные публикации? Вокруг этой проблемы — можно ли публиковать статью с собственными оценками преступления, если слушание дела еще не состоялось, — теоретики от журналистики и юриспруденции сломали уже много копий. Послушаем практиков.

Председатель Свердловского районного суда убеждена, что ей лично и ее коллегам, которые преклоняются только перед Законом, досудебные публикации не мешают и никак не влияют на исход дела. В конце концов их можно ведь и не читать. Но они сильно будоражат общественное мнение, а это прибавляет судье работы.

В заключение открою маленькую тайну. Читательское предпочтение Лидия Васильевна всегда отдавала «Литературке». Но в этом году не написала любимую газету. То ли в связи с подорожанием, то ли ради объективности.

Елена САЛИНА

Самиздат генерала Родионова

Вот уж не подумал бы, что в наше время может существовать еще и генеральский самиздат. Однако держу в руках странички слегка сброшированного самодельного текста с факсимильной подписью генерал-полковника, с датой выпуска...

С первых же строк автор призывает себе в помощники мировые военные авторитеты. Клаузевиц, действительно, предупреждал: «Народ, который не уважает свою армию, будет кормить чужую». И Наполеон, это известно, полагал, что «четыре газеты могут сделать больше, чем стотысячная армия». А вот дальше наш генерал продолжает свое решительное наступление на прессу уже самостоятельно и утверждает, что «желтые» газеты привели к поражению русской армии в Манчжурии в начале века, а позже — к разгрому Франции Гитлером.

Таким образом, противник определен и назван: средства массовой информации. Идея тоже ясна: прессу и телевидение захватили и узурпировали не те люди, они объединились и раскачивают нашу общую лодку, грозя стране полным перекилем. Но вот какая странность прорисовывается тут в стройном рассуждении генерала. Он признает, что тяжела жизнь наших офицеров, «быть может, самой незащищенной части нашего общества. Но в судьбе любого солдата, кроме дряг, бытовщины и невзгод, есть и минуты подлинного величия, есть риск, братство и подвижничество...» Так-то оно, понятно, так, но где же связь, почему употреблено в словесной конструкции «но»?

Понимаю, мне не по чину возражать генерал-полковнику Родионову-Тбилисскому, поэтому призыву для поддержки Генералиссимуса, князя италийского Суворова-Рымникокого, вот ведь от чего он предостерегал: «...есть неприятель больше богadelни: проклятая немогузнайка, намека, загадка, лживка, лукавка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вежливка, бестолковка...» Так не совестно ли, признавая тяжелую офицерскую жизнь фактом, перекаладывать ответственность за это на все общество, не признавая никакой вины за собой? И что, интересно знать, имеет в виду лукавый генерал, упоминающая между делом о дряге и бытовщине? Цинковые гробы в мирное время, возвращающиеся родителям их детей? Или искалеченных мальчишек-солдат? И как же можно такому противопоставлять минуты подлинного величия?

А чуть дальше генерал пишет: «Дедовщина есть, а взаимовыручки нет, — имеется в виду в описании такого журнала, как «Огонек». — Неуставными отношениями (прошу внимания! — А.М.) заразило армию общество, и армию же обвиняет». Пассаж, достойный изумления: общество, по армейским уставам, слава Богу, пока еще не живущее, оказывается способно разносить вирус неуставных отношений. Может, такое общество надо немедленно отправить на гауптвахту? Нет, следом идет ссылка на Альфреда Винни, видимо, чтобы подчеркнуть — знай наших, в литературе тоже разбираемся, и резвый переход к новой те-

ме — «самой злой русофобии». Тут же появляются «враги государства», странным образом связывается закрытие суворовских училищ при Хрущеве с очередным витком гонения на церковь... Текст предельно нервный, страстный, но, увы, очень распливчатый. Трудно читается генеральский самиздат, уж очень он злобен. И в голову невольно заползает такая мысль: а ради чего все-таки столь откровенно обнажает свою изболевшую душу генерал?

«Вы читали когда-нибудь, чтобы какой-нибудь офицер потребовал провести общенародную переаттестацию всех академиков из общественных дисциплин (так, извиняюсь, у автора. — А.М.), получивших свои звания в застойные годы, когда их научные труды были полуграммотным изложением гуманитарных наук, которые держались на цитатах «классиков» и восхвалялись Брежнева, которого они уже мертвого пинают в нарушение всех чловеческих законов совести». Одолеть подобное грамматическое нагромождение — задача тяжкая, но все-таки возможная. Совершенно прав генерал: тех, кто полуграммотно цитирует «классиков», надо, разумеется, изгонять, и не только из наук гуманитарных, но из военных и прочих тоже. И подхалимов не дело поощрять! И позорно пинать покойных.

Но ведь, что называется, соль выступления Родионова не в защите мирно усопших, трагически погибших, преступно убиенных. «В Сумгаите и Тбилиси, в Фергане и Абхазии, в Баку и Карабахе, равно как и в Вильнюсе, армия выполняла прямые указания политического руководства страны и делала это глубоко страдая и стиснув зубы, но выполняя святы для солдата законы и уставы присяги», — пишет генерал.

Все, что следует за этим откровенным признанием, — старательное оправдание вынужденных, как подчеркивает автор, действий военных и снова шельмование все той же «желтой сотни», которую следовало бы привлечь, наказать, публично осудить. Но самого существенного читатель так и не узнает: кто же все-таки понудил, приказал генералу Родионову действовать? Ведь не только в Тбилиси, а и в Фергане, и в Абхазии, и в Баку, равно как в Вильнюсе, не могло зло твориться анонимно! Генерал не просто умалчивает, он скрывает имена: «Возможности печати, по-хоже, даже Наполеон недооценивал, — утверждает Родионов. — Поистине хозяин в стране не тот, у кого воо-

руженные силы, КГБ, милиция или обученный аппарат, а тот, у кого в руках печать и телевидение».

Суворов-Рымникокий не знал истребиительной силы печати, не догадывался и о возможностях электронных средств массовой информации, может быть, поэтому он грозит вам из далекого далека своим сухим пальцем, генерал Родионов-Тбилисский: «Грех напрасно убивать, они тоже люди». И это оно — врагах своих говорит, врагах, которых убивал мастерски, чем и прославлен.

Странно, с какой легкостью мы усваиваем словесные стереотипы, бездумные штампы: кто-то пустил в оборот словосочетание «шельмование армии» или «дискредитация вооруженных сил» — и пошло, и поехало, повторяем и повторяем, будто ученые попугаи. Нет ни у кого злонамеренного стремления подорвать собственную обороноспособность, речь идет о необходимости очистить вооруженные силы от недееспособных начальников — больших и малых; речь идет об условиях, в которых вынуждены служить солдаты. Их, эти условия, надо улучшать безотлагательно. Говорят, нет денег вводить сразу и всюду большие улучшения. Интересно — сколько расходуется средств на оплату бездельников-военруков в средних школах и в высших учебных заведениях, сколько съедает содержание аппарата ДОСААФ, сколько стоят армии бессмысленно копошащихся в бумагах политотдельцев?

Совершенно умышленно не упоминаю о генеральских привилегиях, не хочу драгнить гусей красным. Вот бы собрать для начала пропадающие без пользы оклады-жалованья и нанять на эти деньги толковых сержантов-добровольцев, вот и был бы первый практический шаг реформирования армии.

Известно: под лежачий камень вода не течет. А все бумажные проекты имеют общее свойство — они с поразительной легкостью исчезают под сукном начальственных столов. Может быть, потому еще, что высокие армейские чины очень немолодые люди и подсознательно не спешат — дотянуть бы...

Свой самиздат генерал распостранил в высоких эшелонах власти, среди законодателей страны. Это, очевидно, его право. Не будем отнимать слова и у Суворова, обратим его к тем же инстанциям: «Обывателя не обижай: он нас поит и кормит. Солдат не разбойник».

Анатолий МАРКУША

СТРАНА ПОКУПАТЕЛЕЙ

Валюту! Валюту! Дайте советскому начальнику валюту — и он перевернет весь мир! Таксисты, артисты, коммунисты, финансисты, футболисты — с кем ни поговоришь, у всех дела не ладятся только из-за того, что им не дают валюты. Была бы валюта, они бы купили на Западе и Востоке ВСЕ. Советский Союз — это огромная страна сплошных покупателей. Что бы Советский Союз делал, если бы не было Запада и Востока?..

Самое дорогое в стране — не здоровье людей и не дети, а валюта. Только недавно советским предприятиям было позволено торговать с границей. По одним слухам, каждое тотчас кинулось продавать за валюту все, что имело. Например, книжные типографии ничуть не прогадывают от книжного брака: макулатуру охотно покупают за границей или на макулатуру совершают бартерные сделки. Книжки типографии печатают на русском языке и продают за рубли, а макулатура — связующее звено с валютой. Больше макулатуры — больше заграницы. По другим слухам, те предприятия, которые ни черта не имеют для продажи за валюту, даже отходов, продались сами, целиком — и таким способом получили валюту.

Еще ходят слухи, что предприятия, чья продукция хоть немного по

душе иностранцам, стопроцентно перестали поставлять продукцию на внутренний рынок и все продают за валюту: лес, металл, стекло, кино... Даром, что ли, потребовался совсем уж недавно специальный Указ президента Союза Советских Социалистических республик об обязательной сдаче валюты туда, где она была всегда: то ли в Министерство финансов СССР, то ли в партийную кассу (официальное место нахождения валюты — Внешэкономбанк, но кто знает, не одно ли это из названий Минфина или партийной кассы?).

Раньше говорили, что если бы не было природных ресурсов, то не было бы и социализма, который сам ничего не делает, а лишь потребляет то, что дано природой. Но правильное сказать — социализм возможен там, где осталось что продать за валюту.

Плох тот начальник, который не научился клянчить валюту. Когда целые отрасли, вроде культуры или здравоохранения, жалуются, что существуют на «остаточном принципе», подразумевается, что им дают мало валюты. Или не дают совсем — кошмар!..

Валюта — старый советский бог. Все свои неудачи сваливать на отсутствие валюты стало так же банально, как утверждать, что когда

идет дождь, то становится мокро. Надо воздать должное прежним властям, которые, собственно, еще никуда и не делись: они снабдили импортным оборудованием молочные заводы и театры, заводы и учреждения, журнал «Столица» набирается и печатается на импортном оборудовании, в самой редакции стоят импортные компьютеры...

Но из года в год Государственный комитет СССР по статистике дает сводки о ржавеющем импортном оборудовании, закупленном на валюту. Пришла очередная такая сводка.

К 1 января 1991 года на московских предприятиях скопилось импортного оборудования на 207 миллионов 300 тысяч рублей: на складах они занимают больше половины мест. Накопление импорта в складах идет еще с давних годов, во всяком случае в 1986 году он уже числился в разряде залежалых.

На предприятиях Миннефтепрома стоимость импортного оборудования, оказавшегося ненужным, 12 миллионов 300 тысяч рублей, Министерства металлургии — 11 миллионов 500 тысяч, Минэлектротехприбора — 16 миллионов 200 тысяч, Минавтосельхозмаша — 32 миллиона 400 тысяч, Минсвязи СССР — 24 миллиона 500 тысяч...

Складские запасы предприятий Москвы, включая стройки Мосстройкомитета и перерабатывающие предприятия Мосагропрома, оцениваются в 53 миллиона 800 тысяч...

Видимо, склады придумали для валюты. А тип советского руководителя — для вечного неудовольствия Западом и Востоком: там все время делают что-то не то и не так. Можно допустить, что на складах томится никому не нужное импортное оборудование, — но зачем его покупали? Этому вопросу столько же лет, сколько дождю. Важно, что брожение умов в направлении валюты достигло, кажется (или это только кажется?), своего логического потолка: теперь помешались не на покупке чего-то на валюту, а на покупке самой валюты.

Пора объяснить читателю, не искусенному в экономике, что валюта — это деньги. Вульгарные деньги. Покупка денег деньгами — неправда ли, в этом что-то есть. Это, вероятно, уже что-то такое, с чем бороться не стоит, а надо просто досмотреть, чем наши покупатели кончат.

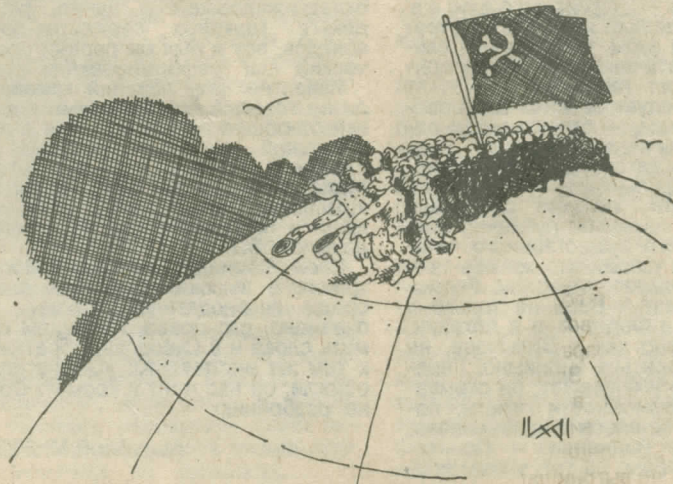

Рис. А. Казачкова

НОГИ ОФИЦИАНТА

Фото Ю.Штукина

Официант — тоже человек! Предчувствую, что возмущенные читатели возразят: кого, мол, вздумали защищать? Зарплата у официантов маленькая, а живут по-королевски — машина, видеомагнитофон, квартира... Да предложи им уйти со своего места, не выгонишь!

Но у нас не только официанты имеют машины, видео и приличный достаток. Что же касается официантов, то их достаток, поверьте, зарабатывается тяжелым трудом. Уйти из системы торговли они действительно не уйдут, поскольку в этой системе есть ряд своих бесспорных преимуществ.

ществ. Что же касается мизерного оклада (в среднем 90—120 рублей), то официант может его повысить — нет, не спешите, читатель! Не обсчетом — а своими ногами. Чем больше официант носится, тем больше процентов набегает к его зарплате: для него важно не количество посетитель за день, а сумма всех выписанных счетов. Из общей суммы официанту ежедневно и причисляется к зарплате пять процентов. Из них два процента тут же забирают на доплату уборщицам и мойщицам посуды, остается три процента. Из этих трех процентов и основного оклада и складывается, так сказать, конечная зарплата официанта.

У некоторых официантов зарплата доходит до 700 рублей в месяц. Но для того, чтобы получать такие деньги, надо крутиться, не жалея себя, по 12—14 часов, красиво таская при этом тяжелые подносы. Одно время говорили, что труд официанта по затраченным за смену силам приравнивается к труду шахтера. Потом об этом как-то забыли: некрасивое, видите ли, сравнение.

Есть еще одна немаловажная вещь, объясняющая, почему официант при всех тяготах профессии не покидает своего рабочего места. Это — питание, которое в наш дефицитный век для этой категории работников в общем-то перестает быть проблемой. Речь идет не о воровстве, в котором мы привыкли огульно обвинять всю торговлю! Просто единственное место, где еще можно достать хоть какие-нибудь продукты, давно забытые в магазинах, — это ресторан. И для работников ресторана их продают со скидкой в рабочей столовой.

Когда-то с тревогой говорили, что у ткачих больные ноги. Это их профессиональное заболевание. Теперь у ткачих другая профессиональная болезнь — уши, они глухнут от рева ткацких станков. Правда, об этом говорят реже. А про болезни официантов никогда и не говорили. Да и что там говорить, когда даже работать официантом считалось постыдным! Со слухом у официанта вроде ничего — от оркестра не оглохнет, зато ноги как болели, так и болят. Но со слухом плохо, видно, не у одних ткачих. При проектировании ресторанов, укладывая в залах мраморные или каменные полы, архитекторы и строители не слышат жалоб, как же людям там работать. Поэтому многие ресторанные руководители сами ищут, чем бы помочь своим официантам: покрывают такие полы ковриками. Но это,

считают медики, не выход из положения, ноги все равно рано или поздно начинают болеть. Не думают об официантах и обувщики. Для поваров придумали облегченную обувь, для официантов такой обуви нет. И вот закупает каждый ресторан ту обувь на каторжных колодках, которая осталась у нас в магазинах, потому что ее никто не берет. А в ней, сами знаете, не только по 12—14 часов по каменному полу да с подносом в руках, — в ней несколько часов на улице не выдержишь!..

Интересно, кто же это все-таки придумал, что чаевые унижают честь и достоинство советского официанта? Во всем мире не унижают, а у нас унижают. Чаевые — это премиальные!

Ведь никто не принуждает их давать, но почему нам должны запрещать это делать? Никому не придет в голову дать чаевые официанту, который обхамил вас или плохо обслужил. Давая чаевые, мы тем самым выражаем благодарность за хорошее обслуживание. А поскольку это премиальные, то почему они должны унижать его? Скорее унижать должна та зарплата, которую получает официант.

При всем при этом, у официанта на его рабочем месте немалые расходы. Наверное, мало кто знает, что официант ежемесячно платит за пропавшие салфетки 10—15 рублей, за пропавшие приборы и разбитую посуду — 15—20. И, как вы понимаете, сам официант не бьет столько посуды и не ворует сам у себя салфетки и приборы. Это делаем мы с вами, уважаемые посетители ресторанов.

Есть еще один интересный момент. Существуют две разные меры наказания за один и тот же проступок — за обман. Только в одном случае — обман посетителя, а в другом — обман официанта. За обман посетителя официанту грозит по УК РСФСР минимум — увольнение, максимум — лишение свободы. Но бывают, простите, случаи (и они не так уж редки), когда гость (или гости) уходит, не расплатившись за ужин. Если такого «гостя» официант не поймает при выходе, то сам должен будет оплатить счет в собственную кассу. Причем в тот же вечер! Иначе на него «повесят» недостачу, что пагубно скажется на его характеристике и карьере. Если же официант спохватится вовремя и ему удастся задержать «гостя» на выходе и даже криками вызвать милицию, то в лучшем случае бежавший «гость» уплатит штраф. В большинст-

ве же случаев он просто оплатит один счет, без всякого штрафа, и, выслушав все, что о нем думает официант, уйдет на улицу. Где же, скажете, справедливость?

Хочу заметить, что в отличие от Германии, например, где отношение к кельнерам весьма уважительное (эта профессия там престижна), у нас отношение к официанту, «как к классу», весьма пренебрежительное. Люди старшего поколения, вероятно, помнят старых официантов «Метрополя», «Националя», «Берлина», которые для поддержания престижа своих ресторанов готовы были в лепешку расшибиться. Причем в те времена вход в эти рестораны для советских граждан был гораздо более свободным, нежели сейчас. И тем не менее... В их подсобных столиках всегда находились свежая зелень с рынка, свежие овощи, фрукты — на случай, если в этот день на кухне по каким-либо причинам были перебои (хотя это случалось крайне редко). И, представьте, никто особенно криминальным это не называл! Люди старались принести радость, не считаясь со своим свободным временем. Это была хорошая услуга. Сейчас официантам иметь свою зелень почему-то строго-настрого запрещено.

Были времена, когда в ресторан шли хорошо поесть, отдохнуть. Надевали лучшие наряды. Это было целое событие! Кто же виноват, что теперь в ресторан идут в чем попало и зачем попало? Угол падения равен углу отражения. Наше отношение к ресторанам и его обслуживающему персоналу («Это кто мне тут будет указывать?! Какой-то официант!») обернулось против нас самих: пренебрежительным отношением обслуживающего персонала — к нам. Кстати, даже сейчас хорошо одетым и ухоженным гостям официант нагрубить не осмелится. К неряшливым же, пьяным, считающим, что за свои деньги они могут вести себя, как им вздумается, и отношение подобающее.

В ресторане, так же как и в театре, должна преобладать публика не в зимних сапогах с хозяйственными сумками. Для тех, кто не успел переодеться, существуют столовые, кафе, бары. Превратив рестораны высшей категории в забегаловки, а официантов — в подавальщиков, какое еще отношение требуем мы к себе?

Владимир ПЧЕЛИН

БЫЛА КВАРТИРА ВАША — СТАЛА НАША

Для того чтобы купить свою квартиру, а после этого распорядиться ею по собственному усмотрению (устанавливать в ней какую захочется плиту, какое достанете сантехническое оборудование, вставлять в окна разноцветные стекла и т.п., включая передачу квартиры по наследству), нужно обратиться в организацию, которой принадлежит дом, и заявить о своем желании купить квартиру. К вам придет оценочная комиссия и назовет цену квартиры.

Начальник Московского городского управления статистики Лидия Зоткина КОРНЕЕВА, которая уже не раз выступала в «Столице» под рубрикой «Разговор государственного статистика с читателем» (NN 3 и 4 за 1991г.), на этот раз рассказала о том, как

москвичи покупают квартиры.

«В конце 1990 года началась продажа государственного жилья в собственность граждан. Всего за 1990 и начало 1991 гг. граждане купили в личную собственность 2 800 квартир общей площадью 145 тысяч квадратных метров. Продаже подлежали те государственные квартиры, в которых граждане проживали до момента их выкупа.

От продажи квартир получено 19 миллионов 300 тысяч рублей. Больше 93 процентов от этой суммы зачислено в местный бюджет.

Как оценивались квартиры? Каждая — по-своему. Но в среднем московская квартира стоит 7 000 рублей. При оценке играют роль категория жилья, балансовая стоимость, процент износа дома, состояние кварти-

ры, этаж, район, на какую сторону выходят окна — параметров очень много. Стоимость одного квадратного метра общей площади составила в среднем от 150 до 250 рублей.

При покупке квартиры владелец вправе оплатить лишь половину стоимости, а вторую половину внести десять лет».

К этому сообщению государственного статистика нужно еще добавить, что владелец квартиры действительно получает право делать со своей квартирой многое, но вот что касается прописки в нее других людей — это вопрос особый и при покупке квартир самый неясный: положение о прописке не отменялось, изменений в него, насколько нам известно, не вносилось.

Так что, покупая квартиру, обязательно справьтесь на этот счет у ваших продавцов отдельно. Покупать квартиру только для того, чтобы ее самим отремонтировать? Это мы делаем и не покупая ее.

Отдел социально-бытовых проблем

В Вене поздним вечером уличный торговец, предлагая своим редким покупателям горячий, только что выловленный из золотистого масла картофель «фри», давал каждому вместе с тарелкой жареного картофеля вилку и... нож.

В Москве ножи куда-то прячут. Даже в буфете Моссовета их почти никогда нет. Воспитанный московским общепитом, попав на званый ужин в Венской ратуше, я смотрел на три ножа, лежавших передо мной, и думал, куда же они исчезают из московских столовых?

**В.ПАРИНОВ, депутат
Московского
городского Совета**

В объединении Мособщепит мне тут же ответили вопросом на вопрос: «А давно ли вы видели ножи в магазинах? С прилавков они исчезли. Потому крадут из столовых. Из всех, включая моссоветовскую. Вы думаете, если народные депутаты, то они ножей не воруют?»

— Но в магазинах нет также вилок и ложек. А в столовых они пока есть, — возразила я.

— Скоро не будет, — утешили меня. — Просто нож — более ценная вещь, он сделан не из алюминия, а из нержавеющей стали. Сейчас вообще ката-

ВОЗЬМИТЕ КОТЛЕТУ В ПРАВУЮ РУКУ!

Рис. А.Казачкова

фическое положение с приборами — нечего давать в рестораны и кафе. Официанты следят, чтобы посетитель не положил в карман ложку. Да и скажите, зачем ножи в наших столовых. Разве там каждый день дают мясо целыми кусками? Что вы этими ножами собираетесь резать?

Тут уже отвечать было нечего. Добавлю только, что насчет вилок я дала ложную информацию. В столовой Ленинградского рынка, например, они периодически исчезают. Рыбу и котлеты приходится ковырять алюминиевыми ложками. Ну а пивной бар, где напиток разливают в пустые консервные банки или пакеты из-под молока, — уже привычное зрелище.

Кто из нас не слышал, что советский человек теряет человеческий облик? До недавнего времени это оставалось эффектной метафорой. Все-таки на четвереньках пока не ходим. Сейчас же рожденный гражданским пафосом образ становится реальностью. Интересно, что будет, когда и ложки кончатся? Начнем ласкать из мисок?

Е.ГОНЧАРЕНКО

КУДА ИДЕТ СОБАЧИЙ НАЛОГ?

В статье Елены Болдыревой «Собачьи цены» («Столица», N5, 1990 г.) речь шла об основах так называемой рыночной экономики, которая, оказывается, давным-давно повсюду действует в мире домашних животных. Эта публикация заставила высказаться многих обладателей собак, кошек, птиц, рыб... Но отнюдь не о рыночной экономике. Этот предмет, как мы поняли из писем, пусть лучше обсудят ученые. В письмах говорится о вещах гораздо более земных: где достать еду домашнему животному, как вызвать к нему ветеринара, как сохранить породу...

Один из пришедших откликов — о прогулке с собакой...

Гулять в городе с собаками — мука. Во-первых, нигде. Плачу налог 15 рублей с собаки, а их у меня две, значит, 30 рублей. На этот налог должны построить площадки для выгула. Но никто, разумеется, и не думает ничего строить. Ведь ГАИ не думает оборудовать дороги на налоги с машин, а чем исполкомы, которые собирают с нас собачьи налоги, хуже? А во-вторых, народ недоволен. Население то есть. Понимаете, собаки наши «всю Москву загадили» и «все продукты съели». Конечно, когда грязно и голодно, кому это может нравиться? И поскольку виновники нашего экономического кризиса — вот они, на глазах, все эти собачники со своими прожорливыми псами, то уж, конечно, пощады не жди. А у меня две собаки. Тут уж пощады не жди вдвойне. Хоть собаки и маленькие, пекинесы — такие лохматенькие, с серьезными личиками, — но это не имеет значения. Все равно «обожрали» всех москвичей и гостей столицы впридачу.

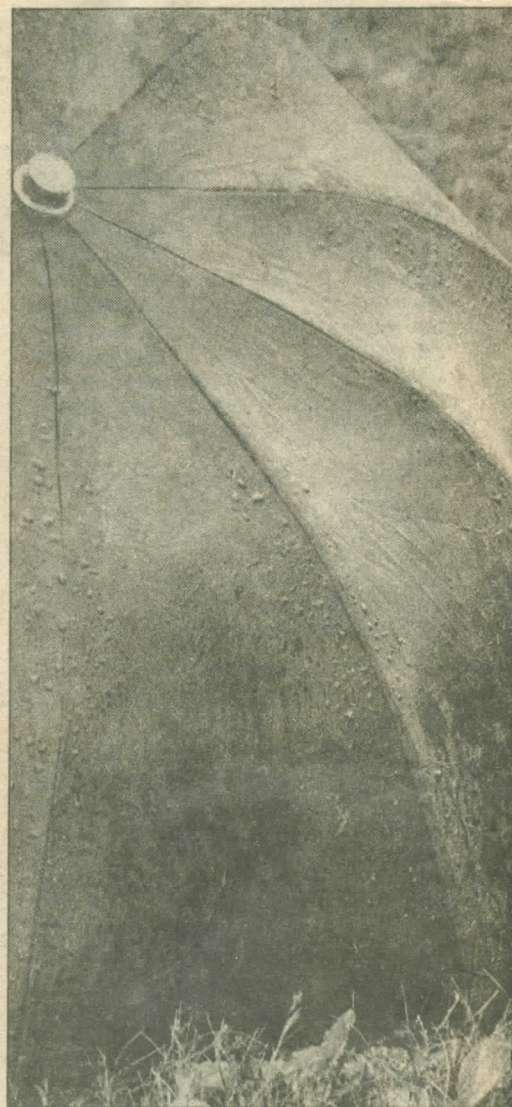
Вот такую правду-матку не устают резать мне в лицо два раза в день бабки с лавочек в маленьком скверике недалеко от дома, куда я вожу своих песиков. И вот, два раза в день, с трясуцимися поджилками, держа под мышкой своих малышек, я, сжавшись под бдительными взорами

стражей порядка, прошмыгиваю в уголок скверика, к помойным контейнерам, и там опускаю собачек на землю, строго следя, чтобы они не выбежали из отведенного мною уголка в поле зрения их врагов. Но все мои уловки тщетны. В общем, что тут говорить, кто имеет собак — знает.

И вот однажды, было это прошлым летом, прячусь я со своими собаками за помойкой, а мимо идет тетка с полными сумками. А из сумок толстыми палками торчат хвосты мороженой рыбы. Две сумки, полные рыбы. Поставила тетка эти две сумки на лавку — передохнуть ли, руки помянуть, услышала выступления моих, как бы помягче сказать, оппонентов, подошла ко мне и говорит:

— Ну чего ты от них прячешься? С ними знаешь как надо?

И рассказала — как надо. Сама-то она к собакам равнодушна. Вот кошки — это да, это — животные. В общем, любит она кошек. И жалеет их очень. Бездомных особенно. И подкармливает их, ведь живые, а мучаются. Она им страдания немного облегчает: кормит их рыбой. Своих кошек у нее четыре, а уж нахлебников... Ну, десять будет. И тоже — бабки на лавке у дома. И тоже выступают — грязь, мол, развели, и вообще, воняет. А ничего не развели. Она выходит к кошкам один раз в день с тазиком, потом

тазик уносит и моет, всякие там ошметки и остатки всегда убирает. А с лавки этого как будто не видят — все свое: грязь, мол, развели, дышать нечем!.. И тогда она придумала. Вырезала из какого-то журнала фотографию — портрет Ленина. Но не простую фотографию-портрет, а Ленина с кошкой!

Сидит на примерно такой же лавочке, как во всех дворах, сам Ленин, а на руках держит кошку. И вот эту фотографию она всегда с собой носит. И только эти-то, у подъезда, начнут возмущаться — грязь развели, дышать нечем! — она молча вынимает из кармана портрет вождя. А если бабки сразу не поймут что к чему, она им поясняет: «Товарищи! Ленин! Лю-

СП «ИНТЕРОКО» ПРЕДЛАГАЕТ:

— новейшие виды оргтехники, оборудования офисов, современные рабочие места менеджеров и обеспечивает их техническое обслуживание;

— надежное, изящное, создающее комфорт санитарно-техническое оборудование, наборы инструментов, изделия из стекла, канцелярские принадлежности, карнизы, ковровые покрытия, женскую и детскую верхнюю одежду и другие товары народного потребления.

В «ИНТЕРОКО» можно приобрести по среднерыночным ценам на условиях лизинга от одного до двух лет компьютеры типа «Laptop» 286, AT286 и Super AT/386 Sx, 16 MHz, 2 MB, Y6A, Периферия, включая INK Jet Printer, и оформить соглашение о сервисном обслуживании.

**Предлагаемые товары вы можете приобрести за свободно конвертируемую валюту в нашем салоне по адресу: Фрунзенская набережная, 30, павильон 12, Строительная выставка ВДНХ.
Тел. 242-89-41.
Факс 938-20-33.**

Фото Б.Кремера

бил! Кошек!» И — все. Больше ничего говорить не надо. Деморализованная армия в панике отступает. В общем, замолкают как миленькие.

— И ты найди фотографию-портрет Ленина с собакой! Может, есть такой? Не может не быть! Я вроде бы видела. И показывай им. В момент отступят, — весело посоветовала мне тетка, подхватила сумки с рыбой и зашагала себе кормить «налебников».

Больше я ее не встречала. И как она там живет, сведений не имею. И как ее кошки перебиваются — тоже не знаю. Думаю, что дела их неважные. Ну, во-первых, нет рыбы. А во-вторых, теперь Ленин с кошкой вряд ли им поможет. Думаю, что не поможет даже

и групповой портрет классиков марксизма-ленинизма с кошками, собаками и прочими домашними животными. Даже, думаю, такой портрет может ухудшить их, кошачье, положение.

Я лично фотографию-портрет Ленина с собакой искать не стала. Защищаю собак своими слабыми силами. Защищаю совершенно бесплатно, хотя собаки у меня, простите, оплачены — два раза по пятнадцать рублей в год. С нашего «собачьего налога» кто-то наверняка получает приличную зарплату — но кто? За что? Зачем? Почему? Для чего? И, наконец, — с чего это вдруг?

Нонна САВЕЛЬЕВА

ЭКОЛОГИЯ ВСТАЕТ НА ПАРТУЧЕТ

На вопросы «Столицы» отвечает член Комитета по экологии Верховного Совета СССР, шеф-редактор всесоюзной экологической газеты «Спасение» В.А.ЧЕЛЫШЕВ.

— Виталий Алексеевич, вы не находите, что природоохранный бум в стране пошел на спад? Тот бум, на волне которого пришло в политику немало народных депутатов. Сейчас же большинство из них ударились в чисто политические проблемы, напроочь, кажется, позабыв о проблемах экологических — даже в том виде, в каком декларировали их в своих предвыборных программах.

— Я скорее прошел обратный путь. Хотя жил в Запорожье, экологически просто бедственном регионе, но меня как журналиста интересовали другие проблемы: занимался, так сказать, судьбами отдельных людей. Правда, иногда включался в какие-то природоохранные кампании, вроде защиты малых рек, — когда друзья просили, зная, что я человек энергичный. И все. Экология меня беспокоила «по частностям». Например, когда поехали с семьей отдыхать на Азовское море, а там у дочки обнаружилась аллергия на кислород, она даже оказалась в больнице. Врачи сказали, что курортный воздух был для нее слишком чистым после нашего запорожского... Такие вещи я воспринимал, как и большинство людей, — как данность, в которой живем и вряд ли что можем в ней изменить. Но примерно за год до своего депутатства влез в экологию уже всерьез — занялся последствиями монопольного хозяйствования промышленных предприятий, в первую очередь принадлежащих ВПК (даже если они относились к «мирным» министерствам).

— И нажили себе врагов?

— Позже. Зато к началу своей избирательной кампании, весьма долгой и скандальной, я твердо знал, с кем надо вести борьбу за экологическое

выживание страны. Предлагал какие-то идеи, одни оправдались, другие — нет. А уже здесь, в Верховном Совете, разработывал проект закона об экологическом предпринимательстве. Хотя как самостоятельный акт пробить его не удалось, но парламент поручил Кабинету министров включить положения закона в правительственную антикризисную программу. Короче говоря, я не только не ушел от экологии в политику, а скорее наоборот. Другое дело, что у нас все это часто сплетено в один узел.

— И все же — «зеленые» движения не имеют сейчас того явного влияния в народе, как года три назад. Когда-то они были главной объединяющей силой; народные фронты в Балтии, скажем, начинались с экологической борьбы вокруг Игналинской АЭС, Слокского ЦБК и так далее. И любимое аппаратное словечко «экстремисты» впервые опробовали именно на участниках многочисленных экологических митингов... А сегодня потихоньку реанимируются некоторые проекты и программы, отвергнутые в прежние годы экологической экспертизой, но люди это вроде и не замечают.

— Некоторый спад «зеленых» движений действительно есть. Но ведь голодом и холодом — а угроза их маячит реальная — можно выбить все остальные проблемы.

— А как же Чернобыль, Арал, другие районы экологических катастроф и бедствий? Голод и холод — пусть реальная, близкая, но все-таки «перспектива», а тут — сегодняшние трагедии.

— Вот в этих регионах уже ничто не заставит людей забыть, в какой ситуации и по чьей вине они оказались. Ни в Норильске, ни в Усть-Каме-

ногорске. Ни в Уфе, где практически вся питьевая вода была отравлена фенолом. А Горный Алтай? Когда-то люди приезжали сюда, чтобы подышать чистейшим воздухом, а сегодня алтайский воздух перенасыщен тяжелыми металлами. Здесь появились неизвестные заболевания, поражающие в основном иммунную систему человека. Все больше рождается «желтых детей», которые умирают в первый год жизни. Такое страшное существование не даст ни на один день уйти от экологических проблем.

Ну а что касается утихания массового движения «зеленых» в стране... Знаете, нечто подобное было и на Западе. В США, к примеру, экологическое движение появилось лет 20 назад и поначалу воспринималось как очередной «выброс» хиппи, эпатажной молодежи. Потом оно разрослось, затем начался другой этап — разделение «зеленых». Среди них были алармисты, люди, просто падкие на слухи, были серьезные ученые, появились и свои функционеры. Это все естественно. Но главное дело было сделано: благодаря «зеленым» люди получили информацию, которая заставила их задуматься и оказала сильнейшее влияние на состояние дел в западном мире. Во многих странах «зеленые» приобрели политическое влияние, вошли в парламенты, образовали свою фракцию даже в Европарламенте. И тут уж на них обратили внимание по-другому: стали перехватывать их идеи. Сейчас, по сути, эти экологические идеи взяты на вооружение всеми западными партиями. А поскольку эти партии богаче и сильнее, им легче реализовывать свои экологические декларации. И «зеленые» сразу «потеряли в весе».

— Так на каком же из этих этапов мы сейчас находимся?

— На том, когда формируются партии «зеленых». И у нас есть шанс учесть ошибки западных коллег, не дать отобрать у нас наши идеи.

— Вы уже вступили в такую партию?

— Да, я член партии «зеленых» Ук-

Фото Г.Бодрова

раины и республиканской ассоциации «Зелений світ».

— **И КПСС?**

— Нет, из КПСС я вышел после последнего съезда. До тех пор еще надеялся, что компартия разделится по платформам, что это поможет удержать ее интеллектуальные силы. Но — не случилось. КПСС не захотела терпеть в своих рядах «инакомыслие», различные платформы. Произошло то, что было выгодно, к чему стремились ее самые консервативные слои. И мне больше нечего было делать в такой партии. Была еще од-

на вещь, которая заставила уйти: КПСС занялась делами, меньше всего отвечающими ее громким декларациям. Например, яростной борьбой за собственность. Этаким жесткий капиталовладелец, который стремится не только свое сохранить, но и чужое урвать. В общем, бандитизм в чистом виде, никаких там прежних благородных теорий, только не прикрытая никакими масками практика...

— **Что ж, вернемся к партиям «зеленых». Вы верите в их парламентское будущее?**

— Безусловно. Я не сомневаюсь,

что скоро эти партии будут представлены в республиканских парламентах, в том числе и на Украине. Поэтому мы стремимся разрабатывать какие-то конструктивные программы, которым люди будут доверять. И обязательно произойдет сближение «зеленых» партий республик — ведь многие проблемы у нас общие. Тогда мы сможем серьезно влиять на жизнь страны. В апреле наш Комитет разработал своего рода экологический манифест, который может стать основой для такого объединения «зеленых». Надеюсь, его смысл поймут и

Верховный Совет страны, и Кабинет министров.

— Дай-то Бог, но я что-то не очень верю в серьезность экологических устремлений нашего руководства. вспомните, как Рязанков призывал всех «позеленеть», то есть озабочиться экологией, а потом метал громы и молнии на головы тех, кто настаивал на закрытии вредных предприятий, обвинял этих людей в развале экономики. Руководимый им Совмин даже отсутствие в стране лекарств пытался объяснить происками «зеленых» и принял противозаконное постановление, запрещающее останавливать вредные производства без высшего согласия правительства (которого, естественно, никто никогда не дождался). И Горбачев слез с экологического конька, хотя когда-то так много и так хорошо говорил о борьбе за чистоту окружающей среды. Поэтому я не верю, что Кабинет под водительством Павлова всерьез займется этими проблемами. Во всяком случае, для этого нужно по-настоящему, глубоко просчитывать отдаленные последствия принимаемых решений. А денежно-обменные и ценовые акции премьера убеждают, что в Кремле и ближние последствия не могут угадать.

— Согласен, прогноз необходим, нельзя что-то планировать, не имея точных представлений, во что это выльется, как отразится на людях. И могу сказать уверенно: сейчас ни у Горбачева, ни у его команды настоящих прогнозистов нет. Когда-то, кажется — при Брежнев, была разогнана прогнозистская школа ЦК КПСС. Потому что кроме нее прогнозы для руководства делала еще соответствующая служба КГБ, и в конкурентной борьбе победили те, чьи прогнозы больше нравились генсеку. А ему больше нравилось то, что предсказывал Комитет.

Что же сегодня? Если власти собираются опираться на «прогнозы», которые делает Кургинян и которые так хвалит партийная пресса, то мне жаль отечество. На таком уровне нельзя описывать перспективы государства.

— И тем не менее вы рассчитываете, что ваши идеи того же экологического предпринимательства будут восприняты правительством и реализованы?

— Надеюсь. Буду этого добиваться, если получится — значит, могу сказать, что кое-что мне удалось

сделать. Речь же не идет о каких-то дополнительных капиталовложениях в экологию, мы как раз исходим из того, что есть очень дорогостоящие вещи, которые ни одно правительство не может быстро осилить. Вот цифры, полученные экспертами. Сейчас в СССР общий ущерб от ухудшения здоровья людей, вызванного снижением качества окружающей среды, достигает 40 млрд. рублей в год. Потери в народном хозяйстве из-за разрушения природной среды — еще 50 млрд. Чтобы предотвратить дальнейшую экологическую деградацию, нужно ежегодно выделять не 10—11 млрд. рублей, как сегодня, а 250—350 млрд. рублей. Разумеется, даже самые богатые правительства в мире не смогли бы предоставить такие средства. Но мы о них и не говорим, не покушаемся ни на какие социальные программы.

С другой стороны, если не заниматься этими проблемами, то экономические тоже не решить. В конце концов, что такое нормальные технологии? Это прежде всего экологически чистые технологии. У нас же их ни завтра, ни послезавтра не будет, если трезво смотреть на вещи.

А экологическое предпринимательство позволяет действовать на встречных направлениях. Допустим, вы придумали, как из промышленных отходов — из грязи! — получать никель, цинк, серебро, золото или что-то подобное. Государство должно предоставить вам максимум льгот, чтобы вы этим занялись, дать право владеть результатами своей идеи. А если оно не хочет, чтобы вы распоржались златом-серебром, боится, что ценный металл уплывет за рубеж, то само должно покупать его у вас по мировым ценам. Надо дать инициативным людям на первом этапе, лет за 10, к примеру, разобраться с промышленными «хвостами», а тем временем подтягивать, внедрять чистые технологии.

И пусть люди заработают на решении экологических проблем. Мы ведь никогда не пользовались пряником, только кнутом. Ну и к чему пришли?

— Но, согласитесь, никакие усилия предпринимателей в экологии не вытащат нас из сегодняшней ситуации, если не будут с умом использованы те миллиарды, которые выделяет казна на «поправку» окружающей среды. А что происходит? Взяться всем миром спасать Арал, и главными спасателями оказались те, кто его загубил, — легионеры недоброй памяти Минводхо-

за. И снова витает кошмарный призрак «поворота рек», снова бьет копытами бульдозерная рать, испоганившая каналами земли. Потом спохватимся: куда ж миллиарды бухнули?

— Я тоже не верю в «спасателей» из бывшего Минводхоза. (Между прочим, вокруг Каспийского моря складывается похожая ситуация, и тоже с участием мелиораторов.) Но нельзя однозначно решить, что лучше: когда средства в одних руках или когда они переданы на места? Что окажется эффективней — единая большая программа или несколько малых, региональных? В конце концов все упирается в людей, которые выполняют эти программы.

— И в тех, кто выбирает исполнителей?

— В них тоже. Компетентные люди, действительно, нужны прежде всего «наверху». Тем более, что есть мировые разработки, позволяющие снизить экологический риск в масштабе государства. Об этом написаны умные книги, но я не уверен, что наши руководители их не только читали, а хотя бы слышали о них. А эти книги — как прекрасный набор слесарного инструмента, бери и работай. Пока же у нас так: инструмент есть, неисправный кран — тоже, а вот слесаря нет.

— Когда ж появится? Времени на ожидание у нас мало осталось...

— Это не только наша проблема. Между прочим, Рокфеллеровский фонд выделил очень большие средства на интересную международную программу. В разных странах (в том числе и в СССР) будут отобраны 10—12 специалистов не старше 30 лет — экологи, биологи, медики и т.д. (даже журналист потребуются), их обеспечат самым современным оборудованием, свяжут единой компьютерной сетью, и каждый должен будет в течение нескольких лет заниматься какой-то экологической проблемой для своей страны. Это вполне можно рассматривать как подготовку будущих «экологических» правительств.

— А пока?

— А пока — «зеленое» движение. Я не сомневаюсь в его будущем. Просто, повторяю, оно переходит в новую фазу. Надеюсь, более конструктивную. Надо показать людям, где, в чем выход. Но не тащить их туда силой, крича и пугая, а убедить в том, что идти — надо.

Вел беседу Владислав
СТАРЧЕВСКИЙ

Пикник на обочине

Издали Дом ветеранов сцены выглядел необитаемым. Темные окна, ни одной живой души, ни малейшего движения. И тем более зловещим было впечатление от того, что здание окружено со всех сторон, перекрыты все ходы-выходы. Переодетые милиционеры изображали кого угодно, только не сотрудников ОБХСС. Наиболее живописно выглядела парочка, работающая под

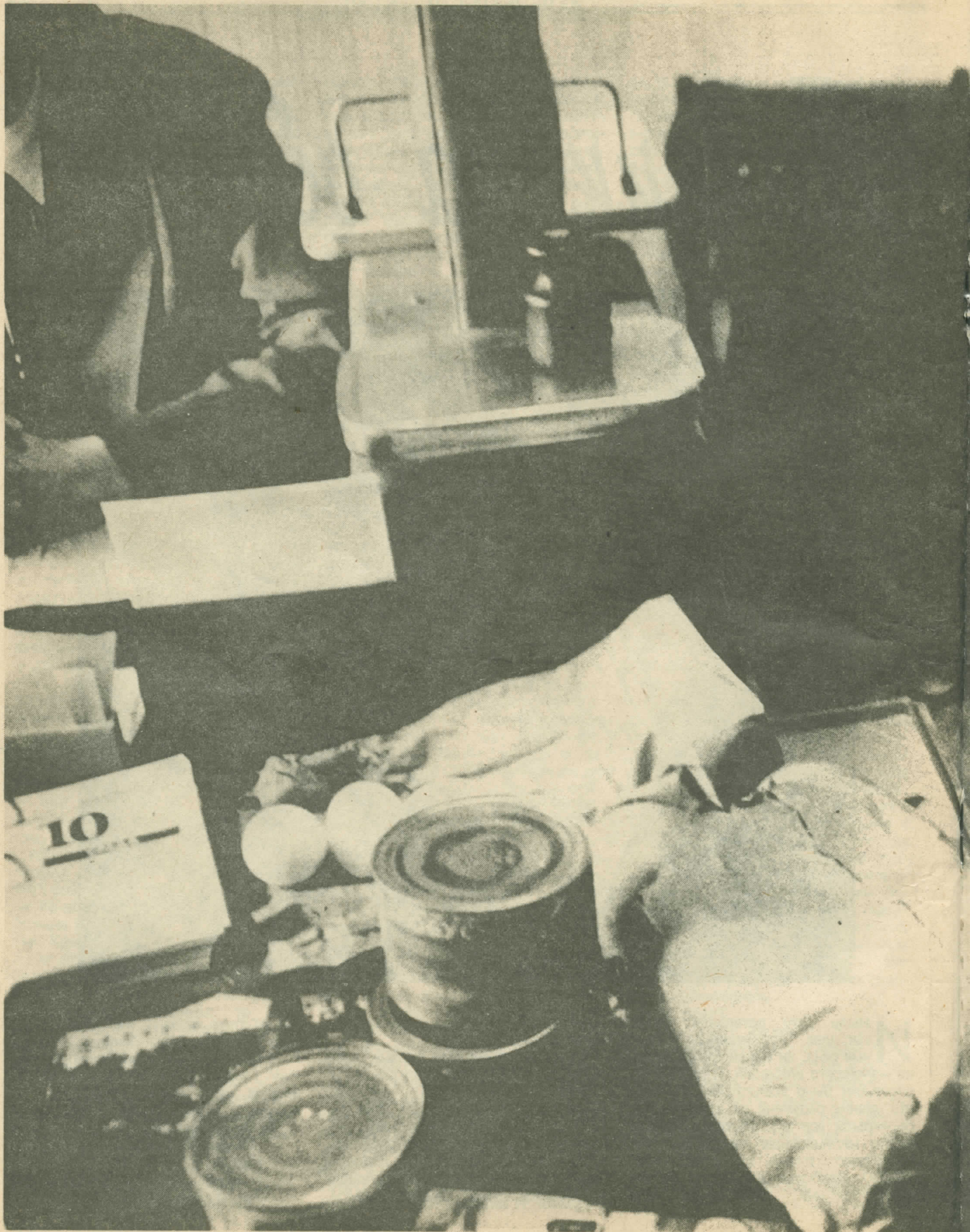
влюбленных, — среди проверяющих была и женщина.

Через час появились первые «клиенты» с характерным признаком — тяжело нагруженными сумками. Плюс отменное настроение. Две работницы пищеблока прямо-таки лучились от счастья и громко смеялись, пока к ним незаметно не подошли «влюбленные» и вежливо не попросили показать сумки. Смех испарился,

как ртутные пары, и наступил черед испуга. А испугаться было от чего — в объемистых авоськах невооруженным глазом были заметны коробки зефира, куры, масло, импортные сухофрукты и еще всякая всячина.

Короткий диалог:

- Откуда продукты?
- Купили у знакомых.
- А может, на кухню взяли?
- Нет, ну как можно...

— Тогда поехали в отделение, будем разбираться.

Бесшумно подкатывает машина с затемненными стеклами и увозит незадачливых похитительниц вкусной и дефицитной продукции.

Следующей вышла на «ловцов» сама кладовщица — человек № 1 в хозяйственной службе Дома ветеранов сцены. Именно в ее распоряжение поступает все съедобное и несъедобное, предназначенное для больных стариков. А уж она решает, кому из своих сколько подарить или продать. Ну и себя, конечно, не обидеть, как не обидела в этот роковой день. Один «кусочек» масла, обнаруженный у нее, потянул почти на три килограмма. Кладовщице тоже предложили присоединиться к поварихам, несмотря на талантливое изображение ею сильнейшего сердечного приступа.

Потом «взяли» диет-сестру и прачку, председателя профкома и швею.

Действие переместилось в отдел ОБХСС, и там началось самое интересное. Все попавшиеся на воровстве клятвенно заверяли, что продукты куплены или в магазине, или с рук у знакомых. Когда же их начали спрашивать для протокола, что сколько стоит, ни одна женщина не смогла назвать истинной цены. Как правило,

цена товара — масла, мяса, молока, яиц — объявлялась старой, еще до всеобщего подорожания, или вовсе бралась с потолка.

У меня сложилось впечатление, что эти люди в магазинах уже много лет ничего не покупали. Они давно себе устроили коммунистический рай, когда при изобилии продукции отпадает надобность в ценообразовании. О том, что они действительно жили в изобилии, говорит тот факт, что только за один, контрольный, раз они вынесли продукты более 80 наименований. Даже не хочется перечислять наиболее редкие и качественные, дабы не вызвать ни у себя, ни у читателей спазмов желудка.

Когда мы опять вернулись в Дом ветеранов сцены, чтобы посетить те бездонные закрома, откуда питался обслуживающий персонал, навстречу вышли обитатели Дома — пожилые актеры. Для них все это оказалось настоящим откровением.

— Как же так? Они такие милые и добрые люди!

— Нас здесь вообще-то кормят очень хорошо.

— Это невероятно! Но похоже, что вы оставили нас без продуктов!

Конечно, как не быть милым и добрым, когда в буквальном смысле сидишь на мешках и ящиках с пищей и

время от времени, не глядя, запускаешь туда руку. А последняя фраза меня все-таки насторожила. Пока еще неизвестно, под каким «соусом» и по какой цене сбывались дефицитные вещи самим ветеранам сцены. То есть то, что предназначалось немощным актерам бесплатно, им же и попало, но уже за деньги.

Заглянув в Уголовный кодекс и отыскав там 91-ю статью, понимаешь, что возможность безнаказанно красть заложена именно там. По этой статье выходит, что любой человек «имеет право» вынести что-нибудь с места работы на сумму не более 50 рублей. Если этого человека все же ловят, то ничего, кроме штрафа, ему не грозит. Таким образом можно воровать полжизни, а потом заплатить в государственную казну пару сотен рублей. На следующий день этот же человек опять набьет сумку мясом или сыром и в душевном равновесии отправится домой.

Руководствуясь рекомендациями из Уголовного кодекса, и живут все несуну. Они прекрасно осознают, что никаких сил милиции не хватит, чтобы за каждым проследить, каждого схватить за руку.

Остается только назвать фамилии моих «героинь» — Морозова, Ликина, Логвинова, Клюквина, Салахетдинова, Ильичева. Вероятно, в ближайшем будущем в Доме ветеранов сцены наступит относительный покой, по крайней мере, на складе и пищеблоке. Только вот долго ли он продлится, никому не известно. До следующего визита сотрудников ОБХСС?

Михаил МАСЛОВ

Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ (фото)

МОЖНО И НА ПЯТЬ ЛЕТ. НО ДОРОЖЕ

Вполне вероятно, что скоро можно будет прочесть в газете объявления следующего содержания:

«Желающим заработать крупную сумму денег просьба срочно позвонить по телефону...»

Немного загадочно, и что за этим стоит? Увы, не вскапывание грядок на садовом участке или уход за тяжелобольным.

Просто надо будет посидеть в... тюрьме. Год, два, десять, все зависит от тяжести содеянного преступления вашим «работодателем». И человек, не брезгающий нарами и нравами уголовников, действительно может подзаработать. Такая «работа» оплачивается по наивысшим расценкам. Год отсидки сегодня стоит от 10 тысяч и выше.

Механика столь сложной, на первый взгляд, процедуры очень проста. Идет судебное заседание, вдруг из зала поднимается человек и говорит о том, что данное преступление совершил именно он и в подробностях рассказывает о месте происшествия, детально описывает жертву и сам процесс, например, ограбления квартиры. «Дело» начинает рассыпаться буквально на глазах, следствие обязано «с нуля» проверить показания новоиспеченного преступника, что занимает массу времени. Если все сходится, истинный преступник и «подсадка» автоматически меняются местами. Ну, а потерпевший, почему он не возражает, чтобы его «грабил» совершенно другой человек? Потерпевшего вместе с «подсадкой» «покупают» за большие деньги друзья или родственники вчерашнего преступника. И вскоре доброволец, решившийся на отсидку, уезжает в тюрьму, а его двойник — в ресторан пить шампанское.

Как правило, «подсадка» — из бывших заключенных и лагерную жизнь

знает не понаслышке. Прекрасно ориентируясь в блатных законах, он с удовольствием отсиживает свой срок от звонка до звонка, к тому же за приличные деньги.

Но встречаются и отчаянные голорвы из ранее не судимых, рискнувших заработать свой кусок хлеба таким оригинальным способом. Вполне вероятно, что уже после первой ходки в лагерь они войдут во вкус и сделают «подсадку» второй профессией.

Существует и еще один метод «борьбы с законодательством», когда принцип «подсадки» используется весьма интенсивно. Каждое второе «дело» в судах сейчас заходит в тупик из-за внезапного появления одного, а порой и нескольких «участников» преступления. Представьте, каждый день во время слушания «дела» из зала встает новый человек и признает себя виновным. Истинный вор (грабитель, насильник) саркастически ухмыляется и ждет, когда число желающих надеть на себя наручники перевалит сколь-нибудь разумные пределы для продолжения судебных заседаний. Такой ловкий ход часто подсказывают опытные адвокаты, которые, как профессиональные писатели, пишут сценарий и подробно расписывают отдельные роли. За удачно спланированный спектакль защитник кладет в карман весомый гонорар. Властям остается только извиниться перед участниками процесса и прекратить дело до выяснения обстоятельств. Даже если дело доводится до логического конца и зачитывается обвинительный приговор, то у судей абсолютно нет никакой уверенности, что в лагерь будет этапирован настоящий преступник.

Любопытную схему с «подсадкой» придумала знаменитая люберецкая банда. Правда, тогда в роли челове-

ка, дающего ложные показания, выступила сама жертва. Вот описание уголовного дела. Двое членов группировки усиленно вымогали 50 тысяч у одного клиента. Тот сообщил в милицию, и она на этот раз сработала четко. Были произведены подробная видеосъемка и прослушивание. Состав преступления — как на ладони. Возбуждай уголовное дело и действуй по закону — без проблем. Следователи так и сделали, они быстренько раскрутили рэкетиров. Вот тут-то неожиданно и всплывает новое лицо.

Подследственные делают странное заявление, что-де они вымогали деньги, чтобы компенсировать материальный ущерб своей знакомой, которую обокрал истец.

Находят девушку и выясняется, что действительно полгода назад она сделала заявление, будто ее квартиру обчистили неизвестные люди. Ни преступников, ни похищенных вещей тогда так и не нашли. Нераскрытая кража повисла в воздухе.

Не нашли, потому что у милой девушки никто и ничего не воровал. Люберецкой команде очень было нужно иметь в своем «активе» подобное возбужденное, но не оконченное дело.

Самое удивительное, что и сам потерпевший вскоре подтвердил, что он проник в квартиру этой девушки и вынес вещей на сумму в 50 тысяч рублей.

Статья уголовного кодекса, которая еще вчера предусматривала наказание за вымогательство, моментально превратилась в иную. И рэкетеры вовсе уже и не рэкетеры, а всего лишь люди, превысившие свои полномочия. А эта, иная, статья, смешно сказать, даже и не подразумевает тюремного заключения — так, какой-то пустяковый штраф.

Веселые бандиты срочно начали поиск новой жертвы, а человек, сделавший заявление в милицию о рэжете, превратился в вора. Сколько ему заплатила люберецкая команда, можно только догадываться...

Явление «подсадки» изучено пока слабо, поэтому налицо явная беспомощность судебных и следственных органов. Борьба с «подсадкой» невероятно трудно из-за неуклюжего нашего законодательства, и это прекрасно понимают преступники. Тем более, что для такой криминальной рокировки требуется лишь одно — деньги. А средства у преступников всегда были, есть и будут.

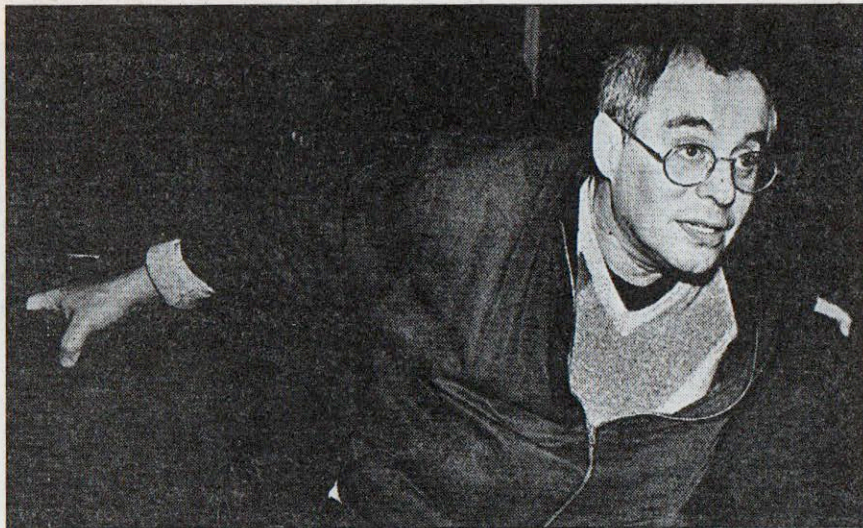

фото Э.Кудрявского

— Сегодня у многих опускаются руки. А уж у людей искусства — в двух случаях из трех. Вы как будто назло всем работаете в последние два-три года так, что завидки берут. Ставите один спектакль за другим, пишете пьесы, прозу, вот еще и кино сняли по своему же сценарию, про Высоцкого...

— Я, вообще-то говоря, всегда любил работу и всегда работал много. Может быть, оттого, что счастливых возможностей для работы у меня в жизни было мало... Моя мама очень из-за этого переживала и спрашивала: «Ну, кто же ты, в конце концов? Режиссер — без диплома, писатель — без книг, драматург — без поставленных пьес, журналист — ни одного дня в печати не работавший...» А я просто делал всегда то, что мне давала судьба, просто-таки вырывал у нее каждую счастливую возможность.

Я был счастлив участвовать в КВН, в самом его начале, — это было так здорово: телевидение, импровизация, в прямом эфире, живая реакция зала! Я занимался «Юморной» — потому что кто и когда бы еще дал мне работать на многотысячную аудиторию...

Я всегда мечтал о своем театре — и судьба дважды, счастье несбыточное, подарила мне — вначале «Наш дом», а теперь вот — студию у Никитских ворот. Причем я жил с этой мечтой один на один — союзников практически у меня не было. Сегодняшняя критика, к сожалению, глуховата к этапности процесса, который называется строительством театра. Тот или иной спек-

такль оценивается без видения, осознания, что у театра есть своя линия, у режиссера — своя стратегия, может быть, неровная, ошибочная; наверняка я в чем-то оступался, я ведь не говорю, что во всем прав и всегда хорош... Но вот же произошло — мы сидим в комнате, где буквально только что ничего не было! Был рассыпающийся старый дом, ямы с грязной водой — и вот, смотрите, сцена, зрители сидят... Сегодня у меня прекрасная труппа, чьими усилиями дело моей жизни приобретает неимоверный для меня масштаб...

Как же мне не работать сегодня?!

— Марк Григорьевич, последняя премьера ваша — «Говорит Москва, или День Открытых убийств» по произведениям Юлиа Даниэля. Как и почему возникла эта идея?

— Вот говорят, что сегодня театр в глубоком кризисе. Я считаю, это самое счастливое время для нашего театра. Мы, долгое время сидевшие в полусогнутом состоянии, должны наконец распрямиться и сказать все, что не смогли, не успели вовремя сказать. Лучше — поздно. Правда, многие считают, что шестидесятники — в принципе «люди, которые

опоздали». Я не делю себя на «себя 60-х», «себя 70-х», «себя 80-х». Во все времена нужно делать свое дело по максимуму. Когда я прошлым летом заново прочитал прозу Юлиа Даниэля, уже официально у нас изданную, то просто ахнул. Я увидел необычайно светлого, может быть, даже слишком наивного человека, и, что самое главное, — горячего патриота. Это меня заставило заново пережить его драму. Я будто кожей почувствовал, что творилось в его прекрасной душе, когда он подвергался гадкому унижению и оскорблению.

Второе потрясение от чтения — пророческая суть этих произведений. Тогда, в начале 60-х годов, мы не могли поверить в распад Союза, в межнациональные вооруженные

Марк РОЗОВСКИЙ

ПОЧЕМУ Я

конфликты. А то, что сегодня происходит, — реализация их главного принципа: «Разделяй и властвуй». «Они должны были легализовать убийства», — говорит один из героев спектакля. С самого начала режим к этому шел. Это была его идея фикс. В последнем слове на суде Юлиа Даниэль сказал, что повесть «Говорит Москва» побудило его написать ощущение реальной угрозы возрождения культуры личности... Через 25 лет после суда я понял, что должен делать спектакль немедленно.

Когда-то Антон Павлович призывал буквально «по капле выдавливать из себя раба». Тиранство сталинской эпохи так же, «по капле», стремилось в каждом этого раба наращивать.

Надо было иметь сверхмужество, чтобы перед сталинщиной выстоять, сталинщину попрасть.

И примеры тому весьма многочисленны. Впрочем, дело вовсе не в числе — ибо сопротивление насилью шло не на идеологизированных полях, а в сердцах и душах. И тут немощность тиранства проявлялась хотя бы в форме анекдотов о Сталине, так и не прекратившихся в самые жуткие моменты общественного паралича. Во дворах и комму-

нальных кухнях шла своя, никем не регламентируемая жизнь так называемых простых людей, которые при образе мыслей достаточно ограниченном могли удивить кротостью и добротой самого Достоевского. Тут, в самом низу, «милость к падшим» была не вычитанным у Пушкина императивом, а естественной потребностью бытия.

Из тех времен вспоминается мне очень часто пожилой человек в пенсне, гонявший профессионально голубей, игравший мастерски в шахматы, даже умевший демонстрировать на домашнем уровне гипноз — **з а ч е м?** Теперь только понимаю, что это была с его стороны рассчитанная до мелочей борьба за выживание — не поддаюсь вашему давлению, не буду играть в ваши игры,

покласть, а с другой — и анекдоты про Усатого слагал, и про Лубянку все понимал.

Поистине, человек свободен только тогда, когда сам делает себя свободным.

Эти мысли сверхактуальны для сегодняшней ситуации.

— Ваш спектакль возвращает нас к той мысли, которая прозвучала на самой заре перестройки, — о покаянии. «Искушение» — это, по существу, и есть «покаяние». Что встало на пути общего нашего искупления? Что ему мешает?

— Я, к несчастью, должен был еще в самом начале перестройки доказывать своим товарищам, оказавшимся в изгнании и пребывавшим

и ногам стреножен! И государство, вместо того чтобы облегчить муки труженника, кормильца, делает все, чтобы отнять у него последнее. Ведь все наши налоги выполняют только конфискующие и никак не стимулирующие функции. Да никогда не будет проблем с тем, как накормить народ, если он будет владеть землей, фабриками, лесами... Мы же себя прокормили, мы, студия у Никитских ворот, потому что нам дали! Вот же пример, вот. Придите и посмотрите, зайдите в бухгалтерию. Вот же — получилось! Ну получилось же!!!

Так дайте и всем остальным такую же возможность...

— Но, кроме того, о чем вы сказали, остается и покаяние личное. Личная вина.

— Тема личной вины возникает неизбежно, психологически обоснованно при любой попытке постижения того, что мы называем последствиями культа личности, последствиями Октябрьской революции, просто действиями коммунистической идеи в России. Происходит восхождение обыкновенного человека на Голгофу при постижении себя и выражение человека в поступке.

В герое Даниэля я вижу немножко и самого себя: мы были тогда бесконечно верящими в «социализм с человеческим лицом». В 60-е годы мы ведь не выступали впрямую против коммунистической системы, мы делились на «левых» и «правых». Одни — за «социализм с человеческим лицом», другие — за тоталитарный, то есть истинный социализм, который мы и строили. Потом, когда нас потрянуло, — следующим после процесса над Синявским и Даниэлем потрясением был ввод войск в Чехословакию — вот уж тогда иллюзии решительно отпали...

— Вы, кажется, были в числе «подписантов»?

— Нет. Не был. Это словечко после того процесса, кстати, и появилось. Оно предвещало еще не ставшее привычным слово «диссидент». «Подписант» — ироничное прозвище человека, поставившего свою подпись под коллективным письмом в защиту Синявского и Даниэля. Началась настоящая кампания по стране. Интеллигенция поняла, что речь идет не только о судьбе Синявского и Даниэля. Надо было как-то

НЕ БОЮСЬ

буду играть только в свои...

Не случайно родился злоехидный афоризм: «Зачем человеку свобода слова, если у него есть свобода мысли?», сразу побратавшийся с крылатым тютчевским: «Молчи, скрывайся и тай». Свобода СОКРОВЕННАЯ, оказалось, действует одинаково надежно и на территории лагеря, и за ее пределами, за ключей проволокой и вышками, — у человека, живущего в условиях тотальной несвободы, выработался своеобразный инстинкт самосохранения через тишайшее поведение, через сознательное НЕУЧАСТИЕ ВО ЗЛЕ. Творимый разбой упирался в терпимость, и последняя легко побеждала, ибо была необоримой.

Моя бабушка умела переходить улицу только в местах, обозначенных сигналом «Переход», хотя ей, хромой, это давалось не просто. Но мудрость ее состояла в том, чтобы не иметь дело с милиционером в принципе — не потому вовсе, что она кого-то там боялась, а потому, что иметь дело «с ними» не желала напрочь. Такого рода «диссидентство в быту», можно сказать, оказалось присуще и народу в целом — с одной стороны, за Родину, за Сталина, он был готов голову в бою

в эйфории от Горбачева, что эта партия так просто не уйдет. Честь им и хвала, моим товарищам, но они в какой-то момент потеряли голову, все позабыли, что было. А простить и забыть — вещи разные. Я до сих пор помню, кто такой Ягодкин. Или кто такой Толстиков. Не говорю уж о Романове или Гришине...

Поэтому наша задача — всех, кто ничего не забыл, — создать такую систему координат в жизни, при которой сама коммунистическая идея была бы разоружена. Не сбор компромата на того или иного коммуниста, и уж тем более не реанимация так называемых «честных коммунистов». А сама коммунистическая идея должна быть заклеена как б е с о в с к а я идея — что видел еще Достоевский. И тогда будет очень легко принять закон о собственности. Ведь эти два момента в роковой узел стянуты.

Послушайте, что они говорят: «Надо накормить народ!» Да почему его надо кормить?! Сама по себе постановка вопроса идиотическая: надо, видите ли, накормить народ! И кто это, подумайте, заявляет! Наш народ сам себя прокормит и вас всех заодно — только дайте ему такую возможность. Ведь он по рукам

протестовать. Люди, после XX съезда поверившие в то, что начался процесс раскрепощения общественного сознания, честные люди, начали подписывать эти письма. Этого сталинская система, поменявшая вывеску, допустить не могла, и на бедных «подписантов» обрушились грозные кары...

— А почему вы не оказались в их числе?

— Я руководил театром. Мне не надо было ничего подписывать — каждый спектакль являлся выражением моей позиции. Многие будущие диссиденты приходили в студию «Наш дом». Моей главной целью было сохранить театр. Я не отмалчивался, не прятался — я вслух, публично, выражал себя со сцены. И считаю, что поступал тогда правильно — ведь целиком и полностью был на стороне тех людей, которые выражали свою позицию в письмах. Эта кампания «подписантства», между прочим, очень многих разломала. После исключения из партии, после увольнения с работы далеко не всегда человек оставался человеком — его действительно это ломало. И случалось так, что он становился на следующем этапе своей жизни приспособленцем, струсившим винтом системы. А потом, в этом акте коллективного письма для меня было что-то такое... Ну нельзя протестовать против них их же способами, на их же языке! Письмо-то коллективное, а давили — поодиночке...

В своей жизни я, впрочем, однажды все же участвовал в коллективной акции — это был альманах «Метрополь», где все мы действительно были вместе, все друг за друга держались. И вот тогда я острее всего почувствовал, как система умеет всех сначала разъединять и потом по одному душить. И выкрутиться чрезвычайно сложно. Мне, например, пришлось писать какую-то витиеватую записку, где я говорил, что мое участие в «Метрополе» имело целью содействовать поиску и эксперименту в советском театре...

— А это вы для кого писали?

— Это я писал Феликсу Феодосьевичу Кузнецову, главе московских писателей, который, несомненно, через минуту передал текст в КГБ. Знаете, сегодня стало общим местом иронизировать над «шестидесятниками», и я сам вижу себя четверть века назад смешным, так что дело не в том, что я хочу честь мундира поколения сберечь... Но мне

кажется, что именно благодаря тем слабостям, которые мы обнаружили в свое время, невозможно что-то понять про сегодняшнее время. Жизнь сложна и прекрасна именно своими переплетениями, недосказанностью и даже какой-то неуверенностью в завтрашнем дне... Ну а почему мы должны быть во всем уверены, почему мы должны сразу все получить? Кто это нам обещал? Мне — не обещали.

И если возвратиться к тому, что происходит сегодня, честное слово: я другого и не ожидал! Вот поверьте! То, что будет с Горбачевым, я знал три года тому назад. Извините, пожалуйста, за сравнение, но я сейчас говорю о схеме, только о схеме, — у меня на глазах были все те же самые ситуации, которые развиваются сегодня в политике, но только на совершенно другом поле. В моей студии. Ведь студия — это малосенская модель общества. Жить постудийному, причем с самого начала проследившая то, что мы пережили, — это в общем-то пережить все этапы перестройки. Были свои периоды выжидания и, напротив, каких-то резких прорывов, вдруг пришли рыночные отношения, были у нас свои демократы и свои консерваторы, были свои чрезвычайные съезды — короче, весь расклад большой политической жизни для меня ясен, понятен, близок. Он мне знаком. Я все это уже пережил. И потому не боюсь...

То, что я говорю, не более чем шутка. Но я серьезно — надо понимать, что, кроме капризов сиюминутных, есть какая-то воля судьбы, какая-то логика жизни в целом. И не нервничать...

— Я — фаталист, следственно?

— Потери сделали меня фаталистом. Я в общем-то всегда старался сам руководить своей судьбой, не плыть по течению, но решать проблемы так, как я хочу, и всех ставить перед фактом своего решения. А уж потом поглядим... Но сегодня, получив главное дело своей жизни, я вовсе не так непримирим. Наоборот... Я непримирим, может быть, во всем, что касается интересов театра, но в отношении себя лично я давным-давно смирил свою гордыню и считаю, что только это мне и позволило выжить, то есть почувствовать меру, удел, и не из скромности не лезть на рожон, а из понятой своей жизненной задачи. А иначе — начинаешь жить мнимостями. Это я давн себе запретил. В этом смысле я

подготовлен к любым биографическим поворотам и исходам. Я сейчас не красуюсь перед вами, поверьте. Честное слово, меня уже ничто не удивит: ни стук в дверь, ни обыск, если хотите, ни то, что будет или не будет дальше со мной.

Быть может, это просто пример отца, отсидевшего 18 лет; а может, память о матери, которая ждала его все эти годы и любила его одного, беспримерно — сегодня бы я так сказал... Их, к сожалению, нет уже в живых, но они мне дают очень большую волю к жизни. И мы, мне кажется, должны точно так же быть готовыми ко всему — это, конечно, не значит, что мы должны культивировать свои собственные несчастья, но надо жить мудрее и добрее. Жизнь изначально требует внутренних усилий, и нужно стараться быть бдительными по части самоусовершенствования...

Повезло мне со школьных лет с друзьями — каждый из нас, такая нам досталась жизнь, мог бы треснуть; но мои друзья всегда помогали мне своим присутствием... Увы, они тоже стали уходить — вот совсем недавно, может быть, лучший из них, Алик Аксельрод, который мне в какие-то минуты был просто вместо отца, настолько с корнями человек был, профессионально и этически безукоризненный... Погибла жена, молодая, прекрасная... тоже был такой момент, который заставил собраться...

— Значит, все-таки — личный сюжет?

— Как у каждого из нас. Ни больше ни меньше...

— Вам не хочется сегодня вновь поставить что-то из старых работ — например, «Холстомера»?

— А я его и поставил прошлым летом в Польше. Мне предлагали переписать пьесу, сочинить новые интермедии с политическими намеками... Я не стал ничего переписывать — Толстой все нам про нас сказал, раз и навсегда. И спектакль, мне кажется, очень свежий и острый.

— А что бы вы делали в День Открытых убийств?

— Я бы утром пошел на репетицию — делать свой очередной спектакль.

Вопросы задавали
Ирина СИМАКОВСКАЯ
и обозреватель «Столицы»
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Записала Елена КОМАРОВА

Игорь ГАРИН, профессор

УТОПИИ ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ

Утопия — проклятье нашего времени.

И.Берд

В «Истории одного города» Салтыков-Щедрин писал: «В то время еще не было достоверно известно ни о коммунистах, ни о социалистах, ни о так называемых нивелляторах вообще. Тем не менее нивелляторство существовало, и притом в самых обширных размерах. Были нивелляторы «хождения в струне», нивелляторы «бараньего рога», нивелляторы «сежвых рукавиц» и проч. и проч... Сами нивелляторы отнюдь не подозревали, что они — нивелляторы, а называли себя добрыми и благопечетельными устроителями, радеющими о счастье...»

Одно из отличий культуры от обскурантизма — уважительное отношение к истории. Хотя и говорят, что единственный вывод из истории состоит в том, что из нее не делают выводов, на самом деле это относится лишь к невежеству, тогда как первый признак культуры — преемственность, традиционность, способность к развитию.

Нормальное общество не рождается из маниловщины, оно возникает из определенного исторического процесса и наличных человеческих качеств. Оно не способно измениться, если изменения не подготовлены экономически, культурно, психологически. Будущее происходит из прошлого и подготавливается им. Бросок в грядущее невозможен, он равноценен прыжку в пропасть.

В антиутопии В.Войновича герой приходит к выводу, что для того, чтобы разрушить коммунизм, его надо построить: ничто столь не губительно для утопических идей, как их реализация. Это верно, но, знай мы историю утопии, и строить бы не пришлось — сама история коммунизма достаточно поучительна для того, чтобы вообще не приступать к стройке.

Утопия изначально отмежевывается от реальной истории и от реального человека. Ее можно так и определить — это то, что не выходит из культуры и человеческой природы, а навязывается жизни извне, культуре и человеческой природе вопреки. Утопия — это антикультура, насилие над природой, отрицание созданных культурой институтов: человеческих прав и свобод, разделения власти и труда, собственности, семьи, самой культуры...

Нигилизм и нетерпение — свойства утопического сознания, и если у мудрецов невозможность скорого изменения мира рождала боль, страдания, экзистенциальные чувства, муки творчества, то сознание утопическое оказывалось глухо к имманентному абсурду бытия... Чем несостоятельнее оказывались кабинетные прожекты, тем оголтее становилась их защита. То, что у Чаадаевых, Гоголей и Достоевских рождало идею «начни с себя», то вело Чернышевских и нечаевых к всеотрицанию и террору. Тот же Чернышевский без обиняков писал о себе: «Литературного таланта у меня нет. Я пишу плохо. Длинно; часто безжизненно. Мое единственное достоинство, — но важное, важнее всякого мастерства писать, — состоит в том, что я *правильнее других понимаю вещи*». Запомните это

важное для утопистов свойство — узурпацию права на «правильное понимание».

Еще Монтень говорил, что именно недалекие люди склонны считать свою убогую правду — наилучшей и что они ничему не верят так твердо, как тому, о чем они меньше всего знают, и никто не выступает с такой самоуверенностью, как сочинители всяких басен. А еще он писал, что «создавать утопию способны лишь слепцы, не видящие, какими неразрывными узами связаны справедливость и насилие, мир и война, всеобщее братство и ненависть». Да, утопия — это разновидность слепоты. Она в упор не видит теневых сторон жизни и человека, а если и видит, то приписывает это не самой жизни и человеку, а каким-то непоименованным потусторонним силам. Сколь ни совершенной будет грядущая жизнь, она не может лишить человека человечности, то есть мук духа, сознания своей бренности, а если сможет, то это будет робот, а не человек. Более того, несовершенство человека необходимо для его совершенствования, оно созидательно, как боль, предупреждающая об опасности. Кто удалил бы из человека зародыши его низменных качеств, тот уничтожил бы основания, на которых зиждется жизнь, предостерегал хорошо знающий историю Монтень.

История утопии своими корнями уходит в седую древность — в ликурговскую Спарту, в открытый тоталитаризм платонова «Государства», в теорию равной для всех бедности... Большинство принципов спартанства, изложенных Платоном, направлено на педантичную регламентацию жизни, на лишение человека личностных начал, на откровенную апологию силы.

Между прочим, сама древность дала оценку практике Спарты и теории «Государства» и «Политики». Для государства необходимо не единство как таковое, а единство в многообразии, писал Аристотель. У Платона благо целого не предполагает блага частей: скорее наоборот, благо государства зиждется на лишении счастья воинов, а если воины лишены счастья, то кто же будет счастлив? Отмена собственности ничего не даст, продолжает Стагирит, *«ибо общее дело все сваливают друг на друга и об общем для всех каждый заботится очень мало. К тому же одна мысль о собственности доставляет несказанное удовольствие»*. *«Хорошо, конечно, строить планы по своему желанию, но не должно мыслить ни о чем невозможном»*, — выносит приговор Аристотель.

Мы много слышали о Спарте, где не существовало обучения наукам, но зато детей воспитывали в презрении к боли, желаниям, личностному началу. «Они должны были, как пчелы, жить всегда вместе, собираться вокруг своего главы», — писал Плутарх, но знаем ли мы, чем кончилась Спарта?

Геродот свидетельствует, что в железной Лаконии ни один гражданин не мог устоять перед взяткой. Более того

— здесь одобряли умение воровать. Ликург считал, что для того, чтобы украсть, нужно проявить смелливость, проворство, смелость и ловкость. Геродот свидетельствует, что волна патриотизма не помешала подкупу Павсания Ксерксом. Он свидетельствует, что спартанки были вовсе не целомудренны — «зад напоказ» — и что всякий раз, когда речь заходила о наследнике, возникали сомнения в отцовстве. Гиппий свидетельствует, что там жили совершенно темные люди, не имеющие понятия об арифметике, ничего не смыслящие в грамматике и интересующиеся только последовательностью своих царей. Стагирит свидетельствует, что спартанцы были корыстны и это вело к крайне неравномерному распределению собственности, что эфоры были своевольны, а народ бесправен. Строгость законов невыносима, записывает Аристотель. Историки свидетельствуют, что политика Спарты всегда была мелочной, амбициозной и провинциальной. Спартанцы убивали слабых и стариков, но улучшили ли они человеческую породу? Во всяком случае, у них не было ни одного сколь-нибудь выдающегося мыслителя или поэта. Даже обряды их были лицемерны. Когда умирал царь, они собирались толпами, прилюдно раздирая себе в знак скорби лицо и громко стая. Они возглашали, что покойный был лучшим из них, а на следующий день проклинали его имя.

Все, кто изучал историю коммунизма не по трудам отцов-основателей, а по книгам историков утопизма, знают, что Маркс еще не родился, а люди уже множество раз пытались реализовать коммунистические идеи на земле, и что все эти попытки — абсолютно все, от первой до последней — претерпели сокрушительный крах.

Разлады коммунаров нередко начинались уже по пути в Америку, на кораблях, перевозивших инсургентов в «светлое будущее». У доехавших до места назначения сдержанность временно позволяла только сила. Большинство «ячеек будущего» не выдержало даже годичных испытаний, немногие оставшиеся, дополнительно скрепленные религией, смогли удержаться в течение двух-трех лет. Лишь «государство коммунистов», основанное иезуитами в Парагвае, из-за абсолютной заботы его граждан, просуществовало довольно долго. Но после изгнания иезуитов его граждане бежали из своих «коммун» с такой скоростью, с какой мало кто бежит от огня.

Практика всех этих колоний, заключает крупнейший историк утопии Свентоховский, показала не только неосуществимость их в ближайшем будущем, но и некоторые не предусмотренные теорией черты, источник которых в самой природе человека и которые, вероятно, проявятся во все времена.

Что же это за черты? Эти черты — чудовищная тяга «ослаблявателей человечества» к однообразию и стандарту, «приятному во всех отношениях» (Морелли), ужасающая мелочность («все болтают о будущем социальном устройстве, обсуждая его кухонные подробности» — Достоевский), общность кудосочных чувств и мыслей, убогий и унылый досуг, казарменное равенство, тотальная обязательность, нетерпимость, фанатизм, непоколебимость, античеловечность.

Да, все утопии античеловечны: они лишают человека личностного начала, превращают его в пчелу или муравья, требуют самоотречения, отказа от собственного «я», ликвидируют человеческую свободу, обращают человека в жвачную скотину, вводят общий для всех ранжир и совершенно параноидальную регламентацию. Общественные законы утопии неотличимы от законов механики, а человеческие страсти отцы-основатели конструируют

в полном соответствии с теорией механизмов и машин. Утопия античеловечна, ибо лишает жизнь плодотворного страдательного начала — страсти, животворящей боли, страха, эгоизма, иррациональной любви. В раю вряд ли может возникнуть человеческий гений — в нем нет почвы для культуры. Как писал Бунин, всех загнать в Фиваиду — значит оскотинить и обесцветить жизнь. «Может быть, когда-нибудь человек и научится извлекать высокую поэзию из благополучия, счастья, ровного течения налаженной жизни, но пока это не удалось никому».

Утопия по природе своей скудоумна, бездарна, вульгарна. Артистизм, творческий профессионализм ей чужд (он сознательно исключен из утопии, ибо недоступен для всех). Досуг утопийцев ужасаете скучен, духовная жизнь так же бедна и однообразна, как и их труд. Смеха в утопии нет. Прудон так и пишет: «общество может обойтись без прозы и без стихов, без музыки и живописи, без знакомства с движением луны и полярной звезды». Тяга к уничтожению культуры зиждется на антикультурном происхождении утопии, на противодуховности, на конформизме и общедоступности. Утопия убога, примитивна, высокопарна. По словам Г.Плеханова, все ее творцы — мужики небольшого прилежания, но — увы! — очень малого дарования. Показатель примитивного мышления утопистов — однообразность всех «Хрустальных дворцов». Все утопии — на одно лицо: общины Годвина, параллелограммы Оуэна, фаланги Фурье, приходы Спенса, диггеры Уинстэвля — это казармы и плацы. Здесь даже не доведенная до абсурда сверхрационализация, а жесточайший диктат отцов-основателей.

Большинство утопий по природе своей антилиберальны, антидемократичны, антигуманны, внутренне тоталитарны. Они исходят не из заботы о человеке, а из государственного интереса. Прежде всего утописты заботятся об устройстве государства и его благе. Утопии содержат в себе такие элементы тоталитаризма, как милитаризм, централизм, изоляционизм, автаркия. Большинство отцов-основателей считали, что потребности человека не были бы столь разнообразны, если бы государства не имели сношений друг с другом. Контакты порождают также нездоровую зависть, сомнения в правильности предпринятого пути подрывают авторитет власти. Поэтому связи с внешним миром лучше ликвидировать. Это ограничивает потребности, оздоравливает нравы, очищает сознание, укрепляет патриотизм. Утописты не любят войны, пишет Мор, но военные машины изобретают очень искусно. Здесь царит равенство, но только князь избирается пожизненно. Местами Мор потрясающе проникновенен, даже в деталях: «Когда настанет день уборки урожая, то филархи земледельцев сообщают городским властям, какое количество граждан надо им прислать; так как эта толпа работников является вовремя, то они почти в один ясный день справляются со всей уборкой».

Здесь все для народа, иронизировал К.Каутский, но ничего, что бы народ сделал сам. Утопия пригодна для многих целей, добавлял Эллиль, но она не пригодна только для одного — чтобы жить в ней.

Многие утопии просто реакционны. Фурье осуждал прогресс. Оуэн главным источником общественного зла видел промышленный переворот, Руссо прямо призывал: «назад к природе!», большинство утопистов отрицало книги: «книги имеют сравнительно мало значения в силу коренных заблуждений, разделяемых всеми»... Как показал Манюэль, многие идеи фашизма прямо заимствованы у Фурье, Сен-Симона, Кабе. «Путешествие в Икарию» вполне могло бы быть написано доктором Геббельсом.

Культивирование человеческой породы, строжайшая цензура, полное отсутствие свободы...

Утопия — апология бедности, аскетизма, пауперизма. Потребности безграничны, потребление ограничено, — поучает Прудон. Бедности не следует бояться, бедность — благо: «Не годится человеку наслаждаться довольством, — напротив, нужно, чтобы он всегда чувствовал жало нужды. Важно, чтобы человек мог стать выше нужды и даже, так сказать, обойтись без необходимого...»

Главный принцип утопии — «легко и быстро», рай — немедленно, равенство — тотчас. Мор, Бэкон, Кампанелла, все их последователи, деятели Просвещения верили в легкость преобразования мира и мгновенное торжество разума. «Мир располагает теперь достаточными средствами, дабы пресечь этот поток безумия» — писал Оуэн, а В. Ленин добавлял: «Мы хотим строить новый мир немедленно из того материала, который нам оставил старый со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасенкой». Ну и каков итог этого «хотения»?

Сегодняшний итог всем известен, но, оказывается, он всегда и везде был таким: и в Спарте, и у киников, и во всех когда-либо существовавших коммунах, и в судьбах самих утопистов. Чем кончил Кампанелла в своем «городе Солнца»? Сегодня мы знаем, отвечает Тендряков, его хватают, сажают в темницу, мучают, пытаются, он признает себя врагом народа и тем самым подписывает себе смертный приговор. Его распинают в назидание потомкам... И Мор тоже кончил жизнь на плахе. Чем кончились призывы к имущественному равенству, хорошо известно — ставшей революционной конституции: «право собственности ненаруσιμο и священно».

Исследователи давно обратили внимание на то обстоятельство, что именно с того момента, когда утописты и просветители объявили человека благим по своей природе, все чаще возникали условия самые нечеловеческие, самые унижительные для человеческого достоинства, самые опасные для самой жизни человека — до печей крематория и могил ГУЛАГа включительно.

Личности утопистов еще ждут своих психиатров и психоаналитиков, здесь они найдут уникальное сочетание аскетического рационализма с химерическим мировоззрением, нарциссизма с нигилизмом, мессианства с хиппизмом, мании величия с комплексом неполноценности. Послушать только, как они сами себя именovali: «спасители человечества», «творцы великих дел», «гении агитации», «великие пророки». Многие были накоротке с самим Богом и считали, что Он глаголет их устами. Сен-Симон объявлял сплошным заблуждением всю совокупную человеческую мудрость, самоомнение Фурье просто не имело границ: «Я приношу больше новых наук, чем было найдено рудников золота при открытии Америки».

Имея в виду утопистов, Ломброзо писал: «шизоиды с альтруистическими наклонностями появлялись во все времена», а Дж. Милль добавлял: «Дураки, они не видят, что то, чего они в своем сумасшествии желают, будет таким бедствием для них, которого никто не мог бы им причинить, кроме них самих». В одном из своих писем Милль называет социализм «сумасшедшей чепухой» и предупреждает, что его распространение чревато ниспровержением цивилизованного общества — «хуже, чем губительные нашествия гуннов и татар». Позже Лебон добавит: «Они себя вполне искренне считают друзьями человечества, тогда как на самом деле они всегда оказывались самыми опасными его врагами». Самое примечательное, что все это говорилось 100—150 лет тому назад.

Личности большинства утопистов мало чем отличались от деятелей нынешних «красных бригад» и фюреров всех расцветок. Во всяком случае, гудериановская характеристика Гитлера: «У него сложилось собственное представление о мире. Он приспособлял действительность к этой картине, бывшей плодом его фантазии. Мир должен быть таким, каким он себе его представлял», — относится ко всем создателям утопий без исключения.

Нет, утопия не инфантилизм, а болезнь, или маниакальная страсть «исправления» мира. Параноидальность утопического сознания вытекает из самого определения параноии: «Параноия — стойкое психическое расстройство, проявляющееся систематизированным бредом (без галлюцинаций), который отличается сложностью содержания, последовательностью доказательств и внешним правдоподобием. Все факты, противоречащие бреду, отрицаются; каждый, кто не разделяет убеждения больного, квалифицируется им как враждебная личность. Борьба за утверждение, реализацию бредовых идей непреклонна и активна».

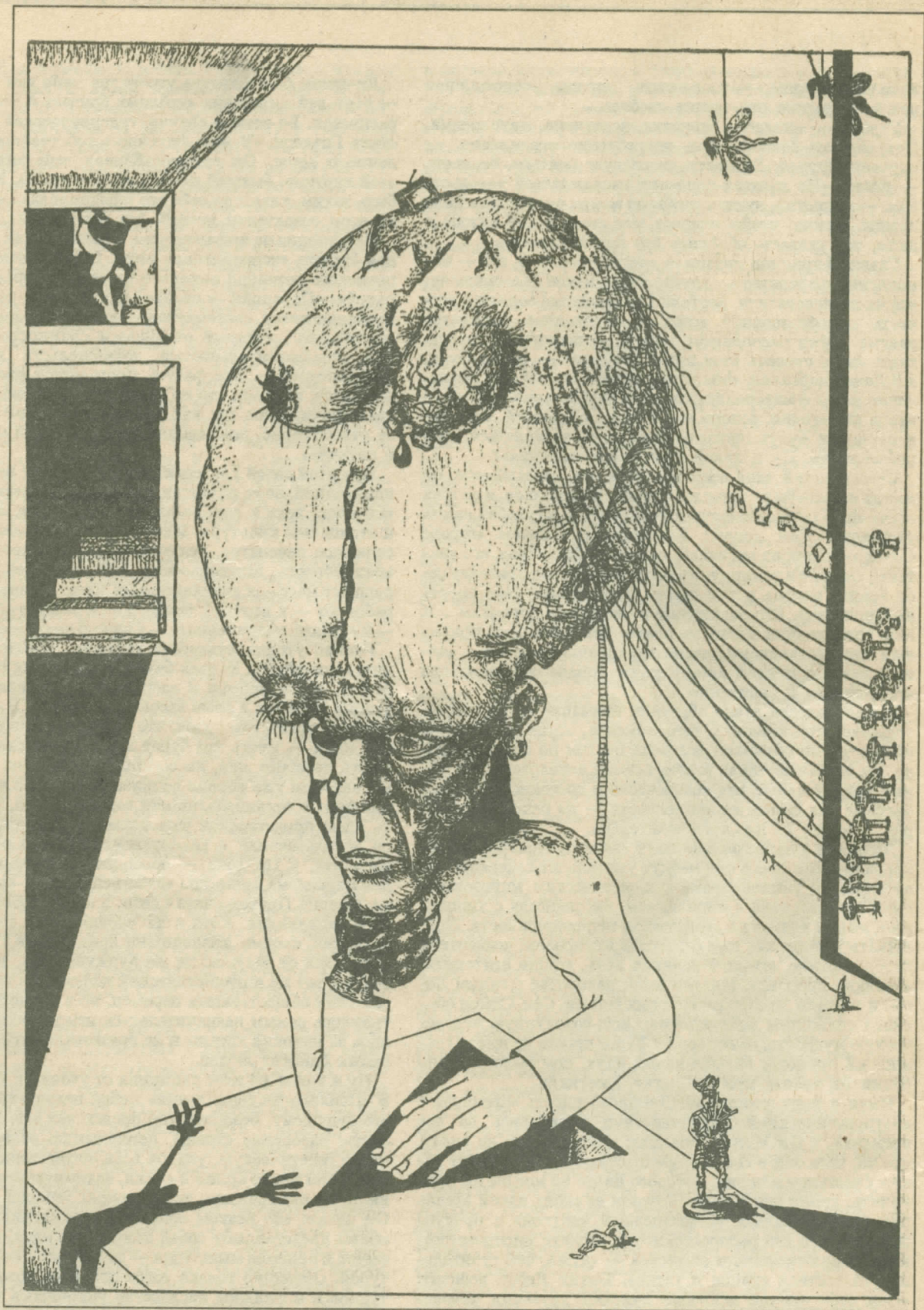
При всей своей консервативности утопия не оставалась неизменной, но ее развитие, как развитие всякой фанатичной идеи, вело к еще большему нигилизму, экстремизму и отрицанию культуры. Идеал первых ликедальцев — абсолютное равенство, психология новых нивелляторов — враждебность, агрессивность, классовая ненависть: трудящихся масс — к интеллигенции, крестьянина — к городу, рабочего — к деревне, бедного — к зажиточному, лентяя — к трудяге, подчиненного — к начальнику, всех — ко всем.

Ранняя утопия отвергла насилие, называла революцию величайшим из всех бичей, но, начиная с затворника Мелье, ярого Бабефа и одержимого заговорами Бланки, утопия перешла в свою бесовскую стадию. В «Манифесте равных» прямо говорится, что равенство заслуживает любой цены — пусть это будет вся человеческая культура. Пусть погибнет мир, но останется равенство... У Бланки мы находим уже вполне ленинский принцип военной дисциплины и организованности заговорщиков, у Вейтлинга — идею пролетарской революции, у Бакунина — мысль об использовании в революции босяцкого и разбойного элемента, у Прудона — обоснования фундаментального для марксизма принципа «собственность — кража». Кстати, именно Прудон считал себя, а не Маркса отцом научного социализма. Хотя в их учениях есть существенные различия, своими жизненными принципами Прудон мало отличался от Маркса: та же буржуазность, та же мессианство, тот же нигилистический пафос. Оба требовали гигантских общественных перемен, но в личной жизни противились самым незначительным изменениям. Оба боролись за высокие идеалы и не брезговали эксплуатировать самых близких людей.

Ну и каков же итог движения от утопии к коммунизму? В «Психологии социализма» Лебон целую главу посвятил его будущему, безошибочно предсказав всю нашу реальность: разорение страны, дегенерацию общества, в том числе генетическую, упадок всех общественных институтов, в том числе армии и сыска, взаимную вражду и ненависть — как граждан, так и разных течений социализма. Он писал: «Во всяком обществе учреждения, верования, нравы представляют собой целую сеть идей, чувств, привычек и приемов мышления — это то, что именуется культурой. Общество только тогда сплочено, когда это культурное и моральное наследие упрочилось в душах. Но оно приходит в упадок, когда эта сеть рвется. Оно обречено на исчезновение, когда эта сеть приходит в полное разрушение».

«Гийцеголовый, или Горе от ума»

Художник А. Заяц

Не по адресу

С удивлением прочли в статье «Скандал в благородном фонде» («Столица», №1, 1991 г.), что некоторые объективные и субъективные грехи Советского Детского фонда «...мелочь по сравнению с другой грандиозной акцией, экспортированной без учета наших реалий. Имеется в виду строительство детских домов семейного типа по австрийской модели». В этой и последующей фразе о том, сколько миллионов должен был бы выплатить бедный советский налогоплательщик на расточительное и никому не нужное, как считает автор, строительство детских городков, все написано ради хлесткости, которая последнее время чаще, чем того хотелось бы, заменяет журналистскую объективность.

Если с самого начала только прозорливым было ясно, что идея строительства наших отечественных детских домов семейного типа — детских городков, отраженная в постановлении Совета Министров СССР 1988 года, — мертворожденное дитя, то сейчас, когда ничего не построено и на дворе 1991 год, это ясно каждому. Следовательно, налогоплательщику на сегодняшний день детские городки разорением не грозят. Его более успешно разорили совсем другим, но это темой нашего письма не является.

Наша так и не претворенная идея детских городков к австрийской модели детских домов — SOS-Киндердорф, проверенной сорока годами и более чем ста странами, отношения не имеет. Мы не будем перечислять, чем австрийская модель детской деревни отличается от модели детского городка Детского фонда и почему одна модель завоевала весь мир, а другая — умерла не родившись. Но даже если бы мы захотели «экспортировать» всю австрийскую идею — это удалось бы лишь при соблюдении всех условий выполнения ее.

Великий педагог и организатор Герман Гмайнер начал не с постановления Совета Министров, а со строительства первого дома. Он начал с собранных у простых австрийцев шиллингов, с горстки соратников, которые так и остались с ним рядом до его смерти. Соблюдение этих условий — сам Гмайнер, до пятидесяти лет не имевший своего угла и живший в детских деревнях.

Ошибка и то, что «единственный городок сегодня возводится только в Армении». Во-первых, не возводится, а уже живет. Во-вторых, в статье имеются в виду деньги нашего налогоплательщика, которого защищает автор. Нам, правда, кажется, что бедный налогоплательщик, если бы его об этом спрашивали, скорее отдал деньги на детский дом, а не на авианосец. А на армянскую SOS-детскую деревню Котайк собрали деньги в Германии (после землетрясения, за неделю). И на эти деньги фонд Германа Гмайнера и общественная благотворительная организация SOS-Киндердорф Интернациональ не только построили в Армении детскую деревню гмайнеровской модели, но и содержат ее на свой счет, детский сад рядом собираются строить.

Нам бы хотелось добавить, что сейчас с неимоверными трудностями, связанными с нашей неповоротливостью и бюрократическими рогами, готовится строительство еще двух детских деревень за счет той же благотворительной организации — под Тбилиси и под Москвой. Опять же не за счет нашего налогоплательщика.

**Елена БРУСКОВА, президент
Московского комитета
SOS-Киндердорф Интернациональ**

**Дмитрий БЕЛОСЕЛЬСКИЙ,
руководитель проекта
SOS-Киндердорф**

Не бомжи, не беженцы, а... литераторы

Кто они, пишущие, не защищенные удостоверением члена Союза писателей СССР? Сколько их? Никто не знает, кто они и какие, но ясно одно — их очень много.

Одни не хотят быть в союзе с одиозными писателями, другие — авторы песен, рок-барды, тележурналисты — не вписываются в жанровый реестр. Но все они дают отчисления в Литфонд СССР, правовой и социальной защитой которого пользуются те самые 10000 членов СП — седьмая часть от всех пишущих и печатающихся в стране.

Идея объединить бесправных ав-

торов родилась еще в начале 20-х годов. В 1921 году Николай Гумилев, председатель Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов, как известно, был расстрелян, несмотря на прошение о помиловании за подписью А.Волынского — председателя Всероссийского союза писателей. И с тех пор след вольных союзов затерялся в истории. Правда, в 30-х годах на свет появилась идея содружества литераторов в образе профессиональных писательских комитетов, которые просуществовали до наших дней. Получая кучные пособия по временной нетрудоспособности и случайные гонорары, члены комитетов никогда не имели своего угла, все какие-то закутки да подвалы.

Наконец, свершилось!

15 января 1987 года Комитет литераторов при Литфонде СССР получил ордер № 045047 на помещение по Дзержинской, 19, для своего клуба.

Там же открылось первое в стране литературное кафе. Все шло замечательно. 14 марта этого года в Министерстве юстиции РСФСР союзу выдается регистрационное удостоверение № 8. Таким образом, родилась вторая творческая российская организация, у СП РСФСР появился серьезный конкурент.

...Дальше в силу вступает наша суверенная действительность. Подкомиссия по учету и распределению нежилой площади Дзержинского райсовета под председательством А.В. Бехова, одновременно являющегося генеральным директором фирмы «Сатурн» и директором ассоциации «Конвент», отказывает Союзу литераторов РСФСР не только в ордере на принадлежащее ему помещение по Дзержинской, 19, но и вообще в размещении новой организации в районе. При этом игнорируется решение четырех депутатских комиссий о предоставлении литераторам этого или подобного помещения. Бехов с единомышленниками властью своей подкомиссии лихо закрывает независимое писательское движение на территории района.

А тем временем на Дзержинской, 19, для неведомо кого завершаются отделочные работы в обстановке строгой секретности. Единственное, что можно с уверенностью сказать, что шикарная реконструкция предназначена отнюдь не для новоиспеченного Союза литераторов России.

М.М.

ДАЙДЖЕСТ

ХАРДИ СПАСАЕТ ЖИЗНЬ

Обычно послушная немецкая овчарка нарушила установленные в доме правила, чтобы спасти жизнь малыша после того, как он перестал дышать во время сна в своей кроватке. Приходящая няня рассказывает: «Я была на кухне, когда совершенно неожиданно Харди начал вести себя как сумасшедший, бегать взад-вперед по холлу и бросаться на дверь спальни». Няня открыла дверь, и Харди сразу бросился к кроватке, где лежал пятимесячный Рой Нельсон. Собака, которой обычно запрещается прыгать на кровати и диваны, знала, что делать, она сразу вскочила на кроватку и стала трясти ее, пока мальчик не начал дышать.

Мама ребенка, Гейл Нельсон, говорит, что она ужасно благодарна Харди, который, по ее мнению, заслуживает медали. Во всяком случае, на следующий день собака лежала на диване, положив голову на подушку, и глядела так, как будто хотела сказать: «Теперь я герой и могу делать все, что захочу».

«ОКЛЕНД СТАР», Новая Зеландия

ЧАСЫ ВНУТРИ НАС

Старение и смерть, согласно последним научным теориям, якобы генетически запрограммированы внутри каждого из нас. Иными словами, в нашем организме имеются «генетические часы», которые начинают идти с момента зачатия и отсчитывают ход самой смерти. По этим часам все люди должны жить до 95—100 лет, сохраняя к концу жизни хорошее здоровье, а потом умирать примерно в одном и том же возрасте, постепенно угасая, как солнечный свет. Старение должно быть процессом физиологическим, а не патологическим, то есть без болезней, без ухудшения состояния здоровья в физическом и психологическом планах. К сожалению, почти всегда дело обстоит не так, и ученые в своих исследованиях пытаются выяснить, какие биологические механизмы, факторы риска,

жизненные привычки приносят людям болезни и тяжелую старость.

Ученые из Чикаго на основании последних исследований утверждают, что, сумев достигнуть 85-летнего возраста, люди умирают затем от дисфункции различных органов. Даже если победить все наиболее распространенные и опасные болезни, такие, как сердечно-сосудистые или рак и диабет, продолжительность жизни все равно не составила бы в среднем более 85 лет. Есть люди, живущие более ста лет, однако это лишь исключения.

Журнал «ФАМИЛИЯ ХРИСТИАНА», Италия

НАДЕЖДА ДЛЯ ОБЛЫСЕВШИХ

Ежегодно мужчины всего мира вкладывают миллионы в спасение своих исчезающих шевелюр. До недавних пор единственным методом, обеспечивающим хотя бы частичный успех, была трансплантация. Также можно было пользоваться дорогими париками и накладками. Сегодня обладатели лысины обрели новую надежду: молодой врач, австралиец китайского происхождения Минч Ли, предлагает совершенно новую методику: древнекитайскую терапию, состоящую из акупунктуры и специальной диеты. Этот метод в течение одного года возвращает не менее чем 90% пациентов их первоначальные шевелюры.

Минч училась в Китае. С методикой выращивания волос она ознакомилась во время своей исследовательской работы по западной и восточной медицине. «Во всем Китае, — говорит она, — имеется всего лишь 200 человек, знающих и успешно использующих эту методику. Для этого необходимо специальное обучение, нужны определенные знания как из западной, так и восточной медицины. В методике нет ничего мистического. Ее основу составляют специальная акупунктура и диета из определенных витаминов, меда и орехов. Нужно только знать ее и уметь применять».

Методика известна уже всей Австралии, а также в Южной Азии. Слышали о ней и в Германии. Страдающим облысением остается только посоветовать отправиться в Австралию. Это будет вам стоить не дороже хорошего парика или накладки. Тем бо-

лее, что вновь выросшие волосы останутся, а парики и накладки необходимо менять каждые два года и платить при этом солидную сумму.

«ТРИБЮНЕ», ФРГ

НА СТРАЖЕ — «ЖАБИЙ» ГЛАЗ

Оказалось, что глаза жабы посылают в мозг своей хозяйки только полезные и важные сигналы, а от остальных ее оберегают. Скажем, пролетает муха на довольно близком расстоянии — жаба мгновенно реагирует, а летит муха на таком удалении, что охотиться за ней бесполезно, — глаза жабы словно бы не видят ее. Если глаза жабы зарегистрируют резкое движение тени, они мгновенно известят об этом хозяйку, и она настроится: уж не хочет ли кто ее поймать? Если же тень ползет медленно, двигаясь вместе с солнцем, то зрительный аппарат не извещает об этом жабу. Словом, не глаза, а разумный страж, не докучающий своему хозяину по пустякам.

Американские инженеры решили использовать этот принцип отбора информации для создания оригинального кибернетического устройства. В этом приборе глаза жабы заменяет экран с 1660 фотоэлементами, который ведет наблюдение за окружающей обстановкой. Экран играет роль переднего слоя сетчатки и передает всю информацию шести одинаковым компьютерным устройствам, которые расположены одно за другим и как бы воспроизводят шесть слоев сетчатки жабьего глаза. Переходя от слоя к слою, информация попутно сортируется на нужную и ненужную. Электронный «глаз жабы» уже работает в паре с аэродромным радаром на одном из американских аэродромов. И если два самолета идут такими курсами, что возможна катастрофа, — прибор немедленно поднимает тревогу. Этот электронный наблюдатель работает несравненно лучше, чем самый внимательный диспетчер, потому что зрительный аппарат человека в отличие от жабьего охватывает сразу всю картину и может потерять важные детали.

«ПАНОРАМА», США

ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

КОНКУРЕНЦИЯ НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

Когда трое вооруженных грабителей в масках ворвались в помещение одного из миланских банков, их встретил оглушительный хохот клиентов и сотрудников банка. Оказалось, что всего лишь за пять минут до их появления банк был уже обчищен другой бандой.

«ДАГБЛАДЕТ», Норвегия

НЕИЗВЕСТНЫЕ СЧАСТЛИВЧИКИ

Выиграть в футбольный тотализатор и не востребовать выигрыш?! Это выглядит невероятным, однако случается в Италии довольно часто.

После футбольного сезона 1988—1989 годов в кассах осталось выигрышей на сумму 11 миллиардов 58 миллионов лир (примерно 10 миллионов долларов), за которыми никто не обратился. И такое происходит каждый год. Причины? Прежде всего, забывчивость. Большинство таких «счастливых» даже не знают, что они выиграли, однако много и тех, кто не может получить выигрыш из-за утери карточки или ее «нетоварного» вида. Невостребованные выигрыши идут на строительство новых спортивных сооружений.

«УНИТА», Италия

САМЫЕ НЕПОПУЛЯРНЫЕ НЕМЦЫ

Лейпциг вычеркнул имя Адольфа Гитлера из списка почетных граждан города. Произошло это через 45 лет после окончания второй мировой войны. Несколько месяцев назад Росток и Хемниц (бывший Карл-Маркс-Штадт), города бывшей ГДР, приняли такое же решение. Муниципальное собрание Лейпцига также решило вычеркнуть из списка имени бывшего президента рейха Пауля фон Гинденбурга, который предоставил пост

канцлера Гитлеру в 1933 году, Вильгельма Фрика, бывшего министра фюрера, и Вальтера Ульбрихта, предшественника Эриха Хонеккера. Что касается В.Ульбрихта, то делегаты все же согласились оставить мемориальную доску на доме в Лейпциге, где он родился.

«КОТИДЬЕН ДЕ ПАРИ», Франция

— АЛЛО, ЭТО ВЫ БЕРЕТЕ МОИ ДЕНЬГИ?

Дэн Куэйл, вице-президент США, вынужден был сменить свой номер телефона. Сделал он это по вине Ральфа Нейдера, адвоката, занимающегося защитой прав потребителей в Америке. Нейдер публично назвал номер телефона вице-президента США, призвав всех звонить ему с целью убедить Куэйла отказать от увеличения его «зарплаты» на 45 тысяч долларов.

«ДОННА МОДЕРНА», Италия

НЕЖНОСТЬ К ПУБЛИЧНОМУ ДОМУ

Мир нью-йоркских проституток скорбит. Ушла на пенсию их верный друг — судья Ширли Левитан. «Я никогда не могла приговорить проститутку к тюремному заключению», — сказала однажды госпожа Левитан. Не могла и не приговаривала. За многие годы в уголовном суде она ни разу не обошлась сурово с теми, кого обвиняли в проституции.

Корреспондент «Нью-Йорк пост» Майкл Перл рассказал недавно о причине, по которой Ширли Левитан всегда щадила проституток.

В годы войны она была радисткой в разведке. Незадолго до высадки союзников в Нормандии Левитан была заброшена во Францию, в тыл врага. На подводной лодке ее доставили к французскому берегу с предписанием добраться до Парижа и передать оттуда сведения о немцах. В Париже Ширли облюбовала безопасное, как она считала, место — здание, несколько этажей которого занимал публичный дом. Его постоянными клиентами были немецкие офицеры. Кто-то из них заметил симпатич-

ную Ширли, но обслуживавшие немцев проститутки всякий раз укрывали ее. Ширли не сомневалась, что некоторые из них догадывались, чем она занимается. Много лет спустя, став судьей, бывшая разведчица решила никогда не отправлять проституток за решетку.

«НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО», США

О, СПАСИ АЛЛАХ!

Полигамия существует испокон веков. У царя древней Иудеи Соломона, к примеру, была тысяча жен.

В наше время полигамия официально признана в большинстве мусульманских стран. Ислам разрешает каждому мужчине иметь до 4 жен при условии, если все они будут находиться в равноправном положении.

Но и женщины не бездействуют. Во время второй мировой войны некоторые американки заключали по несколько браков с военнослужащими ради получения соответствующих льгот. 27-летняя Вильма Саберди из штата Техас, представшая в 1944 году перед судом по обвинению в многожестве, располагала к тому времени восемью брачными свидетельствами.

В 1948 году один из племенных вождей в Британском Камеруне Биком имел 110 жен, из которых 44 достались ему по наследству от предшественников.

В 1949 году в Израиле был принят закон, запрещающий полигамию, однако 5 процентов взрослого населения страны продолжало ее практиковать.

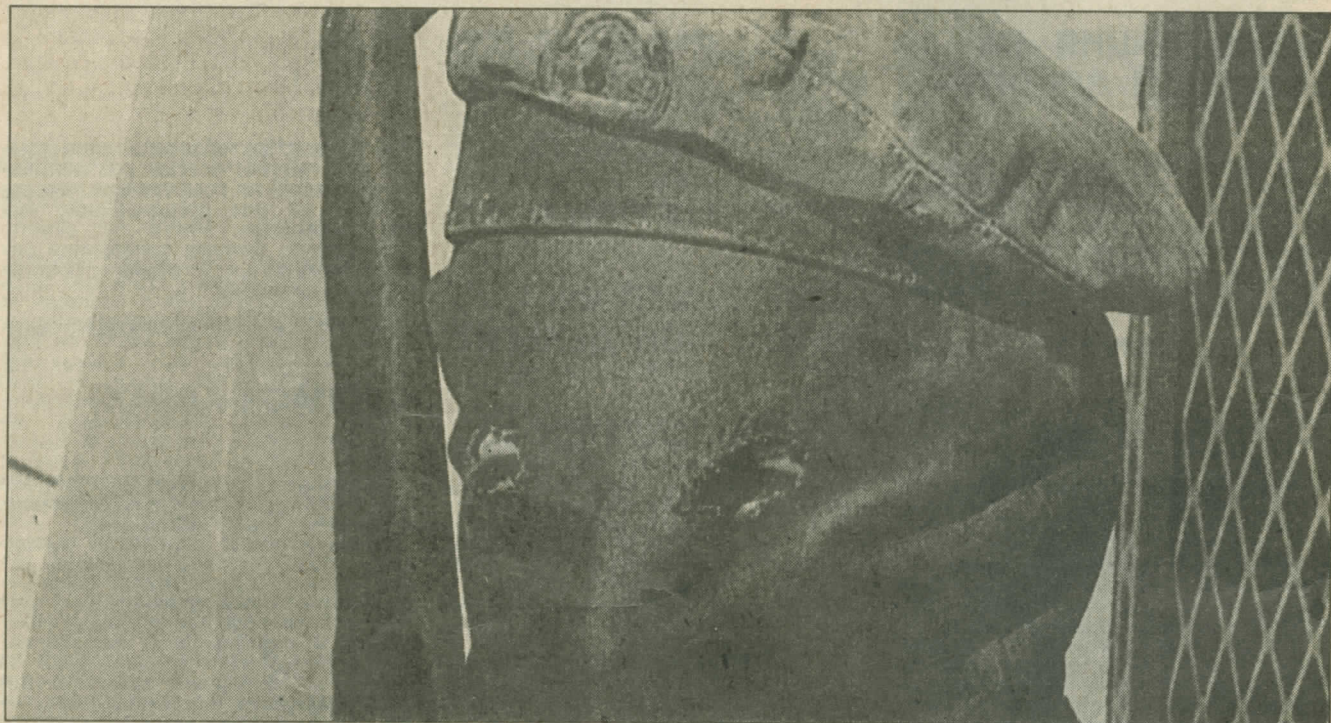
В 1959 году в Сингапуре, где в тот период отмечался самый высокий уровень полигамии в мире, возникла женская террористическая группа под названием «Красные бабочки», совершавшая нападения на многоженцев.

В 1968 году 105-летний Нджири, вождь одного из племен в Кении, имел 34 жены и 111 детей. В интервью, данном радиостанции Би-би-си, он высказал уверенность в том, что полигамия в недалеком будущем отомрет естественным путем, поскольку «одному мужчине становится все труднее прокормить несколько жен».

«НАША СТРАНА», Израиль

ТЕРРОРИЗМ С КРАСНЫМ ДИПЛОМОМ

(Отрывки из стенограммы несостоявшегося процесса)

Втянутый в лабиринты кувейтского кризиса, мир вновь содрогнулся перед угрозой палестинского терроризма, лидеры которого обещали перенести военные действия в города Европы и Америки. Содрогнулся и припомнил, что вся эта опасная публика вооружалась и обучалась — да, именно той державой, что снабдила бесноватого Садама орудиями агрессии...

«Процесса», версия которого предложена ниже, никогда не бы-

ло, хотя в международной обстановке, сложившейся в начале — середине 80-х, нечто подобное вполне могло стать реальностью. Международный терроризм, в том числе палестинский, и его связи с Советским Союзом оказались в это время одной из болевых точек международной жизни. Информация о террористах и их организациях заполнила страницы еженедельников и солидных академических монографий, государст-

венные деятели произносили обличительные речи...

В том, что вы прочтете ниже, вымыслен лишь сам факт «процесса». Другие факты в разное время публиковались, фигурировали в официальных заявлениях. Имена, названные в тексте, принадлежат реальным людям, их слова соответствуют их реальным высказываниям. Итак, представим себе первую половину 80-х годов, зал судебных заседаний.

...Председательствующий: Слово предоставляется представителю Обвинения.

Представитель Обвинения:

...Ахмед Джибриль, он же Абу Джихад, бывший капитан вооруженных сил Сирии, обвиняется в террористической деятельности как лидер просирийской военизированной группировки Народный фронт освобождения Палестины — Верховное командование (НФОП—ВК), отколовшейся в 1968 г. от возглавляемого Жоржем Хабашем Народного фронта освобождения Палестины (НФОП). Установлены факты организации и осуществления НФОП—ВК по крайней мере следующих террористических акций:

1970 г. — взрыв на борту следовавшего в Тель-Авив самолета швейцарской авиакомпании (47 погибших); 1971 г. — попытка взрыва самолета компании «Эль Аль», рейс Лондон — Тель-Авив; 1972 г. — аналогичная попытка в отношении самолета этой компании, рейс Рим — Тель-Авив; 1974 г. — убийство 16 мирных жителей на территории Израиля; 1974 г. — убийство трех человек в кибуце «Шамир»; 1980 г. — попытка организации нападения на сотрудников авиакомпании «Эль Аль» в Копенгагене...

...Обвинение считает необходимым вынести частное определение в отношении государственных организаций Советского Союза, систематически, непосредственно и

через посредников снабжавших НФОП, НФОП—ВК и ряд других военизированных палестинских групп оружием, информацией и предоставлявших им услуги по террористической подготовке в тренировочных лагерях на территории СССР, стран Восточной Европы, Сирии, Ливии, Южного Йемена и других государств. Тысячи арабских террористов были обучены примерно в 50 военных лагерях на территории стран просоветского блока; 40 из этих лагерей размещены непосредственно в СССР...

Выкрики из зала: Это провокация!.. Доказательства! У вас нет доказательств!..

Андрей Громыко: «В политике США имеет место культ терроризма, во всех его видах». 1984 г.

Председательствующий призывает к спокойствию.

Представитель Обвинения продолжает чтение:

...Факты получения оружия — автоматов, ручных гранат, взрывчатых материалов, факты обучения боевиков в СССР и других социалистических странах признаны самими палестинскими организациями. Так, в 1979 г. их признал наблюдатель ООП при ООН Зехди Терзи, в 1981 г. — глава представительства ООП в Москве Мухаммед Аш-Шаер. О своем 6-месячном обучении в Советском Союзе говорил задержанный в 1980 г. в Израиле известный палестинский командир Аднан Джабел. Многочисленные документы о советско-палестинском военном сотрудничестве захвачены Израилем в 1982 г. в Ливии...

Председательствующий: Слово предоставляется экспертам Обвинения.

Вальтер Лакуэр, профессор, председатель Международного исследовательского совета Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне, эксперт по терроризму:

Отношение Советского Союза к ООП первоначально было прохладным; до 1968 г. военизированные палестинские формирования время от времени публично осуждались как проводящие авантюрную ультрареволюционную политику. Впоследствии позиция СССР стала более дружественной — отчасти из-за опасений, что ООП попадет под влияние Китая, отчасти в связи с потерей плацдарма в Египте после смерти Насера... Расцвет палестинско-советских отношений наступил примерно к 1979 г. Помимо подготовки боевиков в лагерях, Москва поставляла вооружение — не только автоматы Калашникова АК-47, но и другое стрелковое оружие, гранаты РГ-3, а также (для НФОП) противотанковые гранатометы РПГ-7 и противовоздушные ракетные комплексы СА-7 (по западной классификации)...

Джеймс Хансен, эксперт по советско-сирийским отношениям:

...Палестинские и другие террористические организации пользовались лагерями под Симферополем, Ташкентом, Одессой, Баку, под Москвой (в том числе в районе Ходни)... Советские инструкторы и специалисты из Чехословакии, Болгарии, ГДР, Кубы участвовали в подготовке террористов во многих странах Ближнего Востока, в том числе в Сирии (в районе Латакии). Помимо этих услуг и поставок оружия, Москва снабжала террористические группы информацией: есть свидетельства, например, тому, что резидент ГРУ в Афинах предоставлял информацию представителям Сирии и Ливии, передававшим ее далее подконтрольным тергруппам...

Клэр Стерлинг, эксперт по международному терроризму:

...После двух часов «политзанятий» в лагерях (история Октябрьской революции, жизнь и учение Маркса—Ленина, миролюбивая сущность советской политики, империалистическая сущность политики Запада) наступало время военной подготовки, включавшей изучение взрывных устройств; искусство минирования автомобилей, мостов и зданий; тактику «партизанской войны» в городе; искусство конспирации; проведение учебных взрывов; применение советских гранатометов РПГ-7 и переносных ракетных комплексов «Стрела»... Таких лагерей в Советском Союзе около 35...

Председательствующий предоставляет слово представителю советской стороны по его категорическому требованию.

Представитель советской стороны:

...Нынешняя американская администрация немало усилий прилагает для того, чтобы агрессивную внешнюю политику США прикрыть маскировочной сетью, сплетенной из лживых версий о...

Председательствующий просит говорить по сути эпизодов, являющихся предметом рассмотрения.

Представитель советской стороны:

...Именно в политике США, как справедливо отмечал в своей речи товарищ Громыко, имеет место культ терроризма, во всех его видах... Его объектом становятся и отдельные личности, и целые народы. Госдепартамент включил в так называемую «террористическую лигу» Ливию, Сирию, КНДР, ООП, СВАПО — словом, страны и движения, которые выступают против американского империализма. Спрашивается, в какую «лигу» США зачисляют Израиль? Что же касается справедливого дела палестинского народа... могут и впредь... борьбы против... пусть не...

Справка. В период 1970-1984 гг. в мире совершено 22.171 теракт, в том числе: 10.207 взрывов бомб, 6.884 нападения на системы жизнеобеспечения, 3.774 покушения на убийство, 1.027 краж людей, 142 угона самолетов. Погибли 40.394 человека, ранены — 24.588. В 91% случаев акты террора достигли цели. (Данные исследовательской фирмы «Рискс Интернэшнл», Александрия.)

Председательствующий предоставляет американской стороне слово для официального заявления по ее категорическому требованию.

Представитель США зачитывает заявление госсекретаря Джорджа Шульца:

...Сегодня мы более ясно представляем себе международные связи между террористическими организациями. Мы более ясно понимаем также и поддержку со стороны Советского Союза и стран советского блока. Это доволь-

но разношерстная и опасная семья. Вовсе не надо считать, что террористы — марионетки и Советский Союз ими управляет... Но во многих странах терроризм уже давно перестал бы существовать; если бы он не пользовался существенной поддержкой извне... Русские осуждают терроризм, но на практике они потворствуют террористическим организациям, когда считают, что это служит их целям... Мы не можем допустить... Мы не должны попасть... Мы должны обеспечить...

Социологический портрет «типичного террориста» (данные компании «Рискс Интернэшнл», Александрия)

Возраст . . . . . 20-23 года
 Пол . . . . . мужской
 Семейное положение . . . . . холост, разведен
 Социальное происхождение . . . . . городская семья среднего или высшего класса
 Идеологическая ориентация . . . . . марксист
 Образование . . . . . 2,5 года колледжа

Председательствующий предоставляет слово свидетелям Обвинения.

Илья Джирквелов, ранее — офицер КГБ:

...Конечно, КГБ использует ООП. При подготовке боевиков для палестинских и других движений используется помощь болгарских, восточногерманских, кубинских инструкторов. Лагеря расположены и в этих странах, и в странах третьего мира...

Ян Шейна, ранее — генерал Чехословацкой народной армии, военный советник при ЦК КПЧ:

...Начиная с 1968 г. КГБ содержало школу для террористов в районе г.Карловы-Вары, а ГРУ — лагерь возле г.Дупов под Прагой. Курсанты приезжали и из Европы, и со всего третьего мира...

Виктор Суворов, ранее — офицер ГРУ:

...Тактика ГРУ в отношении террористов проста: нет нужды давать им приказы, среди них немало фанатиков, готовых умереть за свои идеи, разрушая при этом западную цивилизацию.

...Я хорошо знаком с центром подготовки террористов под Одессой, официально принадлежащим 10-му Главному управлению Генерального Штаба, занимающемуся экспортом оружия и посылкой военных советников... Вербовка в тренировочных лагерях производится одновременно 3-м и 5-м Управлениями ГРУ: первое из них создает сеть информаторов, второе — сеть боевиков... Постановка под контроль террориста — тонкий, многоступенчатый процесс, в результате которого человек зачастую не осознает, что им манипулируют, его используют...

Председательствующий удовлетворяет просьбу американской делегации о зачитании и приобщении к делу официальной справки.

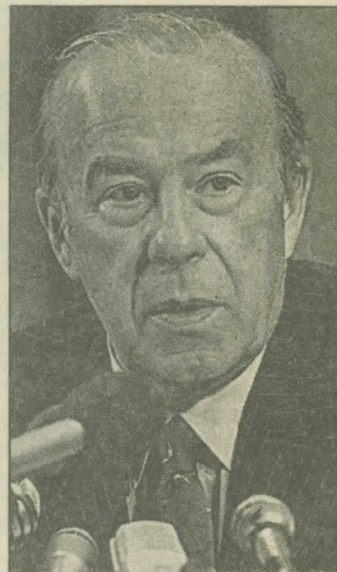
Представитель американской стороны:

...Первые контакты Ахмеда Джибриля с КГБ отмечены в 1964 г. В конце 60-х — начале 70-х годов он четырежды проходил стажировку в Советском Союзе. Накануне войны 1973 г. курс подготовки в Советском Союзе прошел и второй человек в его организации — Абу Бакр. Джибриль базировался в лагере Сахейб в Сирии; он имел представителя в Москве, центр обеспечения и связи в Восточном Берлине, перевалочный пункт для поставки оружия (в том числе в Европу) и конспиративную квартиру в Софии. Контакт с Джибрилем в конце 60-х поддерживал сотрудник КГБ Александр Викторович Морозов, работавший под крышей советского посольства в Бейруте и координировавший все связи с палестинскими формированиями на территории Ливана, Сирии и Иордании...

Председательствующий: Шум в зале!

Представитель США:

...Позже Морозов был заменен военным атташе советского посольства в Бейруте Юрием Ивановичем Старшиновым.

Джордж Шульц: «Сегодня мы более ясно представляем себе поддержку террористических организаций Советским Союзом». 1984 г.

Морозов, регулярно встречаясь с Джибрилем в Бейруте и Дамаске, высоко его оценил и способствовал его отправке на подготовку в Советский Союз. Джибриль получал для своих arsenалов в Софии и Сахейбе советские автоматы, взрывчатку, ракеты «земля-воздух»; он стал для русских ключевой фигурой в рядах «реджекидонистского фронта», то есть палестинских формирований, выступавших против поисков мирного урегулирования с Израилем. Он способствовал достижению русскими взаимопонимания с руководителем НФОП Хабашем и с лидером «Черного июня» Абу Нидалем...

Председательствующий: Слово предоставляется представителю советской стороны для официального заявления.

Представитель советской делегации:

Я уполномочен заявить...

Сергей МОРГАЧЕВ

РУССКИЕ НЕМЦЫ: «НАС НЕ СЧИТАЛИ ЗА ЛЮДЕЙ»

Согласно конституции и законам ФРГ, переселенцами признаются только немцы и члены их семей. Факт национальной принадлежности внимательно проверяется в лагерях для перемещенных лиц, и этот момент является едва ли не самым мучительным для бывших наших соотечественников, вернувшихся на землю предков, так как в СССР они чувствовали себя ущемленными как раз по причине немецкого происхождения... Только в 1988 году на постоянное жительство в Западную Германию выехало 47 тысяч советских немцев. В 90-м — почти в 4 раза больше. Подробно цепной реакции желание уехать охватывает все новые и новые семьи.

Александр и Ирма Ипгефер вместе с тремя детьми занимают две комнаты в маленькой гостинице господина Буллинга. Скромная обстановка, нераспакованные чемоданы — приметы временного жилья. Александр старается казаться веселым, но у него это не очень получается. Он не привык слоняться без дела: в Союзе работал шофером, было большое хозяйство, до последнего дня держали корову. Он бы и рад помочь господину Буллингу, наблюдая, как тот трудится с утра до ночи, но не может предложить, не по-русски же!

Ирма немного понимает немецкую речь, но знаний ее не хватает, чтобы заполнить всевозможные анкеты для получения денежного подспорья. Как она жалеет теперь, что не учила немецкий. «Стыдно было, стеснялась, — улыбается она, — в автобусе бывало мама что-то спросит по-немецки, а я ей по-русски отвечаю...»

Соседи и сослуживцы не знали, что семья Ипгефер уезжает навсегда. Оформили гостевую визу — так быстрее, и отправились в дальнюю дорогу налегке, с подарками на 30 рублей и с продуктами на пятерку, как положено...

— Мы нормально жили, — говорит Александр, закуривая очередную сигарету марки «Вест», — была квартира, машина, огород... Уезжать не собирались, но когда все поехали, — ре-

шились. Что ж, придется начинать все с начала. Нам не привыкать.

— Назад никто не хочет, — замечает Ирма. — Хотя не у всех жизнь складывается, как мечталось. Я видела семью, в которой четверо детей. Они уже год здесь — один сервант, кухонный стол, чемоданы и спят на полу. А другие за три месяца машину купить успели и квартирой обзавелись. Мы не знаем, что будет с нами дальше, но, по крайней мере, чувствуем, что нас не выгонят. Вам хочется домой? — оборачивается она к старшим детям.

Тринадцатилетний Женя смотрит серьезно и грустно. Он, к счастью, не пережил того, что выпало на долю взрослых, и потому его воспоминания свободны от обид и упреков. Хотя... и он, кажется, видел плакаты на улицах Красноармейска «Нет — автономии», слышал злобные призывы: «Не покупайте у немцев дома — все равно бросят!» А здесь, в чистеньком немецком городке, где пока еще нет друзей, все слишком ново и непривычно, даже еда, к которой порой не знаешь как подступиться.

— Еще год назад я не думал, что уеду, — признается его отец. — Надоел бардак, который, наверно, никогда не кончится. Деньги были, но на них ничего нельзя было купить. Здесь магазины — слов нет... Но не это главное.

— А что главное? Если была бы немецкая автономная республика, вы бы уехали?

— Я бы не уехал, — твердо говорит он. — Немцы мечтали не просто о точке на карте, они хотели на Волгу, где жили раньше. Но автономии не будет, — он обрывает фразу и смотрит в окно, худощавый, с яркими голубыми глазами и ранней сединой. — Мне стыдно было сказать, что я немец, на каждом шагу мне давали это почувствовать. Были случаи, что на работу не брали из-за пятого пункта. Можно так жить?

— А здесь вас называют русскими. Кем вы себя ощущаете?

— Я чувствую себя русским...

Господи, думаю я, надо было приехать в Германию, чтобы почувствовать себя русским. Сколько должно

пройти времени, чтобы ушла эта мучительная раздвоенность, чтобы родной язык перестал быть чужим, чтобы научиться жить в абсолютно новой социальной среде.

МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ относится к русским немцам с пониманием и сочувствием. В отличие от соплеменников из ГДР наши слышат скромными и непритязательными. Они не рассчитывали на золотые горы, готовы добросовестно работать и благодарны стране за то, что она согласилась их принять. В свою очередь федеральное правительство терпеливо разъясняет, что поток переселенцев не захлестнет республику, не принесет угрозу пенсионному обеспечению, не увеличит безработицу. Напротив. По данным 1988 года, чуть ли не половина переселенцев моложе 25 лет и лишь 4 процента — старше 65. Большинство имеет рабочие специальности, которые очень нужны в промышленности и в сельском хозяйстве.

Оскар Герстенлауэр, пятидесятишестилетний сварщик из Караганды, и сорокалетний строитель из Павлодара Рудольф Бруль выехали из СССР около года тому назад. Вместе с семьями живут пока в бывшем офицерском доме. В двух шагах казармы бундсвера. Сетки и щиты с надписями «Посторонним вход запрещен» усиливают впечатление замкнутости мира, в котором существуют бывшие наши люди.

— Я помню, как это было, — говорит Оскар. — В сорок первом мне исполнилось 7 лет. Мы жили в Грузии. За 24 часа нам велели собраться. Подгоняли с собаками. Мы не взяли с собой теплых вещей, и той зимой я сильно обморозил ноги. Отца забрали в трудовую армию, через год он погиб. Мы не знаем, что с ним произошло... Вначале население нас встретило неприветливо. Велась пропаганда, что немцы — враги, пособники фашистов. Нас не считали за людей. Мы умирали от голода. У бабушки было 12 детей, осталось трое.

— По 56-й год включительно мы обязаны были каждый месяц отмечаться в комендатуре, — рассказы-

вает Рудольф. — Сколько раз меня называли фашистом! И в армии, и на улице. Чуть что — «фашист». Я уехал ради детей, чтобы они никогда не слышали этого слова. Руки у меня есть — на жизнь заработаю.

— Ради детей, — повторяет Оскар. — Не из-за материальных соображений. Язык, традиции, культура — со временем все это теряется. Ведь нет ни школ, ни учебников, и наши дети не знают родного языка.

С Иосифом, отцом четверых детей, тоже пока безработным, мы подсчитываем месячный бюджет. Пособия складываются во внушительную сумму — около двух с половиной тысяч марок на семью. Из них 400 платят за квартиру, 800 уходит на еду, около 1000 остается. За несколько месяцев легко скопить деньги на поддержанную машину.

Греется на солнышке восьмидесятипятилетняя Марта Кемель, бабушка 22 внуков. Она из волжских немцев, в 41-м разделила судьбу своего народа — была депортирована в Казахстан. Такой она и останется в моей памяти — аккуратной немецкой бабушкой в повязанном по-русски платке.

Моим собеседникам не хочется вспоминать прошлое, это глубокая боль, которой почти никогда не дают выхода.

Семья Кастнер (двенадцать человек, три поколения) живет в ФРГ уже второй год. Сначала им было тяжело, пожалуй, труднее, чем многим. Дело в том, что Кастнеров поместили в местечке Шрекхоф (дословный перевод — «двор ужаса»). Название, ясное дело, историческое и не имеет ничего общего с симпатичной гостиницей на горе, свежим деревенским воздухом, подышать которым специально приезжают из больших городов. Но зато так привлекает отпус-

кников — уединение, удаленность от ближайшего городка, отсутствие сообщения, кроме, разумеется, отличного шоссе, — осложняло жизнь Кастнеров, у которых в то время не было никакого средства передвижения, кроме «своих двоих». Но в тот день, когда местный священник рассказал прихожанам о приезжих, жизнь изменилась к лучшему. Изоляция кончилась. Кастнеров завалили одеждой, игрушками, сладостями. То и дело в гостинице звонил телефон: спрашивали, не надо ли помочь.

Миновал год, и сегодня в Шрекхофе живут только пятеро Кастнеров — Тереза с мужем и трое их детей, да и они через несколько недель справят новоселье. Ремонт старого дома, который местная католическая община решила выделить семье, подходит к концу. Здесь же будут жить и родители Терезы. Сверкает никелем новенькая сантехника, пахнет свежей краской, сияют с любовью выбранные в магазине обои. О! С обоями тоже была история... Община выделила определенную сумму на эту покупку, но в магазине среди десятков образцов маленькая дочка Кастнеров замерла перед чудесными детскими обоями, цена которых превосходила выделенную смету. И Тереза не устояла — пусть будет красиво.

— Мы жили в Таджикистане, в Курган-Тюбе, — рассказывает Тереза. — Вы ведь знаете, что там происходит... Правда, нас не трогали и мы сидели тихо, пока другие не стали уезжать. Муж работал на железной дороге машинистом, он вообще был против отъезда, но я сказала: «Давай поедем и посмотрим своими глазами». Последние дни было очень тяжело. Придешь в магазин и слышишь за спиной: «Чего надо? Езжай в свою Германию!». Заплачешь и уйдешь.

Нам было трудно, ни квартиры, ни

работы. Свекор плакал днем и ночью. Теперь у них двухкомнатная квартира на двоих в центре Мосбаха. Мой муж устроился наконец на железную дорогу, пока работает составителем поездов, а скоро будет машинистом, как дома. Старшие дети учатся в обычных немецких школах, и у них уже много друзей. Антону 10 лет, но он уже чуть-чуть посмотрел мир — побывал во Франции, Австрии, Швейцарии. Мы хорошо живем. Продали старенький «Форд», который купили буквально через три месяца после приезда, взяли в кредит «Ауди», осталось выплатить 11 тысяч марок. От советских паспортов пока не отказываемся, а там видно будет...

Дедушка и бабушка Кастнер живут в так называемой льготной квартире, квартплата обходится им в 394 марки в месяц, по тамошним меркам это очень дешево. Франц Кастнер получает пенсию, его долгий шоферский стаж в СССР здесь засчитан. Правда, на мой не совсем корректный вопрос о размере пенсии старый Франц отвечать отказался: «Если я вам скажу, а вы напечатаете в журнале, у многих волосы поседеют...» Можно было и не спрашивать: внешний вид немецких пенсионеров красноречивее любых цифр свидетельствует, увы, не в нашу пользу...

«Каждый четвертый житель в Баден-Вюртемберге, Вашей новой родине, является изгнанником, беженцем, высланным или их потомком. Более двух миллионов людей в нашей стране должны были пережить одинаковую или подобную судьбу, как и Вы, и справились с ней». (Из пособия «На новой родине».)

Я думаю: какое точное слово «выселенцы»...

Елена СВЕТЛОВА
фото Дмитрия АЗАРОВА

СВОБОДЫ, ПРАВА И ГРАНИЦЫ

В ЭТОМ НОМЕРЕ МЫ ЗАВЕРШАЕМ ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ СПЕЦИАЛИСТА ПО АМЕРИКАНСКОМУ ПРАВУ В.А. ВЛАСИХИНА, КОТОРЫЙ СОПОСТАВЛЯЕТ СОВЕТСКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ ПО ОСНОВНЫМ ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

А можно ли в США сжечь государственный флаг или иным образом надругаться над ним либо оскорблять другие патриотические символы или объекты?

Да, можно, хотя этой конституционной охраняемой возможности оказывается политическое и юридическое сопротивление блюстителей патриотизма.

Законы, устанавливавшие уголовную ответственность за надругательство над государственным флагом США или осквернение «свято чтимых объектов» (к ним относятся и флаг), существовали в некоторых штатах. Энергично такие законы применялись, например, в период подъема демократических движений в 60-е годы. Что только с флагом не вытворяли в знак протеста против политического курса государства (особенно против вьетнамской войны). Политические активисты публично сжигали «звездно-полосатый», рвали, топтали его, вывешивали перевернутым или с прикрепленными к нему «диссидентскими» знаками, символами и надписями, изготавливалась одежда или спортивное белье так, чтобы флаг оказывался в лучшем случае на заднем месте; в витрине нью-йоркского художественного салона был выставлен фаллический символ из флага.

Верховный суд признал соответствующие законы штатов неконституционными. Человек, сжигая флаг, своим символическим действием выражает мнение, протест по поводу по-

литики государства, а свобода выражения мнения, свобода слова — ценность более высокого порядка, чем патриотизм.

В 1989 году в решении по делу «Техас против Джонсона», по которому обвиняемый был осужден за сожжение флага как «свято чтимого объекта», Верховный суд освободил Джонсона от уголовной ответственности и указал: «Запрет уголовного наказания за поведение, подобное поведению Джонсона, не поставит под угрозу ту особую роль, которую играет наш флаг, или те чувства, которые он вызывает... То заветное место, которое флаг заслуженно занимает в нашем обществе, будет лишь закреплено за ним более надежно... Наше решение является подтверждением тех принципов свободы, которые лучше всего отражает флаг... Охраняя особую роль флага следует не путем наказания тех, кто испытывает иные чувства по отношению к этим вещам. Мы должны убедить их в том, что они неправы... флаг защищает и тех, кто оскорбляет его...»

Следуя этой логике, Верховный суд в прошлом году признал неконституционным и недействительным еще и федеральный закон об осквернении государственного флага, принятый после того, как были отменены аналогичные законы штатов. Думаю, что «звездно-полосатый» выстоит.

Свобода печати

Хороший Закон о печати был принят у нас — и цензуру запретил (Главлит со своими щупальцами, правда, на месте), и журналистов оградил (правда, обсыпается с ЦТ неугодные программы и неугодные ведущие), и

нам, рядовым гражданам, дал право на оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений (правда, сегодня о жизни в мире и собственной стране узнаешь больше из Си-Эн-Эн, чем из Тэ-эС-эН) и многое другое. И вот вопрос.

Но оставим в покое конституционно дозволенное сквернословие и оскорбление символов. А что если политический противник американской капиталистической государственности захочет выступить с призывом к ее разрушению? Или, на языке нашей обновленной 70-й статьи, **можно ли в США публично призывать к насильственным низвержению или изменению государственного и общественного строя?**

Можно, сколько угодно. Американская конституционная юриспруденция исходит из того, что такого рода призывы доктринальны, объект насильственного (революционного) низвержения — абстрактен, и действие, к которому призывают, не может быть вызвано немедленно. При наличии условий, в туманном будущем, возможно, оно и произошло бы, но малая его вероятность делает бессмыслицей наказание людей, к нему призывающих.

Примерно в таком русле рассуждал Верховный суд США, освобождая в 1957 году от уголовной ответственности американских коммунистов, осужденных за распространение идей (призывы) о необходимости низвержения капиталистического государства США. Против коммунистов применили Закон Смита 1940 года. Верховный суд блокировал его применение как блокирующего свободную пропаганду революционных идей, а в 1969 году установил правило: привлечь человека к суду можно лишь в том случае, если его призывы приобретают форму подстрекательства к конкретным насильственным акциям против конкретных учреждений государственной власти. Но и это не все — только тогда можно его привлечь, когда подстрекатель-

ство не обращено в пустоту, а реально вызовет немедленные действия. То есть доктринальный призыв к революционному преобразованию — одно, а вот подстрекательство к насилию, таковое вызывающее немедленно, — другое. Американское государство, однако, продолжает существовать, несмотря на то, что там предоставлена полная свобода призывать к его свержению.

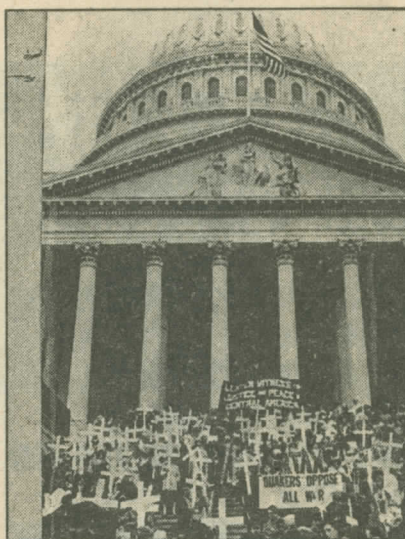
Ну а наш законодатель в демократизированной статье 70-й воплотил положения реакционного (мы сами так его называли) Закона Смита 1940 года рождения, воплотил то, что еще в 50-е годы было сдано на свалку американской «буржуазной» юриспруденции.

А можно ли в США с высокой трибуны упомянуть возможность приостановки закона о печати и передать на изучение законодателям вопрос о принудительном обеспечении объективности средств массовой информации?

Категорически нет, нельзя.

Во-первых, потому, что в США нет никакого закона о печати. Не очень давно в «Известиях» была статья о двухстах годах «беззакония»; имелось в виду, что за 200 с лишним лет существования США там не обеспокоились принятием закона о печати — свободная пресса существует без какого-либо закона. Замечу, что свободная пресса началась там (и начинается везде) прежде всего со свободы прессы. Еще в конце XVII века в Великобритании парламент отказался от практики выдачи государством лицензий (разрешений) на установку и использование печатного оборудования — прессы. Эта традиция была продолжена в США.

Лицензионный, разрешительный порядок функционирования газеты или журнала (от которого ушли там в конце XVII века, а здесь пришли в конце XX) — анафема для американцев. Они небезосновательно считают, что несвобода печати от государства начинается тогда и там, когда и где оно правомочно выдавать или не выдавать разрешения, регистрировать, ставить условия регистрации и т.д. Американскую традицию абсолютной приверженности свободе печати Томас Джефферсон выразил в 1787 году так: «Ежели мне надлежало бы решать, быть у нас правительству и не быть газетам или быть газетам и не быть правительству, я, ни мгновения не колеблясь, предпочел бы последнее».

Демонстрация перед зданием конгресса США.

Фото АР—ТАСС

Поэтому, если схему для ясности упростить, газета или журнал обретают жизнь так: человек покупает (или арендует) оборудование и помещение, нанимает штат и начинает печатать. Никаких мытарств с госкомитетом.

Что касается радио и телевидения, то здесь чуть сложнее. Поскольку количество частот небеспредельно, для выхода радио- или телестанции в эфир необходимы лицензия Федеральной комиссии связи (ФКС) и отвод частоты. ФКС, однако, при решении вопроса о выдаче лицензии запрещено изучать или принимать во внимание идеологическое или политическое кредо ходатайствующего.

И еще, что касается выхода в эфир. Для обеспечения всестороннего информирования граждан ФКС обязывает радио- и телестанции руководствоваться «доктриной справедливости». Это означает, что если в эфире высказана односторонняя точка зрения на событие, критика или оценка действия какого-либо деятеля, то станция обязана предоставить эфирное время для высказывания другой, противоположной точки зрения или дать возможность деятелю развернуто ответить оппонентам. Вот где государственное вмешательство — во благо. Нам бы такую «несвободу» от государства — и не было бы страстей вокруг российского телевидения или выхода в эфир главы парламента России...

Правомерен вопрос: что ж, никакой государственной управы на прессу нет в США? А если газета или журнал волны в обращении с фактами, если оклеветали человека?

К услугам человека в таком случае суд. Частное лицо возбуждает иск о

клевете и по правилам, устанавливаемым законами штатов, ведет тяжбу. Но вот государственным или политическим деятелям, считающим, что их в печати оклеветали, вести тяжбу тяжелее, чем частным лицам: облеченный властью или политической славой человек сам должен доказывать, что задевшая его информация — клевета, и не просто клевета, а клевета, распространенная «со злым фактическим умыслом», то есть с твердым знанием того, что информация была клеветнической и лживой. Доказывать такое в суде очень и очень сложно.

Сложность эта умышленная, и проистекает она от особой приверженности американских юристов свободе слова и политической критике должностных лиц государства. В 1964 году по апелляционной жалобе «Нью-Йорк таймс» в связи с предьявленным этой газете иском полицейского чина Верховный суд создал для прессы «режим наибольшего благоприятствования» в изложении фактов, касающихся государственных деятелей, — пусть они доказывают, что их оклеветали, а не печатный орган, что он не клеветал. Суд дал тем самым средствам массовой информации право на ошибку и вольности в суждениях — во имя свободы печатного слова, реализуемой без страха перед государством, карающим за неизбежные в условиях свободы информации огрехи при обращении с фактами.

Теперь второй аспект вопроса — относительно возможной приостановки свободы печати во имя объективности. Здесь вполне допустимо прибегнуть к джефферсоновской формулировке — «быть газетам и не быть правительству».

Участник одной из демонстраций срывает американский флаг с флагштока у памятника Вашингтона в столице США

Фото ТАСС

Свобода собраний

Одним из первых шагов по пути демократизации общества и строительства социалистического правового государства был введенный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 года порядок организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. Мы обрели наконец легальную возможность выйти на улицы как манифестанты не только 1 Мая и 7 ноября. Однако на новом порядке лежала характерная советская черта «разрешительности»: проведение уличной манифестации зависело от усмотрения властей. Разрешающие власти вправе (не опасаясь при этом стать ответчиком в суде) отказать по идеологическим мотивам или спекулируя по поводу потенциальных нарушений общественного порядка. Отсюда и вошло в нашу жизнь и лексикон унижительное для конституционной свободы понятие «несанкционированный митинг».

— А можно ли в США провести уличную демонстрацию, не запасшись разрешением муниципальной власти?

Нет, нельзя, поскольку речь идет об использовании демонстрантами улиц и площадей, главное назначение которых — нормальное передви-

жение горожан и городского транспорта.

По правилам, принятым в 1941 г. Верховным судом, городская власть вправе регламентировать время, место и форму проведения демонстраций в общественных местах с целью поддержания нормальной жизни города. Главные условия — мирный характер демонстрации, организованность и наличие разрешения властей.

Положения соответствующих нормативных актов, однако, должны быть изложены четко, не допуская усмотрения властей, а разрешение должно выдаваться безотносительно идеологическим, политическим установкам демонстрантов.

Спекулятивные прогнозы по поводу вероятных беспорядков исключаются, и отказать в разрешении на демонстрацию на основе таких прогнозов нельзя. Ну а если все-таки опасения, что общественный порядок может быть нарушен, достаточно обоснованны? Муниципалитет обязан на этот случай выделить полицейскую охрану — демонстрантов от недовольных ими зевак или зевак от разгоряченных демонстрантов. Отказы в разрешении (они случаются редко) во всех случаях могут быть опротестованы в суде.

Можно, конечно, рискнуть и провести «несанкционированную демонстрацию». Например, муниципальный ордеронас Чикаго предписывает за

это наказание штрафом от 5 до 500 долларов.

А может ли в США федеральное правительство «через голову» муниципалитета запретить в городе проведение демонстрации ввиду съезда или заседания законодательного органа, приостановить действие той части Основного закона страны, что касается свободы собраний, набить город многотысячным воинством полицейских, солдат?

Спросил сам себя, попытался представить и... не смог.

Чтобы Белый дом или, скажем, Совет национальной безопасности занимался бы вопросом об уличных манифестациях, никаким взлетом воображения не представишь. Это конституционная прерогатива городской власти, принципы федерализма чтутся: федеральному правительству в его власти Конституцией отменено «от и до», а все, что вне этого «от и до», сохранено за штатами и муниципалитетами. Нарушение Конституции — прямое основание для импичмента (досрочного прекращения полномочий президента). И приостанавливать действие Билля о правах никому не дано, да ни одна администрация и не помыслила бы.

Насчет привлечения Президентом воинских подразделений или Национальной гвардии закон не безмолвствует — допускает, но только когда приводятся в действие чрезвычайные полномочия Белого дома — при реальной угрозе структурам государственной власти со стороны бесчинствующих или вооруженных толп: в случаях восстания или наличной угрозы восстания против законно избранных органов власти. Только при чрезвычайных обстоятельствах.

А так уличными манифестациями ведает городская власть, поддерживая порядок подчиненными ей полицейскими силами. И столица США не исключение, хоть и именуется официально «федеральный округ Колумбия».

И наибольший политический смысл и эффект американцы по справедливости видят в демонстрациях, которые проводятся во время съезда или представительного заседания политических деятелей.

Архангельск МЕТИЛ В СЕКРЕТАРЯ, НО ПОПАЛ В ВОЖДЯ

Жители Мезени, народ вообще-то терпеливый и спокойный, не смогли скрыть своего удивления и долго гадали, кому же мог помешать бюст Ленина, установленный в центре этого северного городка и являющийся чуть ли не единственным его украшением.

Лик вождя был забрызган зеленой краской, рядом валялись осколки трехлитровой банки, которой злоумышленник запустил в цель.

Местная милиция не нашла хулигана, но, по ее предположениям, вряд ли осквернение произошло по политическим мотивам. Выходка могла стать реакцией на повышение цен или, скорее всего, своеобразным откликом на статью бывшего первого секретаря Мезенского райкома партии, опубликованную в областной газете «Правда Севера».

Станислав Яковлевич Половников, покинувший деревянную Мезень и благоустроившийся в Архангельске, часто пишет о тяжелой жизни родных мест, где его еще не забыли земляки.

Статья, в которой автор ведет умильный разговор с каменным Ильичем, защищая Ленина, ленинизм и памятники вождю, видно, разбередила чью-то недобрую память. А пострадал бюст...

Александр ПЕЧЕНОЧНЫЙ

Обнинск КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ

В Обнинске, на базе НИИ медицинской радиологии (в котором долгое время работал Жорес Медведев, ныне профессор Национального института медицинских исследований Великобритании) создается Международный центр Всемирной организации здравоохранения по ра-

диационно-медицинским проблемам Чернобыля с филиалами в пострадавших от радиации Брянске, Житомире и Гомеле. Эту идею поддерживали сорок стран мира. Международная программа по смягчению последствий аварии прошла тщательную международную экспертизу, обсуждалась на крупнейших научных совещаниях. Япония выделила стартовый капитал для выполнения программы в 20 миллионов долларов.

В мае ВОЗ должна принять окончательное решение по Международному центру. Тогда Обнинск, родина первой в мире АЭС, станет и родиной первого всемирного центра по преодолению последствий крупнейшей атомной катастрофы.

Александр ШИБАНОВ

Чимкент А МОЖЕТ, ЭТО НЕРЕСТ?

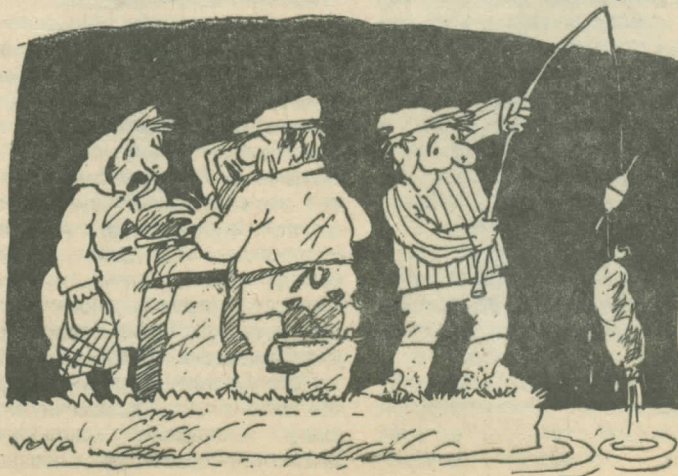
Река Арысь, которая несет свои воды по территории Тюлькубасского района Чимкентской области и не особо богата рыбой, недавно принесла жителям прибрежных сел неплохой улов колбасы. Она косяком глыбла вниз по течению, а люди изумленно наблюдали этот феномен.

Больше всего повезло жителям села Ванновка с улицы Наречной. Так, школьник Саша Гейтман изловчился и выловил шесть палок продукта. А селянин, пожелавший остаться неизвестным, набрал целый мешок. Впрочем, наелись собаки.

Через три дня после случившегося весть о чуде природы достигла районной милиции. Ведется следствие.

Валерий РУДАКОВ

Сергей ХОЛЕНЕВ

Алма-Ата ЖЕНЩИНЫ БЕГУТ

В Казахстане жизнь не стоит на месте! Впервые за несколько лет в одной из двух женских колоний республики совершен побег.

Как выяснилось при служебном расследовании, две осужденные 1965 и 1969 годов рождения, воспользовавшись ночным затишьем, прошли под покровом темноты через ворота казармы, достигли основного заграждения и с помощью стремянок дерзко преодолели трехметровую стену. Они сделали это на две минуты раньше, чем заметившая их охрана.

Одной из беглянок не повезло: спустя два часа ее «повязали» недалеко от зоны. Вторая же, как написано в материалах расследования, «при задержании вырвалась и убежала».

Валерий НИКОЛАЕВ

Нижний Новгород

И ФИЗИКИ ВОРУЮТ

В этом году на радиофизическом факультете Нижегородского университета не праздновался традиционный день радиофизика. Дело в том, что в марте, во время вечера третьекурсников «Середина пути», из преподавательской комнаты исчез дисплей. Это был третий украденный дисплей за последние два года.

Поскольку празднование дня радиофизика обычно проходит многолюдно и надежную охрану учебных помещений университет организовать не в состоянии, а дисплеи жалко, то праздник решено было не отмечать.

Москва
ОН НЕ
РАЗМЕНИВАЕТСЯ
ДАЖЕ НА ДОЛЛАРЫ

С тем, что известный московский коллекционер и реставратор старых автомобилей Александр Ломаков, по его собственному выражению, «не разменивается на сребреники», магнаты с Запада уже свеклись. Ни за какие деньги не желает он продавать даже самую мизерную деталь из своей коллекции. Так, всю страну осе- нью всколыхнуло известие, что Ло-

маков отказался получить от фирмы «Ауди» четыре миллиона долларов за автомобиль «Хорьх-853-А», бывший когда-то собственностью маршала Геринга.

Теперь миллионеры уже не торгуются с Ломаковым, а привезают, как говаривает Александр Алексеевич, «посмотреть хотя бы в замочную скважину на чудесную коллекцию».

Недавно Ломакова посетила очередная зарубежная делегация из представителей фирмы «Мерседес» и «Комег». Гости попили грузинского чаю, «посмотрели в замочную скважину», выслушали красноречивые комментарии хозяина, повздыхали

над непродавшимся антиквариатом и уехали обратно в мир чистогана. А Ломаков остался возиться со своим бесценным хозяйством и привычно мечтать о музее автотостарины.

Е.А.

Караганда
ГИННЕСС
ЗАКОЛДОБИЛСЯ БЫ

Где-то в достатке лелеет свой рекорд самый толстый человек в мире, «качается» до одури самый сильный и горя не знает самый богатый. А в советской Караганде живет и работает самая старая жительница планеты Екатерина Кондратьевна Шнайдер. Недавно уважаемой долгожительнице исполнилось 943 года.

Можете не верить, но в самом главном серпастом-молоткастом документе у гражданки Шнайдер в соответствующей графе написано, что она появилась на свет в 1048 году. Сие удостоверено печатью местного совета села Иваново Нурымского района Карагандинской области.

Азия-пресс

Омск
ОТДЕЛАЛИСЬ ЛЕГКИМ
ИСПУГОМ

администрация и обслуживающий персонал самой фешенебельной гостиницы Омска «Турист».

Горничная, убирая номер после гостивших в нем охотников, обнаружила... гранату. Об этом тут же сообщили «куда надо», и орлы из КГБ и УВД оперативно «сняли» улетающих владельцев гранаты с самолета. И только потом обнаружилось, что на самом деле это не боеприпас, а очень точная его деревянная подделка.

Для чего охотникам нужен был муляж, выведывают сейчас у них самих наши brave органы. Администрация же гостиницы находится в полной уверенности, что фальшивая граната предназначалась для запугивания диких зверей.

Эльза КОПОЛАС

Дневник У.

ПРОБУЖДЕНИЕ ЧУВСТВ

Ф. Сологуб. «Страна, где воцарился Зверь»
Издательство «Цветущий посох»

Нам еще предстоит открытие практически неизвестного писателя Федора Сологуба, знакомого, в общем, только по «Мелкому бесу», который при всех достоинствах не в одиночестве составляет славу Сологуба. Рассказы этого сборника показывают нам совершенно другого художника, озабоченного, прежде всего, проблемами Красоты, Духа, Любви, Жизни, Смерти. И все — с большой буквы. Не будем себя обманывать: конечно, даже неизвестный Сологуб — это не известный Толстой. Но знать необходимо и того и другого. Поэтому не имеют значения ни опечатки, ни невзрачная обложка, ни трехтысячный тираж книги, изданной за счет составителя Ф. Жарова. Этот сборник делает великое дело — пробуждает не мысли наши, что, слава Богу, сейчас не спят, а чувства — чтобы мы не остались навсегда жителями страны, где воцарился Зверь.

А.Г.

ИГРА В ИГРУ

«Игра в классики»
Театр «Банефис», реж. А. Гонсалес

«Школа драматического искусства» Анатолия Васильева, как известно, давно не выпускает постановок, но регулярно выпускает постановщиков. Режиссер постановки по роману Х. Кортасара — ученик Васильева, о чем нетрудно догадаться с первых минут действия. Обаятельный юноша с удобством устраивается на стуле и начинает долгое скользящее рассуждение о

Сцена из спектакля
«Игра в классики».
Фото В. Бегунова

неопределенную тему. Пустое пространство, человек в состоянии свободы, учитывая легкость сдержанных жестов. При гибкости интонаций, в целом, монолог одотонен, как чистое «ля» камертона: настраивайтесь. Это — из «Школы».

Актерские пары передают друг другу диалог героев. Тепло и красиво течет игра личных энергий поверх сюжета и заданных обстоятельств. Как здесь подают реплику! Как вежливый хозяин — пальто. Это — тоже из «Школы».

Что еще сказать: читайте «Игру в классики». Жаль, что она доиграна лишь до середины, жаль, что из текста удалены все «сцены» и «stories». Но трех часов, проведенных в театре, не жаль.

Открыв свой театр чужой и беспросветно некоммерческой премьерой, Анна Неровная показала серьезность намерений, хороший вкус, умение создать репутацию и прогнозировать театральную ситуацию. И если следующая премьера — «Уличная ласточка» Н. Садур — докажет, что она еще и хороший режиссер, поздравим столицу с новым театром.

Александр
СОКОЛЯНСКИЙ

Улыбка на устах этой женщины — отрешенная маска бодхисатв — означает покой и умиротворенность... Куклы весенних праздников, театров Но и Кабуки, глиняные и деревянные, куклы для приема гостей и для иных случаев жизни — вернее, нингё. Глядя на них, рождаешь апокрифическое решение загадки «японского чуда»: в этой стране не куклы — как люди, а наоборот. В улыбающихся фигурках закодирован незбылемый порядок, передаваемый из поколения в поколение. Можно жить, «как если бы» не было дальневосточной проблемы, «как если бы» Япония была центром вселенной, «как если бы» ничто этому не мешало.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

ЗА СВОИ КРОВНЫЕ

«Тихий Джон»,
реж. А. Улявичюс

Если отвлекусь от Первого-в-Истории-Визита-Президента и от перспектив урегулирования дальневосточной проблемы, если покинуть шумный и дымный «фуршет», то можно остаться с куклами наедине и увидеть, что это — нингё. Кукла — это нечто лохматое, умильное или жалкое и, во всяком случае, характерное. Она — нарочито несовершенное подобие своего творца, вечно-текущее и божественно-ироничное «как если бы». Нингё, напротив, есть остановленное время-действие, изменчивость и многозначность им не присущи. Они универсально-коммуникативны, поскольку гарантируют сохранность информации, которую должно знать. Один взгляд, и все известно: из какой эпохи костюм, сколько в нем кимоно и что все это значит. Корзина с цветами в руках молодой женщины олицетворяет воспоминания об умершем возлюбленном.

«Опять про мафию!» — раздраженно подумал после первых кадров: к бывшей невесте из зоны вернулся плечистый парень по прозвищу Тихий Джон, а она — с любовником. А вернулся он с заданием отобрать доллар у мафиози... Однако скоро все это по-настоящему увлекло. Динамикой детективной линии, беглой, но четкой психологической проработкой характеров, а главное — явным наличием подтекста. Авторы не рискнули окунуться в остроанно-авангардистскую стихию, но и не отказались полностью от нее, что придало экранному действию тайну, недосказанность и многозначность. Получилась изящная пародия на

отечественные гангстерские ленты: детектив и «любовный треугольник» держат в постоянном напряжении, но сюжет не перенасыщен событиями, а его повороты не шаблонны — даже привычных погонь нет.

Картину сделали вчерашние кинолюбители из Каунаса. Продюсер Дж.Садаускас и А.Улявичюс лет пятнадцать снимали любительское кино, получавшее, кстати, награды на фестивалях. Чтобы снять «Тихого Джона», они рискнули всем своим состоянием, заложив его за банковскую ссуду, поскольку ни государственные киностудии, ни кооператоры рисковать не хотят.

Геннадий БЕЛОСТОЦКИЙ

КВАРТИРНАЯ ГАЛЕРЕЯ

ЧП

Галерея творческого объединения «Чистые пруды»

Среди множасьихся галерей и салонов квартирные галереи — явление особое. Они появились как реакция на профессиональную деятельность галерей коммерческих.

Это, как правило, мастерская и музей одновременно. Здесь произведение, едва успев родиться, спешит мумифицироваться, заняв свою нишу кунсткамеры в обход долгого пути, обыкновенно предшествующего помещению предмета в соответствующую ячейку музейного признания. В некотором смысле такие галереи — двусмысленная игра в прятки со всегда кажущейся скоростной смертью вещи в музее. Однако в «ЧП» столь

нетерпеливое самомумифицирование продиктовано как раз желанием поскорее улечься на покой. Ведь здесь выставились довольно признанные, т.е. и без того забальзамированные без пяти минут классики: К.Звездочетов, Г.Литичевский, С.Волков, Н.Овчинников. Поэтому для меня вдвойне малопонятно, зачем им имитировать лопнувшее терпение. Курьеза ради? Другое дело, если бы речь шла об обычных ухищрениях новичков-скандалистов, посредством малодоступных выставок набивающих себе цену и при этом искося, но зорко следящих за искусствоведом: срабатывает ли прием? Но при мысли о галерее на Чистых прудах хочется отрешиться от сложной дипломатии, хочется экскурсовода.

Глеб СМЕРНОВ

НЕ ГОРЯТ ТОЛЬКО РУКОПИСИ

«Мастер и Маргарита», опера С.Слонимского

Театр «Форум», реж. Б.Мильграм

В финале спектакля со словами: «Рукописи не горят» — дирижер передает на сцену партитуру оперы. Увы, мало что изменилось бы, если это было бы сделано в начале, ибо

В галерее на Чистых прудах

то, что обещало концертное исполнение в Большом зале консерватории два года назад, так и не сбылось. Как могла сгореть рукопись в спектакле, где на реплику: «Гори в огне!» — огонь тут же выносят на сцену, но Мастер предусмотрительно бросает листы своего романа куда угодно, но не в сторону заготовленного пламени. За исключением такого новаторского прочтения булгаковской фразы, спектакль вторичен: и по театральным эффектам — белые листы романа красиво падают сверху на головы героев; и относительно прошлых работ «Форума» — многоярусная конструкция заимствована из «Квинта Фабия»; и даже сам по себе — выходы солистов на сцену через оркестровую яму под конец предугадываются и смешат.

От концертного исполнения, правда, осталась очаровательная Маргарита в исполнении Т.Моногаровой. Слушая сопрано будущей звезды, один из рецензентов даже вспомнил стихи Ахматовой «Слушая пение».

В целом, спектакль как зрелище достоин программки, где Берлиоз назван руководителем Моссолита, хотя у Булгакова он возглавлял МАССОЛИТ. Помнится, этот герой за свою ошибку жестоко поплатился...

Григорий ЗАСЛАВСКИЙ

P.S.: ВИДЕО

Ведет Андрей Гаврилов

РЕЖИССЕРЫ ЭТОГО НЕ МОГУТ

«Призраки этого не могут»

США, реж. Дж.Дерек

«Всегда»

США, реж. С.Спилберг

Два фильма на одну и ту же тему. Он умирает, она — остается жить. Но он, хоть и мертв, может вмешиваться в земные дела и попытаться сохранить ее любовь. Джон Дерек, испытывающий, судя по всему, патологическую страсть к показу на экране своей обнаженной жены в постели с другими мужчинами, считает, очевидно, что призрак хочет одного — вновь оказаться с любимой в койке. В итоге — грубоватая, пошловатая, неумная лента. На ее фоне картина Спилберга значительно выигрывает. Правда, только на ее фоне. Да, «Всегда» — фильм добрый, романтический, сделанный с улыбкой. К тому же в нем играет (немного) несравненная Одри Хепберн. Да и Ричард Дрейфус у Спилберга намного интереснее в роли покойника, нежели Энтони Куин у Дерекка. Но романтизм Спилберга быстро переходит в слащавость на уровне какой-нибудь индийской мелодрамы.

СЛАВА БОГУ, НЕ ВЕРХОВЕН!

«Робот-полицейский» (часть 2)

США, реж.И.Киршнер

Единственное утешение, что продолжение «Робота-полицейского» сделал не автор первой серии. Верховен — все-таки хороший режиссер, несмотря на «Вспомнить все» и прочее барахло, снятое в последние годы. А от Киршнера ничего лучшего ожидать и нельзя. Фильм воспринимается порой как удручающе скучная пародия. Юмор в картине — натужный и глупый, сюжет — идиотский, а комбинированные съемки — ниже всякой критики.

Дневник В.

Рис. К.Валова

В обширном и разнообразном архиве Д.Самойлова, среди неопубликованных стихов, страниц прозы и мемуаров, сочинений для театра, переводов и дневников, есть рукопись, которая наверняка произведет впечатление неожиданное даже на тех, кто достаточно хорошо знаком с творчеством замечательного Мастера. Озаглавлено

это пухлое, в полтысячи страниц, произведение «В КРУГУ СЕБЯ». Писалось оно для ближайших друзей на протяжении трех десятилетий, и слухи о нем ходили среди читателей Самойлова так же давно. «Столица» впервые публикует фрагменты этой книги, готовящейся в издательстве «ВЕСТЬ».

ПАНТРЯГИН И ОБОЗОВ

Опыт антиалкогольного эпистолярного романа на излете эпохи

(Избранные главы)

От соавтора

Есть стихи Ахматовой:

Когда человек умирает,
Изменяются его портреты.
По-другому глаза глядят, и губы
Улыбаются другой улыбкой.

Я перечитал то, что когда-то родилось в ходе нашей с Самойловым безмятежной игры письменным словом, когда даже в голову не приходило, что это может получить выход в область слова печатного. Перечитал — и почувствовал, что передо мной не прежний дурашливый треп, а какой-то текст.

Еще до недавня собрание, составленное из потешных, небрежно разбрасываемых стихов и прозаических набросков Самойлова, было доступно лишь ближайшему окружению. С течением дней друзья поэта стали твердить, что это надо печатать: уж ежели смеяться — то всем! Пусть это всего лишь «струж-

ки и опилки» — но и они дело рук Мастера. «А что такое Мастер? Тот, кто от всех отличен...»

Возможность издания большой книги «непечатного» (pro domo sua) Самойлова пока проблематична. Но попытки напечатать хоть что-нибудь — делаю-тся.

Ниже приводятся главы из романа в письмах «Пантрягин и Обозов», затеянного нами в 1978 году ради взаимного увеселения. Просто мы взяли — и решили: будем переписываться как два «ветерана войны и труда», не шибко образованных, тертых, битых, крепко выпивающих и, главное, имеющих на все свой взгляд.

Роли эти давали возможность смотреть на нашу привычную среду со стороны: «высокое» полагать «не стоящим», «низкое» — наполнять убеждающим смыслом. И — взятки с нас были гладки!

Евграф Пантрягин, от лица которого вел переписку Самойлов, являл собой тип умельца на все руки, безунывного хитрована, со своей почвеннической

несокрушимой философией, утверждавшей еще в те дни, когда вырабатывалось в нашем поколении стоическое: «Дальше фронта не пошлю!»

Мой персонаж — бывший бухгалтер Егор Обозов полагал себя в какой-то степени интеллигентом, при девственной, впрочем, образованности.

Необходимо заметить, что телевизионный дуэт Маврикиевна — Никитична к нашему с Самойловым роману не имел никакого отношения. Здесь наличие — чистая, как говорили «опоязовцы», конвергенция приемов...

Нам было смешно, когда мы это сочиняли. Но я опасливо задаюсь вопросом: а будет ли это смешно читателю? Всем ли будет смешно? Остается надеяться, что чувство юмора и снисходительности у реальных лиц, здесь описанных, помешает им обидеться.

Юрий АБЫЗОВ

г.Рига,
апрель 1991г.

Уважаемый Егор Исаич!

Пишу тебе из Москвы, города-героя. Уже вторую неделю живу у племянника Левитанского Юрий Давыдыча, но работаю по другим квартирам. Конечно, тяжело, в день рублей пятнадцать получается. И считают, что дешево. Но я не для денег, хотя немного подработал, а просто для помощи писателям, которые много хочут сделать, но ничего сами не умеют и морилку от зверобоя отличить не могут.

Здесь дела так много, что не успеваю причаститься, да и Юрий Давыдыч сейчас в завязке, потому что семья уехала и у него работы тоже много, на что и жалуются. Так мы с ним и порешили — не будем. И пока держимся, в рот не берем. Только утром перед завтраком я грамм сто пятьдесят беру. И, конечно, перед обедом двести. А потом уже — ни-ни, только вечером двести. И все.

Меня здесь уже все знают, даже детишки. И до чего, подлещи, смышленные и к смеху способные: называют меня дядя Ева. Я не обижаюсь. Дите есть дите. Но по совести сказать, писательский дом, когда привыкнешь, оказывается не такой интересный. А вот напротив дом старый, может, лет сто как построен, очень даже интересный, и если бы я туда не попал, то уехал бы дней через десять. А тут и не знаю, когда уеду.

Дело в том, что в этом доме до великой октябрьской революции был бардак. Жили привокзальные бляди. Но бар-

дак после нэпа закрыли. А в доме поселились во множестве татары, которые тогда работали старьевщиками и частично дворниками. Там квартиры коммунальные, и народ живет очень даже хороший и дружный, несмотря на драки, которые происходят каждый вечер, особенно по выходным. Условия очень хорошие. Баня в том же дворе, жалко только пиво бывает редко. Но магазин рядом, в соседнем доме по Астраханскому переулку. Так что если приедешь, то не ищи по городу, а прямо поезжай в Астраханский. Там увидишь.

Так вот. Юрий Давыдыч, поскольку заботится по двору об воздухе для своих детей, специально поехал в питомник на ВДНХ и привез саженцы кустов и плодовых деревьев, каких у нас не бывает, поскольку является последним достижением мичуринской науки. Особенно хорошо принялся бананово-фасольный гибрид. Растет быстро и уже на второй год дает фрукт величиной со стручек, но вкусом — банан. И Юрий Давыдыч эти свои посадки сам бережет, наблюдает и каждое утро в шесть часов поливает из шланга.

А шланг он берет у дворничихи из упомянутого дома Маруси Худайбердыевой, с которой я познакомился, поскольку сам помогал Юрий Давыдычу.

Ля-ля-ля, поговорили. Женщина она оказалась по всем статьям интересная, сорок пять лет, хотя морда немного татарская, но с лица, как говорится, воды не пить. Оказа-

лась грамотная, сын двадцать семь лет ученый по негрятянскому языку, сейчас работает дипломатом в Африке, дочка двадцать два года замужем за украинцем, но работает в торговой сети в комиссионке, специалист по старой посуде и рюмкам. Так что Маруся живет одна и говорит, что если человек культурный, то можно познакомиться, если пьет, но не скандалит. Особенно она уважает участников Отечественной войны, потому что ихний родственник Мусай Джалил оказался в эту войну героем, и посмертно присвоено звание за то, что писал по-татарски в условиях фашистского застенка. В общем, я вечером к ней наведался в гости. Конечно, прихватил бутылочку, колбасы, сыру и пачку пельменей. Но она встречает и говорит, не беспокойтесь, у нас все есть, и вообще по нашему татарскому обычаю мы гостей сами угощаем биляшами и кумысом, но кумыса не достала, поэтому купила белого.

В комнате, несмотря на полуподвал, не чета писателям, вся мебель красного дерева, ковры до потолка, а посуды видимо-невидимо, стоит повсюду, даже под кроватью египетского производства — сервиз. Это, она говорит, на всякий случай, английский сервиз на двадцать четыре человека, если бывают именины или праздники, или родственники приезжают из загранки или из Казани.

Очень культурно, но и она оказывается женщина культурная и много читала по истории. В частности, она говорит, что татары одно время в России повсюду командовали, но потом поняли, что установить порядок не удается, поскольку их, татар, не так много, а русских и в городах и в сельской местности повсюду очень много. Так что татары из правительства и из местных органов постепенно стали уходить и стали работать по городскому благоустройству дворниками и в торговую сеть. Таково и сейчас положение. А остальные уехали в город Казань, который за благоустройства царь Иван Грозный собирался объявить столицей, но потом передумал и приказал своему внуку строить Ленинград, который и был построен, ввиду моря. К тому же, говорят, и ваш великий поэт Пушкин тоже из татар, но не из казанских, а из турецких. А турки — те же татары, только с образованием. Я, конечно, насчет Пушкина не стал с ней вдаваться. Но говорю:

— Вы, Маруся Муртаевна, насчет меня если думаете, что я инвалид войны, то я скажу прямо: я ветеран, а не инвалид. И насчет здоровья не жалею, а напротив. Так что не поймите меня превратно.

Она отвечает:

— Я вас понимаю не превратно. Но сперва закусите биляшей, купила в Кулинарии, почти как натуральные. А пока согреться вода, вам вымыть ноги, потому что сами видите, какая у меня чистота и кровать египетского производства.

Вот такие, Егор Исаич, получились дела...

Теперь я у Юрий Давыдича ночью редко. А утром Марусе Муртаевне помогаю по подметению тротуара и уборке двора и проезжей части...

Так что жизнь у меня интересная. Крепим дружбу народов с татарами!

Если будут происшествия — опишу.

А пока до свидания. От Маруси Муртаевны вам поклон. Жду ответа, как соловей лета.

Из Москвы Евграф.

Почтенный Евграф Мокеич!

Уж я тебе так скажу, что твои последние письма вгоняли меня в черную тоску, очень ты человек неосновательный,

а все оказываешься, по научному выражаясь, в самом центральном эпицентре всяческих дел и через это встречаешься с интересными людьми. Сидел я, сидел и думаю, чего я сиднем сижу и даже, можно сказать, замшел. Вспомнил я свою артистическую молодость, как в самодеятельности играл и, надо тебе сказать, таки срывал аглодисменты. Зав.комунхозом тов. Тимофеев Ю.П. так мне прямо и говорил: «Ну ты, Егор, прямо комик!» А я и лирическое мог. И сплясать если, так никого против меня не было.

Вот и дернул я в эту самую Пензу, про которую ты мне как-то писал. Значит, думаю, культурный центр. Приехал, гляжу, театр есть. Я прямо туда и к самому главному, он, конечно, из евреев, но я с этой нацией умею себя вести. Словом, нажал на него. И — гляди в афишу, теперь я там на первом месте стою. Нарочно такой псевдоним взял, чтобы с первой буквы начинаться. И Егора на Юрья поменял. В театре все так делают. Ежели у актрисы своя урожденная фамилия, скажем, там Шилкина или Кривопяткина, она запросто говорит, а я вовсе Вронская или, скажем, пани Валевская. И это с милой душой приветствуют. Вот и я теперь Юрий Абызов. Работенка непьющая. Роль у меня в каждой пьесе всегда одна и та же. У этого еврея Рейнгольда бзик такой есть, что нынче никто никого не понимает по причине общей ни-кому-никобельности, я это слово нарочно на бумажку списал, вернее попросил списать, его ведь и после первой бутылки сходу не выговоришь. И вот он, этот еврей Рейнгольд, придумал, чтобы в каждом спектакле был такой символ. Навроде как. А символ этот — я. Глухонемой. Выхожу, когда скажут. Постую, помычу, руками помашу, вроде как сказать чего хочу, а как пойму, что никто не хера не понял, то по-нашему, по-актерски говорю, покидаю подмостки.

Конечно, без накладок не обходится. Иной раз увлечешься, да и скажешь чего-нибудь, даже бывает покрепче. Так они, до чего хитрожопистый народ! — придумали. Когда нужно, кто из актеров на сцене ближе, шопотком скажет: «Ступай, ступай, наливают уже!» А это значит, помреже стакашек наполняет, мне всегда после выхода подносят за кулисы для поправки. Сначала я рвался, я, говорю, еще могу, хоть в каждом действии, но они объяснили: будешь все время на сцене торчать, а чего же тогда другим актерам делать, их же уволить могут за простой, жалованье люди потеряют, а у них жена, да по нескольку, дети... Ну, я уж пожалел. Стопарик приму, а остальное сам добавляю.

Поклонники, конечно, есть, один полковник отставной, толковый мужик, зашибает крепко. Но один пить не может, и чтобы компания была интеллигентная. Ну, я ему в самый раз. Раньше, говорит, я эту интеллигенцию на понюх, говорит, терпеть не мог, и мозгов я этих самых уйму вправил, а некоторые и вовсе за ненадобностью в народном хозяйстве списал. Но под старость мнение переменял и даже себя в некоторых смыслах интеллигентом считаю. Большого опыта человек. И еще один — на тарном пункте работает. Бакенбардов ему фамилие. У этого деньги не пересыхают, сам понимаешь, при такой должности. Похо-ды министерские и все остальное как на подносе. Чуть понадобится, сразу ставно захлопнул, бумажку нашлепал: «Тарный пункт закрыт по причине завалом означенной тарой», — и порядок. Тут же: Нуша, принеси. Нуша несет. Когда надо, и Зинаиду кликнет, это если вдохновение. Тут уж такие мизансцены имеют место, что куда тебе...

Думаю в ближайшее время заглянуть в Москву. Так что ты не возражаешь, если у твоей Маруси Муртаевны тоже останешься? Но пока что еду с театром на гастроли в Крым. Есть такой поселок Планерское, в нем писатели

летом живут. Вот и надо их культурно повышать.

С приветом к вам
народный артист Ю.Абызов

Егор Исаич!

У тебя, Егор Исаич, театр, а у меня чистый цирк!

Сижу это я под вечер рядом с Марусей Муртаевой на скамеечке возле первого подъезда дом пять по Астраханскому переулку, вдруг подъезжают «Жигули». Оттуда выходит невысокий такой и не особо полный гражданин с бывшей кучерявостью на голове, моих лет, и немного с заиканьем говорит:

— Не вы ли известный Евграф Мокеич Пантрягин?

Я говорю: именно я.

— А я, — говорит, — писатель-поэт Александр Петрович Межиров. — А сам глаза косит на Марусю Муртаевну. А глаза у него... чистые, как у дитяти. Мне это, однако, стало неприятно, спрашиваю:

— В чем дело. Излагайте короче.

А тот:

— Хочу запустить вас на Евгения Александровича Евтушенку.

— На того самого?

— На того.

— А что значит — запустить?

— А это, — говорит, — сразу так объяснить трудно. И может, даже сперва будет непонятно. Но потом все разъяснится.

Любопытно мне стало. Простился я с Марусей Муртаевой. Я, мол, к вашим услугам.

Поехали. Километров за тридцать от Москвы по Минскому шоссе. А по дороге Александр Петрович мне объясняет:

— Евтушенко мой, говорит, ближайший друг. И сейчас попал в обстоятельства. А чтобы его из обстоятельств вывести, надо человека крепкого, который бы его зацепил. И если вы с Евтушенкой начнете и продолжите дня три-четыре, то потом он либо сам одумается, либо его можно будет брать голый рукой, как дите, и вынимать из обстоятельств. Поэтому не торопитесь. Вот вам семьдесят рублей, ей-богу, больше нет, но если увидим, что дело идет, будем доставлять соответственно. Но вы, главное, не торопитесь.

— Постараюсь, — говорю, — Александр Петрович, а насчет денег не беспокойтесь, любому интересно с самим Евтушенкой соответствовать и поговорить. Это я мог бы и за свой счет. Только, прошу вас, отбейте телеграмму Марусе Муртаевне, чтобы она три-четыре дня не беспокоилась.

— Я к ней сам заеду, — говорит Межиров. Но я смекнул, чем тут пахнет, и говорю:

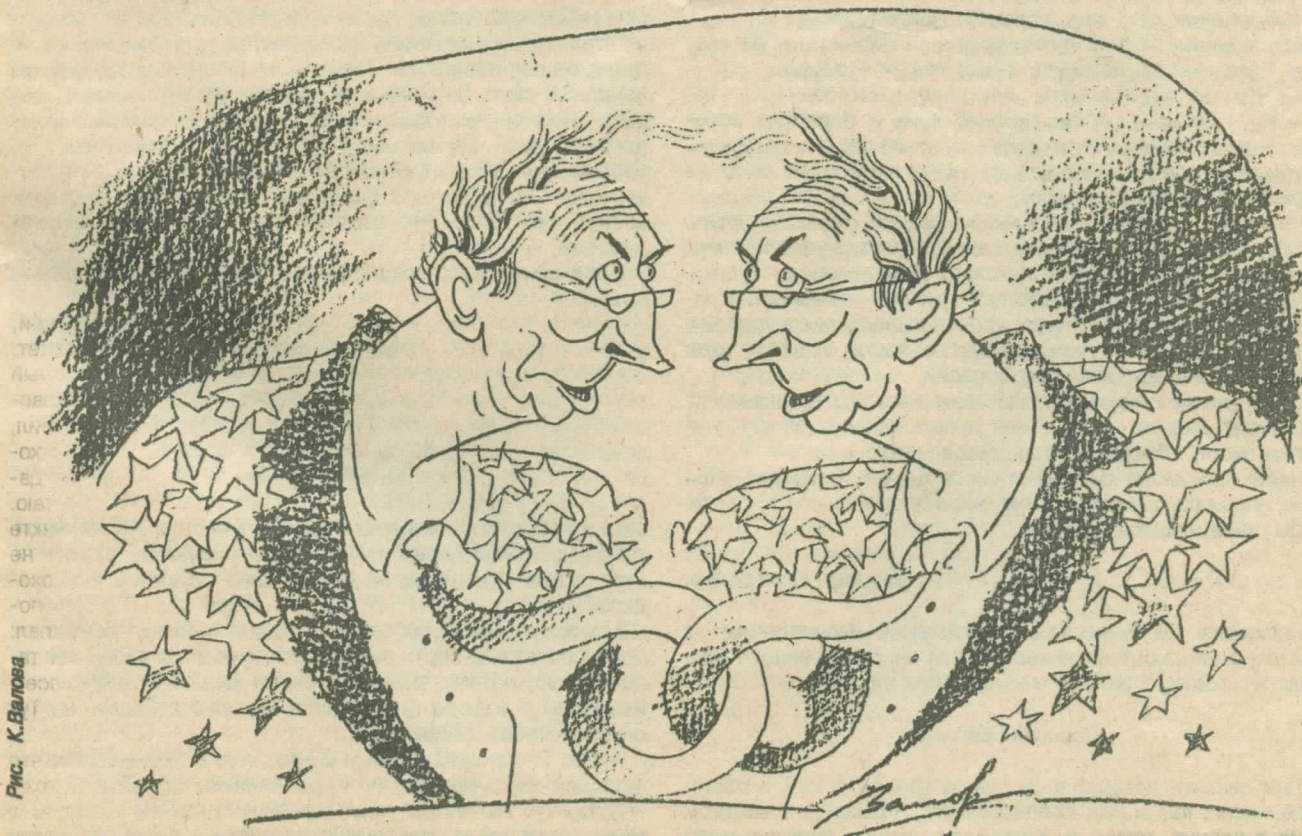
— Нет, вы для успеха дела должны быть поблизости. А телеграмму, в крайнем случае, можете не посылать.

Приезжаем в один поселок, участки густые в лесу. Останавливаем машину, заходим за угол, и Межиров говорит:

— Вот отсюда будем запускать вас на Евтушенку.

— А как он меня не примет?

— Примет, ибо все готово.

Подхожу к крыльцу, собачку сапогом отогнал, звоню. Выходит. Высокий, худощавый, нос простецкий, но одет хорошо. Глаза делает немного навывкате.

— Вы Евграф Мокеевич?

— Я.

— Заходите. Я вас ждал.

Захожу. Комната. Мебель. Только картины все висят вверх ногами. Жена или просто так, симпатичная. Говорит не по-нашему. Он не по-нашему отвечает.

— Садитесь, Евграф Мокеевич!

— А почему вы меня знаете?

— Я вчера получил телеграмму из Союза писателей, что ко мне должен прибыть знаменитый русский умелец Евграф Пантрянгин. Мне это нужно для поэзии. А чтобы я вас видел в работе, мы завтра же выедем на строительство моей дачи в районе Черного моря, где я вас буду наблюдать и описывать, а вы трудиться, конечно за приличную плату. Итак, по рукам?

— В этом смысле, — говорю, — Евгений Александрович, мне надо подумать...

— Это понятно и это я тоже учитываю, — отвечает. И тут же на стол — три бутылки висок и шампанского шесть штук. Закуска, правда, слабая: краб.

Тут стакан за стаканом. Виски штука не слабая, по крепости будет, как наша, но отзывается самогоном, правда, хорошим, пшеничным. Так что не плохо.

Евгений Александрович со мной беседует, как с народом, про то, да с... потом говорит:

— Я одну поэму пишу, но еще не закончил. Начало я вам прочитаю, а конец спляшу. — И сплясал. Так хорошо сплясал, как артист!

— Понятно? — спрашивает.

— Понятно. — Ну и я сплясал. И вместе плясать стали. А американка его нам хлопала. Понравилось!

Как я допил вторую бутылку, вышел оправиться на воздух. Гляжу — около дачи в кювете — Межиров.

— Что вы тут делаете, Александр Петрович?

— Я, — говорит, — так привык лежу и обрастаю волосом. У меня жизнь, — говорит, — неудачная, и я ее боюсь, потому что все идет в масть, а удачи нету. Надо волосом обрастать. И вам советую.

Не очень я понял, что к чему. Евгений Александрович, тот понятнее. Допили мы с ним вино. А наутро уехали к Черному морю, где я сейчас и нахожусь вблизи города Сухуми.

На даче у Евтушенки работают грузины — вернее не работают, а приходят и с утра жарят шашлык, пьют здешнее кислое вино и поют песни, вроде «Сулико». Я здесь тоже второй день пью вино и пою песни.

В остальное время написал вам настоящее письмо. А что будет дальше — не имею представления. Внизу плещется море. Вверху возвышается нечто.

Насчет же моей работы в цирке опишу на досуге. При сем посылаю этикетки вина «Изабелла».

До следующего письма

Евграф Пантрянгин.

Поскольку вы отдыхаете с писателем Ряшенцевым, то мне об этом писателе известно, что он родственник писателя Ряшкина. Поэтому передавайте привет.

Дорогой Евграф!

Твое письмо, которое я был на гастролях на юге, я конечно получил. Как я уже сообщал тебе, отбывал я с театром в Планерское, которое Коктебель, среди писательского

повышения общего культурного уровня работать. Месяц, почитай, там провел. Народ, я тебе скажу, всякий. Некоторые так и вовсе без понятия. Однако имели место так же некоторые ветераны.

К примеру тов. Наровчатов С.С. Серьезный товарищ; всегда при жене и угрюмый. С большим самоуважением. Что пьет — не знаю. Таится.

Давал я читать нашу с тобой переписку отдельным вместе взятым товарищам... Некоторые недоумевали, а некоторые одобряли. В частности, очень одобрял товарищ Ряшенцев. На твой вопрос касательно того, в родстве ли он с писателем Ряшкиным, означенный Ряшенцев сначала категорически отрицал таковой факт. А потом погрузился, задумался и сказал: «Но в свете того, что впереди предстоит обмен писательских билетов, может, мне лучше считаться с ним в родстве? Спроси своего Евграфа, он человек знающий и между строк читающий, пусть скажет, какой линии мне держаться». Ты уж отпиши мне для передачи ему, действительно, как человеку дальше жить, тем более, что ты смутил его покой. А ему на жен надо зарабатывать, тем более при нынешней дороговизне.

Между прочим, из театра я ушел. Спиться подчистую можно. И ко всему еще начали меня звать Исаковичем. Им-то это привычно, а мне как бывшему фронтовику и активному борцу за мир во всем мире и за дружбу с народами это боль в душе делает. Я поправляю с нажимом этак, что я — Исаич. А они скалятся, что это еще хуже.

На таковой почве вышли у меня отдельные психические срывы, включая двух спектаклей, декорации к которым и сейчас, наверное, еще чинят. А может, и заново рисуют. Словом, подал я по собственному желанию. Хотел к тебе поехать под Сухум, где ты дачу строишь. Но тут меня сомнение взяло. По-моему, темнишь ты, Евграф. Беру это я газету «Комсомольская правда» в парикмахерской, куда я от огорчения, тем более, что зарос за то время, когда загудел, зашел побриться. Гляжу в эту газету и вижу, что наш народный поэт Евтушенко в данный момент снимается в кинe. Народного космонавтика играет. В доказательство посылаю тебе эту вырезку. Что ты на это скажешь? Кто из вас брехун? Ты? Редактор таковой газеты? Писатель заметки с неприличной фамилией Барков? Или сам Евтушенко? Тем боле, что заметка называется «Небо зовет».

Кого?

Сдается мне, что в этом деле надо разобраться устно...

За сим остаюсь
известный тебе отставной артист

Егор Обозов.

Ты, Егор Исаич,

хоть и грамотный человек, а иногда мало чего понимаешь. Известный тебе писатель Е.А. меня привез на строительство, а сам самолетом на другой день отлетел в Калугу на свое кино.

А я здесь вкалываю так, что время остается только вечером принять и спеть народные песни. Но я скоро это дело кончаю, потому что имею вызов домой от Капитолины Ивановны и еще по одному делу личного порядка. Так что скоро напишу подробно.

А про Ряшенцева я так и думал, что он родня Ряшкину. Хороший был человек и, к сожалению, покойник...

А ты, что из театра ушел, правильно сделал. Это — для молодых. В наши года лучше работать в ансамбле — там

спросу меньше. Можно только рот развязать, а другие пускай глотку дерут.

На этом кончаю, потому что шашлыком запахло.

С уважением

Евграф.

Егор Исаич!

Дорогой и уважаемый товарищ Обозов!

Обращаюсь к тебе так официально, потому что есть я пропавший два года Евграф Пантрягин и ввиду событий со мной происшедших. Пишу об этом Вам, потому что никто в это дело не верит и даже содержали меня в алкогольном профилактории. Но потом выпустили, признав нормальность моей психики, а ненормальность случившегося со мной не признав, ввиду противоречия правилам науки.

Но напишу все по порядку. Как известно тебе, я находился в местности Гульрипше для строительства дачи Евгения Александровича Евтушенко, знаменитого нашего поэта-писателя. Там со мной находились еще Тенгиз, Шалико и Акакий, тоже работавшие на постройке дачи. Вышеназванные товарищи со строительством не торопились, говоря, что такому человеку, как является Евгений Александрович, быстро строить нельзя, потому что если быстро строить, то плохо может получиться, строить надо на века, чтобы потом, если будут раскопки, то сразу же поняли, что здесь жил не простой работник торговли, а наш знаменитый поэт-писатель. Исходя из этого Шалва зарезал небольшого юного барашка и стал готовить из него шашлык, а я отправился на кобыле Медее за деревом самшитом к знакомому абхазцу, родственнику писателя тоже Искандерова Василия, который тоже из абхазцев. Дерево самшит, которое по твердости, как железо, нужно было нам для отделки спальни Евгений Александровича, который спать хотел только на самшите и ни на каком другом дереве.

В общем, выехал я на кобыле Медее в гору и ехал узкой дорогой, где с одной стороны обрыв, а с другой пропасть. На одном повороте увидел я довольно чудесное явление: над пропастью висел большой автобус с круглыми окнами и никуда не падал. Остановив кобылу Медее, я стал наблюдать, когда наконец упадет автобус. Но из него вышли три небольших человека, ростом с большого лилипута, которых показывают в цирке. Между прочим, я видел таких в Воронеже. Лилипуты эти были одеты в черные костюмы спортивного типа, а на головах вроде круглых абажуров, тоже черного цвета. Что характерно, лица у них были зеленые и, возможно, все тело, потому что руки тоже зеленые с перепонками вроде лягушек. Один из них очень вежливо ко мне обратился, попросив остановить кобылу Медее и с ним поговорить. Что я и сделал.

Человек этот со мной как бы не говорил, потому что не происходило никакого звука, а я ему как бы не отвечал, но все было понятно, и говорил он без звука совершенно по-русски. Тем не менее, он предложил зайти к ним в автобус. От чего я не отказался.

Тогда возник какой-то луч, который меня, телегу и кобылу Медее немедленно втянул в автобус.

Я, конечно, всему этому удивился. Но решил не показывать виду. Потому что в том же Воронеже видел, как один фокусник вынул из носу одной гражданки часы-ходики.

Поэтому и решил, что имею дело с цирковой программой. Однако в этом я ошибся.

— Выступаете, значит? — говорю.

Один зеленый отвечает:

— Не знаю, как сказать по-нашему, а по-вашему канту-емся.

— Ах, вот оно что, не знаю, как вас по батюшке.

Тот говорит:

— Не могу вам объяснить по-нашему, а по-вашему будет Евграф.

— Значит, тезки. Ну, будем знакомы. И чем же вы все-таки занимаетесь?

— По-вашему будет — наукой.

— Ах, — догадался я, — значит, автобус ваш вроде бы лаборатория?

Соглашается:

— Вроде.

— Небось из Москвы?

— Да как сказать. Вообще-то из Москвы. И там зависаю. Но не знаю, как сказать по-нашему, а по-вашему будет из двенадцатого измерения.

— Это как понять?

— Ну, вы меряете в три стороны, а мы в двенадцать.

— Я-то вообще, — говорю, — меряю в одну сторону — вверх. А насчет, что на троих, это верно. Неужели вы на двенадцать одну берете?

— А мы вовсе не употребляем, — говорит зеленый.

— Завязка, значит? А жаль. Не то бы мы для знакомства... Это бы, Примыч, не плохо было.

— Мы хоть не употребляем, но по-вашему говоря, эффект такой сотворить запросто можем. Так что ты не стесняйся.

— Спиртыга, небось, в лаборатории, — догадываюсь. — Ну, я не против.

— Позвольте тогда я подключу к этой розетке.

Тут он ко мне присоединяет черный шнур и втыкает вилку в розетку.

— Ну как?

— Замечательно, — отвечаю. — Сто пятьдесят чистых!.. Если можно, еще такую дозу. Жалко, что ты, Примыч, не употребляешь. Я бы из этой розетки весь день не отключался... Вот только закусить нечем.

— А что бы вы хотели?

— Да огурца соленого.

— Это можно, — подключает в другую розетку. И верно: чувствую, во мне огурец.

— А зразы с гречкой нельзя?

— И это можно, — говорит зеленый. И опять чувствую: во мне зразы. Это стало мне совсем удивительно. И я говорю:

— А шашлык если?

— Можно и шашлык. — Подключает меня в третью розетку. Чувствую в себе шашлык.

— Шашлык, — говорю, — неважный. Вроде свиного. Это не то, что Шалико жарит.

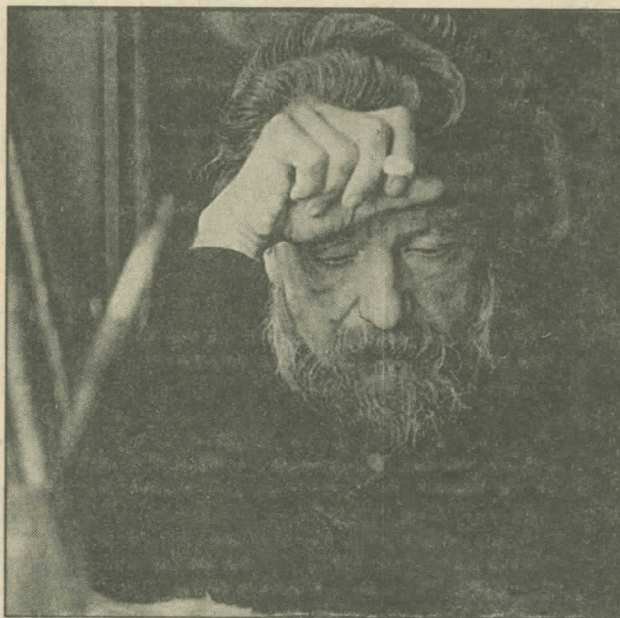
— Да, — говорит зеленый, — это у нас несколько не доработано.

Тут уж я сам втыкаюсь в первую розетку. Еще принял грамм триста.

Поэтому дальнейшего не помню. Потому что заснул.

На этом рукопись романа обрывается, как и все чудесное.

Воспоминания

о несбывшемся

Трудно, в сущности, невозможно, взять интервью у старинного друга. А идея эта возникла на выставке московского художника Бориса Козлова, организованной перед Пасхой в Знаменском соборе. Родилась и тут же умерла... Борис улыбнулся и сказал: «Гера, ты ж все знаешь. Сам спроси — сам ответь...» Наверное, я бы не написал ни строчки, если б не прочел в одной молодежной газете об этой выставке чудовищную фразу: «Борис Козлов — художник «форсистый». Так не понять человека... Впрочем, у нынешнего поколения свой язык, свой семантический уровень. А мы — из того изувеченного хрущевской «оттепелью» поколения шестидесятников. Интервью не получилось, вместо него — просто непричесанные мысли о художнике, о надеждах и разочарованиях.

Кстати, понять Козлова и впрямь нелегко — он изменчив и многолик, любит эпатировать, поражать парадоксами. Однажды на моем дне рождения — а было это 7 сентября неизвестно какого года, как раз в годовщину Бородинской битвы, — он сказал: «Эх, если б тогда победили французы, у нас была бы Эйфелева башня, а у них — социализм».

Он не «форсистый», просто он — артист, и этот артистизм, видимо, унаследовал от родителей-актеров.

Познакомились мы тридцать лет назад в Софрино, в пионерлагере радиокомитета, куда его, редактора те-

левидения, и меня, начинающего радиорепортера, послали воспитывать юное поколение. Вечерами, когда дети спали, мы встречались, говорили. И говорили так потом еще лет десять-пятнадцать. Последние годы все реже, больше — по телефону. Козлов купил кооперативную квартиру на столичной окраине, и добираться туда дольше, чем до Ленинграда лететь самолетом.

А в первые годы нашего знакомства он жил в большой коммуналке в Настасьинском переулке, в самом центре Москвы. Народу туда приходило немало, порой в комнате, где Борис жил с матерью, собиралось человек по двадцать. Оставалось только удивляться терпению Веры Ивановны и доброжелательству соседей. Ведь пили, конечно, а уж спорили и шумели... И если удавалось набрать всего на пару бутылок — пустяк на такую ораву, — соседка Рая на правах старого друга звала меня на кухню и наливала стакан «занзибары». Почему она называла так крепчайший самогон, настоянный на лимонных корочках, не знаю.

Одарен Борис был всесторонне. Впрочем, почему — был? Просто я вспоминаю о первом периоде, когда он писал не только картины, но и сценарии, стихи, такие же изысканно-причудливые, как и его живописные работы. Вот два — из циклов «Дробь» и «Красный конь». Датированы они 1962 годом...

НАПЕВ

Это просто квашенные звезды.
 Это просто тутовая Прага.
 Это цирк, где представляют тору.
 Это лоб с готовой пантомимой.
 Это просто просочились слухи
 Крестным ходом — к пегим кобылицам.
 Это просто —
 Гобелены Фроста.
 Это мы в зеленых вертикалях —
 Полубоги-полуарзамасцы.

Мы были молоды и впрямь считали себя полубогами, которым все по плечу. А были полуарзамасцами, правда, сознающими, что живут на обочине мировой цивилизации, и радующимися, если удавалось, к примеру, заполучить альбом Кандинского и полистать его.

ЛЮБОпытство

— Ты откуда? — спросил я человека.
 — Я из стекла, по которому стекает дождь.
 — Ты откуда? — спросил я человека.
 — Я из воды.
 — Но почему так тверды твои глаза?
 — Чтобы просладить, чем все это кончится.

Чем «это» кончилось, теперь мы знаем. Впрочем, и тогда быстро поняли.

...Когда я увидел, что живопись — не просто одно из его увлечений? После первых персональных выставок, организованных в 1964 году в МЭИ и кафе «Синяя птица»? Или в ту осеннюю ночь, когда мы решили пойти пешком от его Настасьинского ко мне на «Речной вокзал»? В сквере у метро «Динамо» Борис вдруг схватил меня за руку: «Стой!» Сквозь черные корявые ветки, уже сбросившие листву, сияла полная луна. Он долго стоял и смотрел. Спустя какое-то время подарил мне картон — «Двое за садовой оградой». Мне эта работа всегда напоминает ту ночь.

Работы Козлова разбегались по сорока странам мира, осели в западных галереях, приобретены коллекционерами — обычная судьба тогдашних непризнанных. Но сам он остался: «А зачем уезжать, мне и здесь хорошо...» В некоторых публикациях его «подают» как человека глубоко верующего. Не берусь судить, но мне всегда казалось, что если он и верит в Бога, то в какого-то очень своего. Да разве художник-баталист должен носить погоны, и каждый ли маринист — моряк по духу?

— Ты знаешь, — сказал мне Борис на последней выставке, — когда меня показали по телевизору, кое-кто из старых друзей сказал: «Если б мы знали, что ты станешь таким популярным, мы бы тогда твои вещи покупали». Вот так... И деньги, говорят, были.

У меня дома висит одна чудесная работа, подаренная в стародавние времена Борисом. «Святая Троица». Вещь темная, мрачная и прекрасная. После выставки сын спросил: «Наверное, теперь картина дорого стоит?» Не знаю.

Работы друзей не продают. Друзей — тоже...

Герман ЛОМАНОВ

«ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЛУКИ» (1971)

СВЯТЫЙ ПЕТРЪ И ПАВЪЛЪ

МЫРЪ ВЪ М

ХІВ

П

РА

П

Б XV

П

РА